

Геннадий Зараненко

Пантасмагория души
Васеказы и етихи

18+

Геннадий Владимирович Тараненко

Фантасмагория душ.

Рассказы и стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68807808

SelfPub; 2023

Аннотация

Я пишу рассказы, стихи и пьесы в стиле фантасмагии. Меня часто спрашивают: «А что такое фантасмагория? Чем она отличается от фантастики, фэнтези и, наконец, от мистики?» Я пожимаю плечами и пытаюсь дать определение, опираясь на Википедию. Получается не очень. Мне кажется, на самом деле фантасмагория нуждается в особом истолковании. Если представить железнодорожный состав, несущийся в мозг человека с огромной скоростью, то у фантастики первым вагоном будет технология, у фэнтези – сказка, а у мистики – сверхъестественные силы. Фантасмагория же вначале прицепила бы некий конструктор мироздания, который по мере движения постоянно пересобирается, пытаюсь найти оптимальное расположение колёс, купе и титана с горячей водой... Не желая мириться с общепринятой сборкой, сомневающийся Фан при этом вселял бы разум в каждый отдельный крючок или винтик, предоставляя любой, даже самой малюсенькой детали шанс стать главным проектировщиком целого состава.

Содержание

Смысл жизни и Человек	9
Рябина	16
Колесо времени	18
Полсотни лет...	25
«Я». Часть первая. «Я» и «Мы»	27
Баку... Детство...	34
«Я». Часть вторая. «Я» и кактус	37
Открыв врата пошире для сомнений...	43
Фантазмагория	46
Безумие	52
В поисках Истины	54
Иллюзии	59
Коллекционер	61
Мой ангел в белом пальто	68
Разум и эмоции. Часть 1. Эмоциональная	70
Любая мысль нуждается в дороге...	76
Разум и эмоции. Часть 2. Разумная	78
Другой	84
Шут	86
Обитель	92
Тот, за кем пришли	94
Что-то неземное	100
Карнавал. Часть первая. Маячная	102

Подопытная крыса	108
Карнавал. Часть вторая. Сатурнальная	110
Уймись хозяйюшка, уймись...	116
Выставка	118
Надевший маску по себе не плачет	124
Сакральные места	126
В поисках врагов	134
Радужный мост	136
Вершиной смысла упоясь...	140
Калейдоскоп	142
А я люблю Россию!	150
Весы	152
Ворон	159
Мусорка	161
Желая вынырнуть из суеты...	169
Умеющие летать	171
Кружись, кружись, мой разум, в страстном танце...	176
Кубики	178
Ленивый рай	185
Йохо	187
Я заслужил испить водицы...	193
Тараканий рай	195
В других мирах ища себя...	202
Любимый сын Ленина	204
Нет боли, потому что боли нет...	217

Солдатики	219
Огонь эмоций	225
Циник	227
Сегодня холодно, январь...	233
Двор-колодец	235
Молясь однажды, погрузившись в свет...	242
«Михаил Сотников»	244
Каспий гневался...	252
Печатная машинка	254
Прости меня...	261
Матрица	264
Кто мы?	270
Тот, который с Луной	272
Осень, дождик, листопад...	278
Инно	280
Я верю умоюсь родниковой...	287
Начертательная геометрия	289
Вечность	297
Мыслемокот	299
Дольмены	305
Тётя Лиля	307
Жизнь прожить...	313
Ветер, Холод и Надежда	315
Во сне увидел я тебя...	321
Седьмой	323
Схвачу улыбку я, не видя мрака...	328

Идеальный мир	330
Приняв цветов контрастный душ...	335
Закономерности и случайности	337
В поисках «Я»	344
«Зингер»	346
Когда туристы стали разъезжаться...	352
Двое и Душа	354
Когда за чистый белый лист бумаги...	360
Третье	362
Слова закончились давно...	367
Наблюдатель	369
Грядущих дней испить водицы...	375
Злость	377
Пророк	383
Коряги	386
Я откажусь от дум греховных...	392
Улитка	394
Я дух бы перевёл...	399
Сны	401
Однажды Логика потеряна была...	407
Нечто и Ничто	409
Мы цепи вяжем...	414
Колбаса	416
Оно	422
Детство	424
Ты виноват, что не такой как я	430

Сглаз	432
В чём тебе не повезло?	439
Пустота	441
Нереальны мы, нереально мирозданье...	449
Бабусенька	451
Разговор с мамой во сне	458
Степень свободы	460
Журчит ручей, торопятся искринки...	466
Песчинки	468
Страх	474
Рыжая	476
Поворот	483
Нотариус	485
Ты свет желала на закате лет...	492
Деревья счастья	494
Что наша жизнь? Безжизненные дали...	500
Молитва	502
Всё пройдёт	508
Исключение	510
Разрушивший не плачет по обломкам...	516
Брусчатка	518
Где-то знают, как надо	524
Боль	526
Не будь тебя...	532
Куницы	534
Четыре чёрные стены	540

Герман, Эрика и биткоины	542
Черпая муки творчества ковшом...	549
Воскрешение	551
В раздумьях о смерти	557
Безумие	559
Что ждать от дней?	565
Однофамильцы	567
Ночь. Темно. Ухожу	573
Чип	575
Сегодня я лечусь стихами...	581
Старушка	583
Слова я прячу за словами...	591
Начало	593
Чернота, подкравшись незаметно...	599
Правда	601
Пьяный	607
Троица	609
Я верую, во что я сам не верю...	617
Что ещё надо людям?	619
Космонавт	625
Дом	632

Геннадий Тараненко

Фантасмагория душ.

Рассказы и стихи

Смысл жизни и Человек

И сказал он, что не зря это всё...

И у каждого есть своя миссия и свой путь.

И кто найдет его, тот дотронется до меня.

И поймет тогда, что есть свет, что есть тьма.

Смысл жизни сидел на отутюженной дождём и ветром, ласково нагретой солнечными лучами площадке, расположенной на самой вершине отвесной скалы. В задумчивости всматриваясь вдаль и не испытывая ни малейшего страха перед высотой, он, свесив ноги вниз, болтая ими, разгонял воздушное прозрачное месиво подпирающей скалу пустоты. Массы камня были вылеплены природой так, что напоми-

нали громадный царский трон, величаво и гордо возвышающийся над бескрайней гладью моря, хвост которого убежал за горизонт и там растворялся в небесной дымке.

Казалось, что солёная пучина, обладающая невиданной силой, пасовала перед монументальностью конструкции скалы и шаркающей походкой почтительно заходила в подковообразную бухту, оставляя свой непокорный нрав за её пределами. Достигнув скалы, море, свернувшись в комочек у её подножья, что-то само себе мурлыча набегаящими волнами, скрупулёзно перебирало мелкую гальку, искоса смотря снизу вверх на восседающий на вершине Смысл жизни.

Он был ничей, поэтому скука и грусть в виде двух белых, ничем не примечательных бабочек, махая крылышками, летали возле, изредка заглядывая в его голубые бездонные глаза. Божественное свечение, исходящее от радужных оболочек, обволакивающих зрачок, распространяло такой магнетизм, что притягивало этих мечтательно летающих беззащитных насекомых, наделённых унылой миссией констатации факта иллюзорности всего сущего. В глубине безграничного сознания бабочки видели рождающихся и тут же умирающих светлячков, моментально озаряющих сиянием всё вокруг, и не найдя тех, ради кого они пришли в этот мир, угасающих, превращающихся в угольки.

Настроение Смысла жизни с увеличением количества чёрных безжизненных точек всё ухудшалось и ухудшалось, но поделаться ничего он не мог, так как не был приспособлен к

самостоятельной жизни и веселить сам себя ещё не научился. Нахмурившись, он взглядом пронзал пространство и, не найдя, где остановиться, обернувшись вокруг Земли, опять заходил глубоко в себя, прихватывая с собой свои мысли и надежды. Он, сам того не желая, постепенно передавал свой лёгкий нервный тремор водной стихии, которая, впитав энергию от невидимого вибрирующего биополя, начинала исходить мелкой синей рябью в виде гигантского персидского ворсистого ковра, расстеленного по всей бухте. Но вдруг дорожка, по которой мгновение назад взгляд Смысла жизни совершал кругосветное путешествие, разорвала порочную бессмысленность и явила миру Человека, плывущего на маленьком судёнышке к берегу.

– Аллилуйя! – во весь басистый голос прокричал Смысл жизни, у которого впервые в жизни появился смысл стать чем-то для кого-то. Он встал в полный рост, взяв откуда-то подвернувшуюся ему под руку красную тряпку, и что есть силы начал махать ею, распугивая осаждающих его бабочек. Пытаясь привлечь внимание Человека, Смысл с пронзительной скрупулёзностью, на мгновение зажмурившись, представил себя маяком, указывающим тому, кто в лодке, единственно верный путь объяснения его существования.

Быстро набросав карандашом на вырванном из ученической тетрадки листе картину, он передал её морскому ветру, который вызвался доставить эскиз до адресата. Ветер приступил к делу осторожно, со стеклянным трепетом и почти-

тельным молчанием. Листочек взмыл вверх, расслабился и, расставив края в разные стороны, понёсся, подгоняемый потоками тёплого бриза. По пути, чуть свёртываясь в трубочку, затем распрямляясь, он изображал в воздухе различные фигуры, показывая, на что способен простой прямоугольный лист бумаги, если его не сдерживать скрепами и обложками. Через некоторое время, почти не устав, он достиг цели своего путешествия, медленно приземлившись на деревянную палубу прямо перед ногами Человека.

Тот опустил глаза, посмотрел на хорошо сохранившееся и почти не смятое ветром изображение, лежащее в луже морской воды, образовавшейся на палубе от брызг. Что там было нарисовано, самому Богу не было известно, но Человек только глубоко и равнодушно вздохнул, подняв листок, скомкал его и выбросил обратно в море. Затем он поднял паруса, решив не причаливать к берегу, и, развернув посудину, на полной скорости помчался дальше. Лишь только волны в отчаянии хлестали по корме лодки... А листочек, постепенно набухая, всё глубже и глубже уходил под воду. Мечта Смысла жизни обрести хозяина тонула вместе этим маленьким скомканным кружочком бумаги, погружающимся в черноту морской пучины и навсегда прощающимся с солнечным светом.

Отвергнутый Смысл, кряхтя как усталый старик, опять сел на скалу в глубокой задумчивости, пытаясь понять, почему Человек выбрал бессмысленность бытия? Почему он не бросил навсегда якорь в его бухте? Видимо, дух путеше-

ственника и постоянная борьба с самим собой были ближе для Человека, чем понятная, родная, но такая обыденная гавань постоянной дислокации корабля. И не важно, что кажущийся сейчас таким ласковым ветер переменит через несколько часов настроение и соединится с обозленными норд-остами и муссонами в голодную волчью стаю. Набросившись всей своей звериной мощью, скрипя зубами и царапая когтями беззащитное судно – потопит его, унося в пучину Человека и все его желания и поиски разом. Но это будет потом, а сейчас... Время, словно подкрававшаяся лиса, закрывает лапами глаза плывущего по волнам, лаская его мягким и пушистым хвостом. А Человек, одевшись в шкуру жертвенного ягнёнка, ведёт своё судёнышко к неминуемому земному концу...

– Стоп, снято! – голос за кадром уверенно и восторженно обрывает повествование и дальнейшие съёмки. Некто берёт в руки Человека со Смыслом жизни и ставит их на дальнюю полку, сплошь покрытую пылью. Микроскопические частицы, уютно расположившиеся на деревянной поверхности, сначала настороженно принимают новых незнакомых постояльцев. Галдя, они взлетают чуть-чуть вверх, а затем, успокоившись, понимая, что это навсегда, оседают, обволакивая одинокие фигуры серой вуалью. Человек и Смысл жизни, пересекшись взглядами, осознают, что они были созданы друг для друга и в промелькнувшей жизни упустили свой шанс встретиться. Одному не хватило таланта художника, друго-

му видения ценителя, но что теперь... А теперь им остаётся только неспешно вести беседу... Беседу длиною в вечность. Вспоминая шум моря, отвесную скалу в виде трона и ветер – ветер ласковый и тёплый, с любовью качающий лодку, словно люльку ребёнка.

Рябина

В восторге я, когда цветёт рябина,
Пронзая осень красною стрелой.
Как в серости Мария Магдалина

Едва Христа касается рукой.

Садовник превращается в святого,
Святой – в свету становится рабом.
И, погружаясь в воды внеземного,
Сливается всей сущностью с Отцом.

Я знаю, что в контрасте скрыты знаки,
А в знаках хитро вкраплены слова.
И кровоточат на ветру зигзаги,
Плетя из наших судеб кружева,

Болтушка-Время тикает уныло,
Крадя скупые зёрна тишины.
Давно по осени душа остыла
И стёрла в нас рябиновые сны.

Мы не поэты, нет, мы только пешки,
Хотя в большой Божественной игре.
Уходим мы с доски, ворча, без спешки,
Лишь ставя крестики на алтаре.

Ища в благополучии подтексты,
В себе перестаём искать себя.
С небес черпаем мы идеи бегства
В рябиновые тайные края.

Колесо времени

*Бог дал человеку память и воображение,
Чтобы он при жизни тренировал их,
Насколько хватит сил...
Ибо, когда человек уйдёт за горизонт
И приблизится к Всевышнему,
Он должен показать Ему свои способности.*

– Вот, посмотри, всё до гениальности просто, – воскликнул четырнадцатилетний прыщавый Гордей, заметив недоверчивый и ухмыляющийся взгляд одноклассницы Дианы. Она сидела в купальнике на берегу моря на сером пледе в цветочек, расстеленном на тёплом жёлтом песке. Казалось, её чёрные смоляные волосы притягивали лучи света, часть из которых, скользнув по чёлке, погружалась в зелёные глаза

девочки. Она разглядывала, щурясь, силуэт своего друга, закрывающий почти половину огненного солнечного блюда.

Небесное светило в это время своим краем уже касалось горизонта. Устав находиться на работе целый день, оно торопилось побыстрее убежать с пьедестала. Гордей, развернувшись спиной к живописной красоте, творящейся на небосводе, возбуждённо размахивал перед Дианой руками. Жестикулируя и подпрыгивая от захлёстывающих его потоков мыслей, он пытался объяснить своей девушке недавно придуманную им теорию перемещения во времени и пространстве. Диане иногда казалось, что рядом стоит маленький сумасшедший учёный с взлохмаченными волосами. Непонятый и отвергнутый своими коллегами из-за, как виделось им, абсурдности его изобретения, в который раз пытающийся разжевать свою логику.

– Смотри, смотри, – продолжал концентрировать внимание на себе парень, – закрываешь глаза, сосредоточиваешься и с помощью силы одной только мысли уносишься во времени, куда захочешь.

Для подтверждения своих слов он, взяв в руки длинную, несколько изогнутую корягу, начертил возле самой кромки воды метровый круг. Вдавленные крупинки песка вперемешку с мелкими ракушками чуть пискнули, но подчинились воле человека. Тем более что тема разговора им тоже была как никогда интересна.

– Представь, мы стоим в центре круга, – в подтверждение

своих слов Гордей нарисовал две фигурки человечков, – а наши мысли движутся по периметру окружности.

Мальчишка, сжав посильнее палку, вонзил её туда, где должна была гипотетически располагаться цифра двенадцать. Он до смерти испугал проползающего мимо краба, который быстро ретировался, напоследок пригрозив парочке клешней.

– Если наши мысли будут двигаться по часовой стрелке, – Гордей вынул палку из песка, начав аккуратно вести ею по контуру круга, – то мы, словно на машине времени, переместимся вперёд, в будущее.

В этом месте презентации мальчика Диана снисходительно улыбнулась, и на лице её образовались две обаятельные ямочки, которые втянули в себя немного тени. Заразившись игривым настроением девушки и немного порезвившись, тёмные пятнышки, не задерживаясь, со смехом поскакали дальше. Гордей, абсолютно не реагируя на шуточный вид подруги, оставался как никогда серьёзным и продолжил:

– Если ты будешь мыслить в обратном направлении, против часовой стрелки, то устремись назад, в прошлое.

Кончик палки увлечённого лектора, развернувшись, пополз по окружности справа налево.

– Здесь же времени не существует, его попросту нет.

Теперь уже довольно раздражённая палка, резко взлетев, очутилась в самом центре круга, где ручки человечков в виде двух чёрточек соединялись.

– Ну хватит, я устала, – взмолилась Диана, – пошли лучше окунёмся.

Сцепив свои ладони с ладонями Гордея так, что их пальцы перемешались друг с другом, она практически силком потянула его в море. Парень сразу размяк, оставив в один миг роль беспокойного учёного и превратившись в обычного мальчишку, опьянённого первой любовью. Искры из его глаз брызнули в море, прямо перед длинными ногами Дианы, которая уверенно разрезала ими набегающие волны. Всего лишь через несколько секунд двое влюблённых перевоплотились в весёлых дельфинов, которые ныряли в морскую глубину и взлетали с криками ввысь, пугая пролетающих мимо бакланов.

С берега на беззаботных проказников грустно смотрели расчерченный на песке круг и два несуразных человечка. В какой-то момент времени им наскучило быть простыми каракулями на этом празднике молодости, и они тоже поднялись с песка. Круг преобразился в колесо, и двое человечков начали гонять его по пляжу, улюлюкая во весь голос.

Самая идеальная, замкнутая со всех сторон форма, не имеющая ни начала, ни конца, увлечшись, как малый ребёнок, не переставая, катилась по часовой стрелке. Круг и не предполагал, что тем самым раскручивает потоки времени, которые втягивают в воронку две беззащитные фигурки, бегущие возле. Фантазмагория превращений коснулась этих тонких палочек, обозначающих туловище, ручки и ножки.

Случайным образом в них вселились души Гордея и Дианы. Видимо, эфирные облачка, потеряв на мгновение ориентацию, не поняли, где на самом деле находятся их хозяева. Может, это была плескающаяся в волнах любви парочка, похожая на дельфинов, а может, две веселящихся и бегающих взад-вперёд фигурки, графически напоминающие людей.

Всё встало на свои места, когда Гордей и Диана вышли из моря и, уставшие, легли на песок загорать. Они закрыли глаза и погрузились в сладостную дрему под бархатными лучами солнца, наполовину скрывшегося на другом конце земли... Их разбудил громкий детский возглас:

– Бабушка, дедушка, а море сегодня холодное? – они не поняли, к кому обращается этот ребёнок с противным голоском.

– Бабушка, дедушка, вы что, не слышите? – большие круглые глаза прямо в упор смотрели на них.

– Кто здесь бабушка и дедушка, мальчик? – раздражённо ответила Диана, нехотя приподнимаясь на локте. Перед собой она увидела веснушчатого ребёнка и действительно лежащего рядом морщинистого дедушку...

Вдруг она узнала в этом пожилom человеке Гордея. Словоно его намеренно состарили, наложив килограммы грима. Он так же удивлённо смотрел на свою подругу, пытаясь понять, на каком свете находится... Начерченный на песке круг лишь только теперь понял, что натворил...

Море тем временем постепенно слизывало рисунок пар-

ня из видимости в материальном мире. Переливающиеся на солнечном свете золотистые крупинки и мелкие ракушки были готовы принять на себя творения новых художников и послушать другие причудливые идеи. И только Гордей и Диана, которые недавно отпраздновали топазовую годовщину свадьбы, не могли понять одного – на самом деле они прожили эти сорок четыре года или, может быть, когда влюблённые купались, произошло перемещение во времени? И им разом вживили память обо всех событиях и переживаниях за этот период...

Полсотни лет...

Полсотни лет минуло, не моргнув,
Обдав меня водицей родниковой.
И я проснулся, так и не заснув,

Надев на голову венец терновый.

И, в руку взяв обугленную трость,
Закутавшись от холода в багрянец,
Вонзив в ладонь с размаха ржавый гвоздь,
Пустился с криком в иудейский танец.

Войти пытаюсь телом в роль Христа,
Я душу приготовил к вознесенью.
Меня всего сжимала теснота,
И здесь я был для Сатаны мишенью.

Но Бог мне пальцем сверху пригрозил,
Мол, очередь твоя ещё не скоро.
«Тебе в полста, гляди, так много сил,
Не примут небеса к себе танцора».

И, сняв венец терновый с головы,
Я вынул гвоздь и смазал рану йодом.
Убрав стрелу печали с тетивы,
Я стал простым земным обычным Богом.

«Я». Часть первая. «Я» и «Мы»

*Ставя красные флажки для своего «Я»,
Люди пытаются ограничить его рамками
собственного тела.
Они не понимают, что «Я» занимает всё
мироздание,
Насколько простирается человеческая мысль.*

«Я», думая, что оно действительно полноценное и самодостаточное «Я», вытянувшись в струну, встало в позу, источающую сплошной поток уверенности. Для большей убедительности, уперев один из кулаков в бок, оно переложило вес своего монументального тела на левую ногу. Носком же правой ноги «Я» принялось рисовать на жёлтом искристом песке забавные каракули.

Приглядевшись к искромётному творчеству художника, выступающего в данном случае в роли Творца, через некоторое время стало понятно, что миру будет явлено слово «Мы».

С момента начала рождения сверхоригинального песочного шедевра до проявления более-менее распознаваемых контуров прошло не то шесть секунд, не то шесть дней. Время в нашем случае было относительным и тихонечко, никого не задевая, стояло в сторонке в толпе таких же, как оно, любопытных зевак.

Закончив заниматься хендмейдом, а в данном случае – футмейдом, «Я» вступило со своим детищем в непростые, можно сказать, запутанные отношения. Такие конфликты в нашей жизни не редкость и происходят с любым гениальным произведением, которое после появления на свет начинает вести самостоятельную жизнь. Оно абсолютно не обращает внимания на изначальный замысел основателя и может повести себя крайне беспардонно, инициируя спор о том, что было в начале – курица или яйцо.

Следуя общим веяниям, взяв на вооружение хитрость, «Мы» старалось постепенно, не привлекая внимания своего родителя, захватывать всё большую и большую территорию. Так происходило до тех пор, пока в один прекрасный день «Я» не оказалось зажатым, словно в тисках, бездушными, пахнущими сыростью стенами. Порванные местами обои в тёмно-светлую полосочку с большими и безобразны-

ми жирными пятнами, очевидно, указывали, что возникающего стандартного квартирного вопроса между создателем и его творением не избежать.

Коммуналка с висевшим возле телефонной тумбочки графиком мытья сортира стала реальностью, с которой необходимо было мириться обоим жильцам. «Мы», вжившись в роль нахального соседа в трениках с выпячивающимися коленками, начинало морально воздействовать на «Я». Последнему ничего не оставалось делать, кроме как превратиться в скромного очкарика-интеллигента, явно пасующего перед напором накачанного спортсмена.

Ни капельки не комплексующий чувак периодически разъяснял книжному червю, что и как устроено в жизни. Прикрываясь демократическими инструментами, больше похожими на клещи стоматолога, «Мы» приняло сразу, в первом чтении, закон о подчинении меньшинства воле большинства. Обращаясь к себе исключительно с глубочайшим почтением, песочные буквы заняли, понятное дело, место большевиков, оставив меньшевикам в лице «Я» явно проигрышную в исторической перспективе позицию. Тем более что в новой азбуке тихоню запихнули аж в самый конец книги, на последнюю страницу, что окончательно подорвало авторитет буквы. Теперь каждый вздох, шаг, решение, а тем более действие «Я» согласовывало с «Мы», полагаясь на объяснения типа: «так было нужно», «так принято», «так делают другие», «ты что, самый умный?»...

Некогда уверенный в себе знак, казалось, после такого пресса стал даже значительно ниже ростом. Он осунулся, поблек, начал выбирать на выход одежду серых тонов, преимущественно классического покроя. Втянув голову в плечи, стараясь не выделяться среди остальных, «Я» в текстах книг и письмах вынуждено было писаться только с маленькой буквы. Большое количество упоминаний пузатого символа с выставленной ножкой стало считаться дурным тоном.

Мейнстрим, надувая паруса и расчерчивая повсюду границы дозволенного, плыл в сторону шагающих под звуки духового оркестра колонн из похожих друг на друга субъектов. Кривые зеркала, к тому же покрытые толстым слоем пыли, смазывали разнообразие форм, нивелируя торчащие острые углы. В отражениях уже практически не было видно объектов с индивидуальными феерическими характеристиками.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный солнечный день в коммунальной квартире, где жили две противоположности – «Я» и «Мы» – не раздался противный звонок чёрного, как сажа, телефона. Звук от аппарата, дребезжащего громче обычного, распространялся по всей квартире, проникая даже под плинтусы и нервируя мирно отдыхающих коричневых тараканов. Они были готовы в этот момент выскочить из своих укрытий, чтобы первыми поднять трубку, прервав противный звон. Но, услышав тяжелый топот пана-спортсмена, насекомые решили не высовываться от греха подальше. Им не хотелось вот так запросто быть раз-

давленными тапочками бегуна с волосатыми ногами, руками и грудью. Хотя тараканам было всё равно, как выглядит их предположительная смерть.

Тем временем, подбежав к телефону, «Мы» подняло трубку. На другом конце провода возник старческий голос, который частенько покашливал, с напором впуская в разговор потоки воздуха:

– Кхе-кхе! Але-але! Это Земля, кхе-кхе?

Удивлённый вопросом волосатик ответил сразу, не задумываясь, словно, подняв казачью шашку, полоснул ею наотмашь:

– Шутить изволите?

– Что вы, и не собирался, кхе-кхе, – ответил собеседник, явно не желая вступать в конфронтацию.

– Кого, ёшкин кот, вам надо? – напуская грозность, не унималось «Мы».

– Так вас, наверное, – вкрадчиво продолжил незнакомец, – до меня дошли слухи, что вы баловаться изволите?

После этих слов стало совершенно понятно, кто здесь главный. Боевой запал доминанта неожиданно улетучился, будто его и не было. «Мы» поняло, что оно состоит из таких же «Я», как его создатель, и изменять общие правила Вселенной ни к чему. Это почти то же самое, что идти против самой природы. А, как говорится, на любую силу найдётся другая сила, которая будет и помощней, и поумней, и за которой стоит непререкаемая истина.

«Я» никогда не станет ниже «Мы», ибо в него Бог вложил частичку себя, позволив сесть рядом с собою. А кто посмеет оспаривать замысел Всевышнего?..

Баку... Детство...

Баку, Баку! Мой яркий детский рай,
Оливковый винтаж солоноватый.
Каспийских чаек гулкий урожай,

арбузно-сладкий полосатый.

Душа Муслима, куполом накрыв,
Просторы Апшерона защищает.
А на бульваре нефтяной прилив
Лиловой прядью с мыслями играет.

Проспект Московский широтой границ
Опять к себе на праздник приглашает,
Чтоб первым быть из наших всех столиц.
Ура! Народ по площади шагает!

И Башня Девичья, стан распрямив,
Глядит на небо – в зеркало Кавказа.
Часы на вышке, время ощутив,
В безвременье ныряют без наказа.

В нём я худой, стеснительный пацан,
В себя впитавший монтинские ноты.
Начав писать свой жизненный роман,
Не забывал бакинские красоты.

Не забывал своих родных и дом,
Тот двор, что утопал в тени от счастья.
Мы, дети, жили под святым крылом,
Не ведая глобального ненастья.

Теперь уж, что ж, расстался я с Баку,
Других сейчас он сладостно чарует.

Но хочется так верить старику, –
Он обо мне хоть иногда тоскует.

«Я». Часть вторая. «Я» и кактус

*Мы мыслим – значит, мы существуем?
Но чем наш процесс мышления
Отличается от процесса мышления того
Кактуса, который растёт на подоконнике?
Или от мыслей самого Бога, создавшего нас?*

«Я», осознав, что раствориться в собственном детище «Мы» – это не самый лучший из вариантов, решило не медлить, а снять отдельную, хоть и малогабаритную, квартиру.

«На какую денег хватит», – подумала последняя буква в алфавите, несмотря на не самое почётное место, всё же не растерявшая окончательно частичек гордости.

Ночью, когда коммунальная квартира героически давала

храпака, а настоороженные коричневые тараканы один за другим выползали изо всех щелей в поисках чего-нибудь съестного, «Я» принялось претворять задуманное в жизнь. Достав из-под ужасно скрипучей кровати с металлической сеткой старый чемодан, переселенец стряхнул пыль с «дедушки», который, невзирая на почтенный возраст, был ещё ничего – без явных морщин и с добротной, на века перетянутой кожей. Серая вуаль, вместе с обильной паутиной слетев с пузатых боков, обнажили почтовые марки, наклеенные, по-видимому, ещё в незапамятные времена, при прошлых переездах.

На одной из них было по-гречески написано «Ноис» и нарисован бородатый седовласый мужчина, похожий на античного философа. На другой кто-то изобразил Солнце и готическим шрифтом вывел – «Денкин». На третьей треугольной марке красовалась фотография Биг-Бена – английской башни с часами – с наложенной поверх громадной лупой.

Не обращая внимания на цветные ярлычки, выдохнув остатки воздуха и щёлкнув замками, «Я» начало старательно и не спеша складывать в чемодан разбросанные по комнате собственные мысли, тщательно трамбуя их в его зелёном бархатном чреве. Экономя каждый миллиметр площади, сборщик ценностей не хотел ничего оставлять на старом месте, даже самые маленькие, ничего не значащие размышления, больше похожие на потёртые носки с дыркой, чем на выглаженные модные штаны. Висевшие на стене ходики, тихонечко тикая, чтобы не мешать собираться, отсчитывали

время, которое неумолимо двигалось к рассвету.

«Тик-так, тик-так...» Последние раздумья о том, в чём заключается смысл жизни, были тщательно уложены на самый верх стопки таких же мыслей, настолько глубоких, что невозможно было понять, где их начало, а где конец...

И когда иголки кактуса, росшего на подоконнике в пластмассовом стаканчике, начали впиваться в первые солнечные лучи, «Я» уже стояло возле входной двери с чемоданом. Последний раз оглянувшись на коммуналку, где с «Мы» были прожиты, с одной стороны, лучшие, а с другой – такие непростые годы, эмигрант вышел из жилища, навсегда оставив ключи на телефонном столике...

Через пару часов «Я» уже было на новом месте. Хотя, возможно, переезд занял не то семь, не то девять дней. В нашем повествовании время было только прохожим, случайно заметившим одинокую фигуру гражданина, с трудом несущего в неизвестном направлении тяжелый чемодан.

Новосёл сразу, не мешкая, раскрыл настежь окна в новом жилище и наконец вдохнул полной грудью воздух свободы, который нёс на своих крыльях сгустки разношерстной информации. Подставляя свой грациозный стан под потоки звуков и символов, квартирант пытался не впитывать их в первозданном обнажённом виде, а фильтровать через состряпанные тут же, на скорую руку, всевозможные дефиниции.

Подключая сознание к этому непростому процессу, он с

чувством полноправного хозяина стал вынимать суждения из чемодана. Затем, развешивая их по шкафам и складывая по комодам, «Я» изначально пыталось разложить в своём мозгу всё по полочкам, согласно только ему известной системе. Системе, которая, может быть, даст в дальнейшем объяснение, что на самом деле является истиной, а что, в некотором смысле, ложью.

Для чего это ему было нужно? Наверное, для того, чтобы, глядя на себя в зеркало, «Я» могло называть себя «Я», без скидок на: «так повелось», «такова традиция», «в этом мире так заведено». Индивид хотел стать главной точкой, в которую стекаются потоки данных, а наружу вырывается единственный луч.

Возможно ли такое, если внутри неуправляемо размножаются червяки сомнений, питаюсь благодатной пищей относительности всего сущего?

«В зоопарк их, в зоопарк! Под стекло – чем толще, тем лучше. Пусть там искривляются в вопросы и брызжут дилеммами. Здесь у нас должно быть всё чётко и ясно», – в ушах «Я» раздавались голоса, ещё не окончательно выветренные из прошлой жизни в коммуналке...

Вечерело. День подходил к концу. Усталый житель малогабаритной квартиры снял с себя пиджак личности и, кряхтя, уселся пить чай с малиновым вареньем прямо перед открытым окном. Во дворе носились дети с горящими глазами и молодыми сердцами. Малышня, стараясь перебежать

друг друга, не представляла, что им ещё предстоит пережить то, что пережило «Я». А может быть, просто хотелось так думать? И, на самом деле, большинству людей комфортно квартироваться в коммуналке? Вместе веселее и проще, чем слоняться в одиночестве по съёмным углам с чемоданом мыслений...

Открыв врата пошире для сомнений...

Открыв врата пошире для сомнений,

Постичь желая Пушкина секрет,
Я погружаюсь в зыбкость отражений,
Пишу в себе его автопортрет.

Начало и конец соединяя,
Закручиваю мысли я в спираль.
Дотронувшись до дуба, размышляя,
Ищу в строках поэта я Грааль.

Ловлю душой я вечное движенье,
И леший мне сегодня не указ.
Я получил от Бога дозволенье
Услышать ненароком тайный Сказ.

Вне времени, пространства и устоев
Читаю я сафьянную тетрадь.
И, собирая пушкинских изгоев,
Желаю необъятное объять.

И свет дарует мне слова простые,
Из них плету во мгле златую цепь,
А думы, словно кольца вековые,
Уносятся в космическую степь.

И там, познав душой миры иные,
У Лукоморья вижу в тишине,
Как по волнам виденья роковые
Всё ближе придвигаются ко мне.

Я ощущаю в них немой порядок,
Лежащий тайно в пушкинских стихах,
Как на российских землях отпечаток,
Оставленный в пророческих ключах.

Фантасмагория

*Уже никому не нужный, казалось бы, мусор
Может стать фундаментом для
строительства нового здания,
Перевернув представление о действительности с
ног на голову.
И необъяснимое станет объяснимым.
И хаос выстроится в прочную логическую
цепочку.*

Фантасмагория копалась в реальности, словно в отвратительной, тошнотворно пахнущей горе мусора. Полчища карикатурных мух кружились над этой бесформенной разноцветной массой хаоса, отгороженной от остального мироздания ржавой, местами порванной сеткой бреда.

Смятые бумаги, возможно, и с гениальными, но уже никому не нужными мыслями валялись вместе с обьедками ало-

гизмов. Приведения-червяки догрызали последние кусочки истины, которые, столкнувшись с разложением относительности, превращали в грязное тряпье людскую сущность.

Что потеряла Фантасмагория там, где из ценного был только маленький дешёвый серебряный крестик, случайно обронённый пробегающей мимо девчушкой? Что такого увидела сущность, наделённая искорками Творца, подсвечивая себе солнечным зайчиком, отражённым от круглого ручного зеркала?

Может, иной ритм дыхания Космоса, которого в силу скоротечности жизни люди не замечали, погрузившись в такую приятную атмосферу заразной глухоты? Из этой ванны, наполненной жидкостью равнодушия, можно было услышать только громкий бой барабанов, призывающих к поголовной атомизации общества. А возможно, к блуждающему Фану пришло понимание того, что придёт после нас и будет править миром во веки веков?

Взяв огромную палку, как гигантскую перьевую ручку, и запасшись терпением, Фантасмагория начала разгребать спрессованный мусор, накопленный человечеством за много веков. Она открывала слои за слоями, выявляя отдельные оригинальные конструкции гротеска и причудливые формы, вылепленные из сумбура мыслей избранных представителей земной цивилизации.

Самый первый, верхний пласт хлама состоял из поломанных плат, сколотых чипов и ярких фантиков желаний

построения глобального общества. Затем в слоёном пироге следовала россыпь болтов и гаек, обмазанных бурой краской, очень похожей на запёкшуюся кровь. Средние слои были настолько испачканы сажой, что невозможно было понять – то ли это шедевры мусорного искусства, то ли городские отбросы.

В последующих слоях были намешаны кусочки глиняных горшков, фрагменты гипсовых изваяний и огрызки манускриптов, восхваляющих общество философов и свободных граждан. Строки на пожелтевших, готовых в любое время рассыпаться листах были написаны на греческом языке. Красивые, с чувством выведенные буквы создавали звенящий в мозгу контраст. С одной стороны, каллиграфический шрифт говорил о том, что именно тут закладывались основы и правила, по которым мы живём сейчас. С другой стороны, запись была произведена на иллюзорном материале, который и цел-то остался только благодаря бережному, «хрустальному» отношению к нему. А как можно серьёзно воспринимать пыль, которая на самом деле и является пылью, на мгновение представившей себя логикой и мудростью? Смешно!

Но чёрному, нигде не зарегистрированному копателю было не до смеха, потому что он вдруг почувствовал под своим «инструментом» что-то твёрдое. Это были камни, навсегда скрывающие тайны, лежащие под ними.

Добравшись палкой до дна, Фантазмагория с изумлением задала себе вопрос: «Неужели это всё?» То, к чему она от-

носила с таким трепетом, называя ёмким и насыщенным словосочетанием «История человечества», в сущности оказалась небольшой кучкой фекалий, которую ждала стандартная участь быть вывезенной поутру специальной машиной на мусорный полигон.

– А как же любовь? – закричало существо, всегда видевшее метафизические зависимости там, где другие опускали перо.

– Любовь – это лишь химическая реакция, возникающая путём смешения одних компонентов с другими, – отвечало ей второе «Я».

– Тогда туда же можно отнести и замыслы Бога, создавшего эту зловонную кучу? – поставила вопрос ребром первая, самая трепетная часть Фантасмагории, при этом максимально приправляя эту фразу сарказмом.

– И Бог мог ошибиться, – услышался ответ. – А есть ли он вообще? – продолжал оппонент, с явным удовольствием низвергающий памятники и пытающийся опустить любое явление до простоты, до круглого и плоского нуля.

– Ты сомневаешься – значит, веришь в него, – ответила правая, менее кровожадная часть Фана. Она уже начала плести необычную шаль для укутывания в неё зарождающегося на глазах нового порядка устройства мироздания.

Свет, до этого стоящий в стороне и нервно курящий сигарету, расправил плечи и перестал выглядеть безучастным соседом. Он озарил место рождения чего-то нового, неизве-

данного. И Фантасмагория поняла, что именно она должна нести вперёд временно упавшее знамя разумности и закономерности. Просто рядом, в пределах видимости, никого другого не было...

Безумие

Безумие – диагноз или страсть?
Сдирающее чинность и порядок,
Оно берёт над человеком власть

И окунает в пёстрый мир загадок.

Кромсая разум вдоль и поперёк,
Чертя каракули на небосклоне,
Безумие, как злой коварный рок,
Исходит жаром в пограничной зоне.

И низвергает пламя изо рта,
Связав слова запутанною нитью.
Сжигает все основы у хребта
С невероятной неприкрытой прытью.

Но, смыв грязь всю с себя дождём
И не поддавшись бесноватым чарам,
Безумие, очистившись огнём,
Становится однажды Божьим даром.

В поисках Истины

*Господь создал Истину
И сотворил её многоликой,
Чтобы каждый узревший её
Думал, что Истина смотрит ему прямо в глаза,
И лишь некоторые видели,
Что она скромно потупила взгляд.*

Белоснежные паруса с жадностью заглывали дующие с берега потоки воздуха и уверенно гнали деревянное судёнышко в открытое море. Опытные матросы с чувством глубокого достоинства деловито управляли кораблём, обходя скрытые под водой мели и пробираясь между остро выпирающими рифами.

Только моряки во главе со старым капитаном понимали

всю сложность и опасность предстоящего путешествия. На берегу толпа, махая платками и вытирая ими выступающие слёзы, с уважением устремляла свой взор на палубу. С неё, словно с театральных подмостков, знатоки морского дела слаженно и бесстрашно поднимались по мачтам и реям, убирая концы и укладывая снасти.

Исключительно на этих смельчаков жители прибрежного города возлагали последнюю надежду в разгадке тайны, которая мучила их не одну сотню лет. Они надеялись, что, возможно, там, в далёких странах и землях, смогли бы найти ответы на свои вопросы. Откуда люди пришли в это место? Зачем Всевышний, у которого и так хлопот до самой поднебесной крыши, защищает и оберегает их поселение? Почему нависшее сверху Солнце светит уже столько времени, не давая хмурым тучам и холодным ветрам проникнуть за городские стены? Вечером, сменяясь на посту, светило сдавало вахту таинственной Луне, которая с такой же заботой укрывала людей одеялом тёплой и спокойной ночи. Что такого сделали жители, что природа, руководимая Божественными силами, была так благосклонна к ним?

Морские волки долго готовились к экспедиции. Горожане построили корабль и снабдили путешественников провизией. И наконец этот день настал. Пристань не смогла выдержать столько народа, который заполнил ещё и все окрестные улицы. Весь город собрался проводить избранных. Прощание было недолгим, и корабль поплыл, двинувшись с ме-

ста то ли от попутного ветра, то ли от вопросительных взглядов людей, желающих узнать великую тайну.

Долго ли, коротко ли плавал в морях и океанах парусник и наконец причалил к незнакомому берегу. Золотой мягкий песок, ковром расстеленный у кромки суши, ярко осветил судёнышко. По-видимому, это был маленький остров, не отмеченный ни на одной карте. Воды захватывали его в кольцо, воздвигнув незримую стену, чтобы скрыть райский уголок от посторонних глаз. Остров был пологим, словно круглая сковородка. Не было ни гор, ни единого холмика, в которые мог упереться взгляд. Экипаж сошёл на берег и углубился в центр загадочной территории. С трудом пробираясь сквозь заросли деревьев и лиан, моряки вышли на поляну с ярко-зелёной травой. В самом центре, скрестив ноги, сидела Она – Истина...

Её белокурые волосы спадали на плечи. Локти были широко расставлены. Кисти упирались в колени. Большие и указательные пальцы касались друг друга, создавая ореол таинственности. Той таинственности, которая воспаряла над головой Истины и создавала своеобразный купол. Очертания её нагой фигуры были настолько изящны, что у матросов и капитана захватывало дух. Но вместо вождения у грубых морских странников возникало ощущение святости происходящего.

Было ясно, что наконец путешественники исполнят наставление горожан и раскроют тайну мистического города.

Но вместо слов из уст девушки полилась песня. Она была настолько мелодичной и щекочущей самое нутро, что морякам и самим захотелось подпевать незнакомке. Песня, тянувшаяся, казалось, целую вечность, подошла к концу, и они всё узнали...

Зачем Бог оберегал их родину? К чему Солнце и Луна, соединяясь вместе, защищали город? Моряки, получив разгадку тайны от чужестранки и завернув её в старую рваную мешковину, направились назад. Но странное дело – они, познав Истину, вдруг потеряли голос. Буквально никто на корабле не мог разговаривать, и только мычание можно было услышать от капитана, командующего судном.

Прошло время, они вернулись назад. Спустившись с трапа, путешественники развернули мешковину. Но вместо долгожданного подарка от Истины они увидели только тёмное мокрое пятно. Это было всё, что осталось от растаявшего по пути гостинца. Говорить экипаж не мог, а чтобы передать увиденное на острове жестами, им не хватало воображения. Так горожане и не узнали тайны, почему Бог выбрал именно их. Вдыхая и опуская головы, люди один за другим с грустью разбрелись по домам. Физически ощущая поцелуй Всевышнего в темечко, они до самых последних дней помнили о великой загадке, которая им так и не раскрылась...

Иллюзии

Иллюзий свет для нас приятен.
В лучах его желая жить,
Мы отвергаем серость пятен,

Душой во мгле стремясь творить.

Зажги свечу! О, Бог столетий!
Христовых помыслов струна!
В упор не видя мир трагедий,
Мы пьём утопию до дна.

В нас кровь течёт – лихая речка,
А мост над нею – в дивный рай.
Пусть бьётся с трепетом сердечко,
Нас посылая в первомай.

И пусть не думают большие
С усами дядьки на коне,
Что мы – фигуры шутовские,
Чудные, на своей волне.

С иллюзией нас породнила
Одна-единственная мысль,
Что смертны мы, и в этом сила,
И в этом скрыта наша жизнь.

Коллекционер

*Иной раз наше сознание отвергает текущую
реальность,*

*Поражаясь её уродством и не находя в ней своего
места.*

*У кого-то получается отыскать
альтернативную действительность,*

Но многие этого сделать не в силах.

*Они до конца жизни так и остаются
заложниками перевёрнутого мира.*

Николай Иванович Панкратов был заядлым коллекционером. Но, в отличие от таких же увлечённых натур, собирающих марки, значки, модельки автомашин или, в крайнем случае, музыкальные шкатулки Коломенского патефонного завода, он коллекционировал реальности.

Да-да, это не опечатка, именно реальности – розовые, фиолетовые, персидско-синие, с рюшечками и без, мимимиш-

ные, весёлые и грустные, и даже реальности, выращенные в цвет чёрного янтаря. За сорок с небольшим хвостиком лет, с тех пор как Николай приобщился к огромной когорте немногочисленных сумасшедших людей, он сумел собрать значительное количество уникальных образцов человеческого Бытия и фантастических конструкций мироустройства.

Ещё будучи пятнадцатилетним пацаном, Колька открыл в себе непреодолимое желание разобраться, почему окружающая его действительность, с виду кажущаяся такой логичной и абсолютной, имеет множество изъянов. В ней просто тяжело жить мыслящим существам, к которым он, понятное дело, причислял людей. Да и сам человек с двумя руками и ногами, туловищем и головой, если посмотреть со стороны не глазами землян, представлялся ему сущим уродцем.

Наверняка Бог, лепивший венец природы, постоянно ошибался, бесконечно переделывая своё творение, а потом, в конце концов, плюнул и оставил всё как есть. Иначе Всевышний не приправил бы этот кусок теста столькими щепотками злобы, зависти и жестокости – сгустком того холодного мрака, который в любой удобный момент может вылезти на поверхность и заслонить своими грязными ручищами чистую и хрупкую душу. Невидимый кусочек подлинного «Я» человека под воздействием этой огненной сатанинской лавы пискнет и скукожится, превращаясь в морщинистый сухофрукт. Иди потом, вари из него компот, добавляй уйму сахара в кастрюлю, чтобы снова возродить полезные свойства

души.

А реальности?.. А реальности позволяли отбросить прочь все текущие закостенелые координаты времени и пространства, разграничения на что положено, а что запрещено. В них можно было телепортировать души людей, окуная тонкую материю в совершенно иной мир, кардинально отличный от нашего.

Каждый раз, когда Николай находил новый экземпляр, он шёл на рынок к Варваре Ильиничне – знакомой продавщице, предлагающей всякую хозяйственную утварь, и покупал у неё стеклянные банки. Знаете, такие небольшие, пол-литровые, в которых закручивают варенье. Но взамен сладкого продукта Панкратов помещал туда очередную реальность и плотно закрывал пластмассовой крышкой, чтобы она не выдохлась и не потеряла загадочный аромат неизведанного.

– Что, милоч, опять новую нашёл? – прищурившись и приветливо улыбаясь, спрашивала у Николая женщина с большим торговым стажем, нисколько не удивляясь причудам покупателя. За столько лет работы она и не такое видела.

– Да, вы угадали, – радостно отвечал ей счастливый коллекционер, нетерпеливо подпрыгивая на одном месте, – сегодня мне попался образец со звёздно-полосатым рисунком.

– О-о-о! Поди, в ней жизнь получше нашенской будет, – выносила обнадеживающий вердикт Варвара Ильинична.

– Не знаю, не знаю, – с нотками сомнения отвечал ей Николай, аккуратно помещая в стеклянную тару очередной эк-

земляр.

«Лишь бы не обжечься», – думал мужчина, вспоминая, как неделю назад он схватил голыми руками реальность ярко-красного цвета. Она показалась ему на первый взгляд такой милашкой... Напрасно, ой, как напрасно! Внешний вид так обманчив. Потом товарищ Панкратов долго накладывал мазь от ожогов на волдыри.

Но, не заикливаясь на издержках, закономерно возникающих в процессе собирательства, он прощался с продавщицей и поскорее устремлялся в свою однокомнатную холостяцкую берлогу.

Коллекция у Николая Ивановича была разносторонней и объёмной. Поэтому для её хранения он приобрёл по бросовой цене у старушки из соседнего подъезда старинный коричневый шкаф. Такой древний, что, казалось, пыль в нём, забившаяся намертво в щели, ещё помнит дореволюционных барышень, достающих из деревянного «прадедушки» чайный сервиз с изображением последнего русского царя. Видимо, поэтому, когда Панкратов подходил к шкафу, чтобы расставить реальности по некоему им придуманному порядку, он неистово, в голос начинал чихать, тревожа покой безмолвного свидетеля неувядающей земной истории.

Хвастаться своей коллекцией Николай не привык, он был замкнутым человеком. Но иногда к нему заходил его друг Борис. В очередной раз поругавшись с женой, гость жаждал за рюмкой чая излить свою душу. В конце беседы, когда гла-

за у собеседников покрывались микроскопическими слезинками и излучали полнейшее взаимопонимание, коллекционер доставал из шкафа специально приготовленную банку с реальностью жёлтого цвета. Именно она распространяла по комнате флюиды счастья, радости и энергии. Борис успокаивался. Друг Николая погружался в волшебный мир иллюзий, в котором царил полнейший благодухие, и где он жил с женой в семейной гармонии.

Получив порцию воодушевления, гость поздно вечером отправлялся домой, а на Николая от одиночества накатывала тоска. Панкратов понимал, что при всей противоречивости отношений с супругой Борька находится в той бурлящей атмосфере, в которой её обитателям, по крайней мере, не грозит кислородное голодание.

Чтобы немного развеять свою хандру, коллекционер надевал плащ, натягивал на голову кепку, в надежде, что не будет видно его грустных карих глаз, брал в руки зонт и растворялся в улочках дождливого города. Он неторопливо гулял, вспоминая под барабанную дробь падающих капель эпизоды из своей долгой жизни.

Однажды, несколько лет назад, во время такой же вечерней вылазки, он нашёл реальность цвета хаки. Она скромно лежала под тенистыми платанами, пленяя своими насыщенными оттенками – от пыльно-землистых до зеленовато-коричневых. Николаю даже показалось на миг, что он услышал отдалённое рукоплескание огромного стадиона и странные,

перебивающие друг друга удары грома.

«Видимо, кто-то потерял», – подумал мужчина, оглядываясь по сторонам. Но на улице, по странному стечению обстоятельств, никого не было. Коллекционер ещё раз взглянул на находку, на этот раз почему-то с опаской.

– Чур меня, чур, – произнес шёпотом Николай Иванович, одновременно несколько раз перекрестившись. Он быстро развернулся и без оглядки стал удаляться от мутного места. Ему даже в голову не пришло взять экземпляр в свою коллекцию.

«А ведь чёрт знает, кто подберёт...» – рассуждал Панкратов, стараясь побыстрее забыть реальность цвета хаки, ожидающую своего очередного владельца...

Мой ангел в белом пальто

Болтаясь между небом и землёй,
Меня мысленно свою прозрачность,
Мой ангел, вдруг, вступив в конфликт со мной

Решил принять слепую однозначность.

Одев на тело белое пальто,
И нацепив галоши цвета хаки,
Он ускользнул в цветное шапито,
Чтоб там искать двусмысленные знаки.

Непогрешимость в степень возведя,
Полутона отвергнув изначально,
Не признавая нигилизм дождя,
Мой ангел к делу подошёл детально.

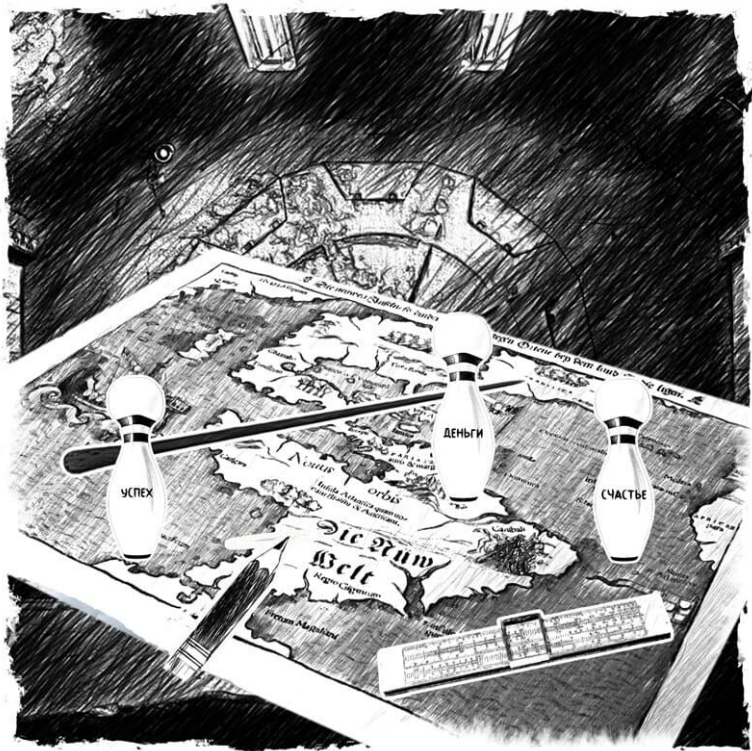
Он начал свет делить на свой-чужой,
Неверие грехом считая жутким,
И поливая всех святой водой,
Он бесов изгонял под взглядом чутким.

Конфликт меж нами тихо назревал.
Мой ангел перестал быть адекватным,
И я его с прискорбием прогнал,
Однажды, поздним вечером закатным.

Мне стало сразу легче одному
В сомнениях копать без истерик.
Наведываясь к Богу своему,
В тот, за углом, чудаковатый скверик.

Разум и эмоции. Часть 1. Эмоциональная

*Через эмоции мы оцениваем окружающий мир,
Постигая его красоту и его уродство.
Просто так нам удобно –
Прятать своё истинное «Я» за широкими
спинами эмоций,
Уменьшая разумное начало до крошечного
зёрнышка.*

В полутёмном бункере, в который свет с трудом проникал через маленькое окно, расположенное практически под самым потолком, горстка эмоций склонилась над картой Мира.

Страх, крепко сжимая потными руками деревянную указку, водил ею по бумаге, производя неприятный скрипучий звук. Каждый раз, когда другие кривились от волн, щекочу-

щих их оголённые нервы, он натягивал на себя испуганное личико, будто оправдываясь: «Простите, я не нарочно...»

Гнев, схватив красный карандаш, словно мушкетёр шпагу, всё норовил проткнуть им острова, которые были беспорядочно разбросаны на голубых участках листа. Ему почему-то не нравились эти оторванные от материков уютные уголки суши. Видимо, на что-то нужно было выплёскивать свой изрядно скопившийся негатив.

Низкорослая Зависть, теребя косички и закусывая губы, периодически подскакивала с логарифмической линейкой то к одной стороне стола, то к другой. Бормоча что-то себе под нос, она пыталась вымерять какие-то там расстояния и сравнить площади только ей одной известных территорий.

Несколько других эмоций, усердно наглаживая подбородки, с прищуром всматривались в нарисованную картину Мира в поисках мест приложения своих скромных усилий. Иногда кто-то из чувственных бонапартов, перевозбудившись, выходил из себя, начиная при этом либо громко и напоказ хохотать, либо, тихо шмыгая носом, всхлипывать. Соседи по штабу на миг оборачивались на словившего бесноватость товарища, но тут же теряли к нему всякий интерес, продолжая рассматривать загогулины на карте и бурно обсуждать ошибки при её составлении.

Кое-где на разложенном широком листе, издалека похожем на настольную игру типа бродилок, между серыми потёртостями и жирными пятнами стояли разноцветные игру-

шечные фигурки. Все они были похожи на зазипованные кегли для игры в боулинг – с большими головами и пузатыми телами. По окружностям их пластмассовых монументальных талий виднелись наклейки с надписями. Жёлтая фигурка гордо выпячивала «Счастье». Красная, пыжась, раздувала слово «Успех». Зелёная, издавая звук шелестящих листьев, показывала всем «Деньги». Иные игровые пешки были не менее изобретательны в демонстрации окружающим всего спектра основополагающих ценностей.

Периодически кто-то из самостоятельно вызвавшихся полководцев-эмоций, аккуратно беря двумя пальцами лилипутный игровой аксессуар, передвигал его на новое место. Должно быть, там, по мнению активиста, фишка должна была заиграть, превратившись из пластмассовой безжизненной мечты в фигуру, равную ферзю или даже королю. Но усилия неизменно пропадали даром, как будто корабль с недоучкой-лоцманом снова и снова выбрасывало на риф непредсказуемости жизни. Карта, лежащая на столе и с первого взгляда кажущаяся ленивым плоским животным, вдруг переворачивалась на другой бок, совершенно перекраивая ландшафт местности и кардинально меняя правила игры. Склонившимся над планом темпераментным шахматистам приходилось заново просчитывать комбинации, по ходу внося коррективы в направление движения нейронов головного мозга.

Но не все эмоции в бункере ощущали на себе магнетиче-

скую силу притяжения отутюженной проекции земного шара, которая сквозь решётку параллелей и меридианов вызывающе брызгала прямо в лица игроманов яркими красками.

Например, Радость и Любовь, облачённые в балахоны пастельных тонов, улыбаясь, смотрели в единственное окно с чувством порхающих бабочек, ловя летящих внутрь помещения посланцев Солнца. Две неразлучные подружки видели, как под струёй света микроскопические частички пыли, хороводя, старались что-то сказать обитателям бункера. Но, к сожалению, большинство эмоций пылинок просто не замечали, а прибывающем в нирване – Радости и Любви язык микрокосмоса был неизвестен. Они довольствовались лишь наблюдением за красотой благодатного золотого потока.

Стены бункера заботливо укрывали разношёрстных участников процесса, пытаясь объединить их взгляды в единый янтарный многогранник. Через его прозрачное тело можно было бы рассматривать, пусть и со значительными искажениями, окружающее пространство. А когда стрелки часов сливались в волшебном танце в самой верхней точке циферблата, внимательные наблюдатели даже замечали себя внутри этой лучезарной феерии.

– Смотри, смотри! Вот, видишь малюсенькую точку в том самом месте, где должен находиться комарик, заточённый сюда много миллионов лет тому назад? Эта точка – Я.

Собеседник удивлённо брал лупу и лицезрел фантазмагорическую миниатюру обнажённой личности.

– Т-р-р-р! – в один прекрасный день дверь в бункер неожиданно с шумом открылась, безжалостно разрывая диффузионную связь металлов в старых, уже поржавевших петлях. В полукруглом проёме, одетый в строгий чёрный костюм, появился Разум. Взгляд у него был пронзающий и, однозначно, всепонимающий. Казалось, что мышцы на его лице навечно зацементировались бетоном самой высокой прочности. В руках Разум, точь-в-точь похожий на Штирлица, держал коробок спичек.

– Не ждали? – с хозяйскими нотками спросил убежденный фанат Логике у суетливых и нервных эмоций...

Любая мысль нуждается в дороге...

Любая мысль нуждается в дороге,

Любой рассказ желает тишины.
Прозрение, гния в сыром острого,
Своей постичь не сможет вышины.

И существуя в теле лилипута,
Сорвавшись со скалы, стремится вниз.
Туда, в пучину сладкого уюта,
Перерождаясь вдруг в простой каприз.

Себе похлопав радостно в ладоши,
Прозрение уходит на покой.
И умирают рыжие Гавроши –
Мои идеи – рядышком с мечтой.

И холмики похожи на сугробы,
По ним плывёт в печали дивный стих.
В потёртой с виду арестантской робе,
Из ниток рыжих сшитой колдовских.

Но, может быть, однажды бросив кости,
Фортуна мне подкинет шесть гоша.
Я попрошусь к тому, кто сверху, в гости
И поднимусь с надеждой, не спеша.

Разум и эмоции. Часть 2. Разумная

*Только внутри Разума могут жить истинные
эмоции,
Делающие человека человеком.
Эмоции без Разума превращаются в инстинкты,
Методично расчеловечивая людей.*

– Не ждали? – с хозяйскими нотками спросил Разум у столпившихся возле карты Мира переминающихся с ноги на ногу озабоченных эмоций. Не дожидаясь ответа, убеждённый фанат Логики сощурил глаза в тонкие щёлочки. Цель была одна: отсеивать всю ненужную информацию, превращая поступающие данные исключительно в нули и единицы. При этом Логика, как в доску преданная мадам, стояла за

широкой спиной своего почитателя. Только по одному её виду было понятно, что она, не размусоливая, уже начала плетение сети, создавая узелки связей и примеряя шаблонные ромбики для опутывания постояльцев бункера.

– Ну что, приступим? – переходя на деловой тон, произнёс Разум, сделав несколько шагов вперёд. Отчётливо цокая по каменному полу начищенными до блеска кирзовыми сапогами с металлическими набойками, он приблизился к развёрнутой карте.

– Цок-цок-цок! – набежавшая волна уверенности заставила звонкое Эхо, несколько раз стукнувшись о кирпичные стены, покорно сесть на приставной стульчик и, выражая безропотное послушание, опустить руки на коленки ладонями вниз.

Твёрдым жестом патрон отодвинул Гнев в сторону и занял почётное место во главе стола. За Разумом, засеменяв, нашла тёплое местечко и неразлучная с ним Логика. Она достала из бокового кармашка кофты коричневый блокнот с ручкой и начала что-то усердно записывать в него неразборчивым мелким почерком.

Тем временем Свет, до этого дозирующий своё проникновение в узкое окно, приободрился. Расправив плечи, пыжась от любопытства, он практически всем телом умудрился влезть внутрь помещения, осветив самые укромные уголки карты.

Ниспосланное свыше прозрение по-разному повлияло на

поведение эмоций. Страх захлопал в ладоши от радости. Видимо, понял, что напрасно он боялся тёмных участков листа. В них вовсе не обитали мохнатые монстры и кровожадные вурдалаки, а обильно цвели ромашки и весело щебетали воробушки. Зависть тоже сообразила – то, чему она раньше завидовала, не стоило и ломаного гроша. Потому что в недалёком будущем весь мир будет у её ног – весь без остатка. А границы безжалостно сотрутся, будто их раньше и не существовало. Любовь и Радость, которые до перемен вели себя несколько отстранённо, заинтересовались происходящим, пытаясь вписаться в общую картину метаморфозы.

Даже пузатые фишки-ценности после появления Разума стали не такими уж упитанными и неповоротливыми. Они, в такт неожиданно-негаданно зазвучавшей сюите номер семь Шостаковича, запрыгали на месте в надежде, что их пластмассовые тела через ход-другой обязательно окажутся в дамках.

Стены бункера крякнули, закрипели и незаметно для глаза, медленно, пришли в движение. Кирпичные надзиратели принялись пятиться назад, разъезжаясь в разные стороны, тем самым расширяя пространство помещения. Затхлый воздух, потеряв безраздельную власть, постепенно освобождал место свежему дуновению свободы. Оковы, которые до этого были надеты на мысли, стали терять былую прочность, превращаясь в хлебный мякиш.

– Будем действовать так! – твёрдо произнёс новый главно-

командующий, высыпав спички из коробка в центр листа – туда, где находились самые высокие горы на планете – Гималаи. Показалось, что сакральный Тибет даже немного уменьшился в росте под напором новоявленного Штирлица.

Тонюсенькая и вытянутая продукция «Плитспичпрома» начала сама собой выстраиваться в забавного ёжика, бегущего по зелёной травке. Спичечный ребус, пробиваясь сквозь туман неопределённости, одновременно вонзал свои иголки в точки, отвечающие за стрессоустойчивость. Непреодолимые обстоятельства в виде коричневых кучек, бомбочками лежащих на карте, захохотав при виде смешного зверька, перестали быть непреодолимыми. Они превратились в обычный и очень даже полезный навоз.

Перемены начались! Перемены не могли не начаться! Эмоции, впитывая бешеную энергетику Разума, слились с ним в единое целое. Янтарный многогранник прекратил так бесшабашно искажать реальность, увеличив по максимуму свою желтоватую прозрачность.

Календарь жизни, искоса поглядывающий на Время и не смеющий сказать даже слово поперёк всеми признанному авторитету, перестал обращать на него внимание. Висевший где-то в углу на стене, между иконой Божьей Матери и советским плакатом из тридцатых годов «Ты записался ли в Осоавиахим?», календарь каким-то странным образом начал пухнуть на глазах. В нём возникали дополнительные листы с месяцами и годами, а циферки в квадратиках жирнели и

наливались сочными, яркими красками.

В воздухе явно запахло субъективностью. Тем ароматом, который невозможно было сравнить ни с каким другим запахом подлинного разумного Я.

– Мы должны вновь стать теми, кем никогда не были! – с философским подтекстом произнёс «Штирлиц», поправляя последнюю спичку в изображении ёжика.

В этот момент раздался хлопок, очень похожий на пистолетный выстрел. Судя по всему, от сквозняка в бункере, сорвав старую поржавевшую защёлку, открылось окно. В полукруглом просвете возник силуэт, напоминающий голубя.

– Не ждали? – заворковал новый гость...

Другой

Не вижу смысла дальше говорить,
Мои слова пусты и одиноки.
Я начинаю небеса просить,

Чтобы вдохнули душу в эти строки.

Там место есть меж букв и запятых –
Огромное непаханое поле.
Велик простор для пяточек босых,
Следы шутя печатая на воле.

А ветер тёплый кроткий вслед за мной,
Пытаясь разобраться в закорючках,
Снимая медленно за слоём слой,
Искал творца печать в словесных кучках.

Но я забыл оставить кругляшок,
Намеренно скрыв истину меж строчек.
Решив, что я единственный пророк,
А тот, другой, – случайный ангелочек.

Шут

*Бог даёт человеку сделать выбор
самостоятельно,
Чтобы после взрастить в душе своего чада зёрна
сомнения
В правильности принятого решения.
Иначе чем человек будет заниматься, когда он
покинет этот мир?..*

Хохотушка и веселушка Жизнь, с трудом нацепив на себя чёрно-белый костюм шута, бодренько скакала по огромному круглому залу, закручивая в тугие узлы потоки воздуха и поднимая с паркетного пола мельчайшие прозрачные пылинки. Они моментально взлетали к потолку, но, не найдя там утешения, медленно опускались обратно на грешный деревянный пол.

Около ушей румяной красавицы звенели колокольчики, пикантно свисающие по обоим концам шляпы, напоминающей то ли логотип ныне закрытого ресторана «Макдоналдс», то ли вход в Московское метро. Потешные остроносые тапочки, удивлённо загибаясь в бублик, завершали костюм прыгающего существа, кажущийся с первого взгляда ансамблем беспечности и лёгкой иронии.

Прижавшись задними местами к стенам, стоя где-то кучками, а где-то – в гордом одиночестве, располагались гости, с интересом наблюдающие за ужимками и кривлянием двухцветного паяца. Держа тарелочки с тоненькими изящными голубыми каёмочками, зрители периодически, словно разборчивые и привередливые голуби, запускали туда вилочки, поклёвывая распороженные на фаянсовых «аэродромах» деликатесы. Кто-то похихикивал, наблюдая развлекательные потуги шута, кто-то стоял серьёзной тучи, надвигая брови на глаза, в которых можно было утонуть, наглотавшись зелёной жижи недоверчивости.

Жизнь старалась, старалась из-за всех сил, по ходу представления пытаясь вынуть из глубины себя зарытые клады театральности и забытые оригинальные па. А что было делать? Ведь она была единственной представительницей богемы на этом празднике жуткой сплочённости и непрерываемой безусловности. Других актёров не было. Некоторые разъехались, так и не поняв, что это веселье носит временный характер и календарные дни фиесты скоро пройдут.

Прочих лицедеев просто не пригласили, потому что они были скучны и давным-давно приелись публике.

Заиграла музыка – монументальная, вдохновляющая, обильно насыщенная звуками духовых инструментов. «Бум-бум!» – грозно забили барабаны. «Ту-ту!» – победно задудели медные трубы. Гости приободрились, их глаза засверкали, забрызгав искорками восторга танцпол, где сейчас приплясывала Жизнь. Спины выпрямились, превратив позвоночники в натянутые струны, на которых можно было без труда, даже одним пальцем, наиграть мелодию из популярной блатной песни прошлых лет:

«Прибыла в Одессу банда из Амура,
В банде были урки-шулера.
Банда занималась тёмными делами,
И за ней следила ГубЧеКа...»

Но никто из публики подпевать не стал, потому что жующие граждане были людьми культурными и образованными, не приемлющими жаргон из подворотни. На всех мужчинах красовались традиционные чёрные бабочки, а дородные шеи дам облегал бусы сплошь из натурального жемчуга и турецкой бирюзы. Каждый был облит с ног до головы французским парфюмом и пускал в других гостей пузыри неслышанной успешности, которые с треском лопались прямо перед носом собеседников.

Всем зрителям пришлось по душе звуки оркестра, посте-

ленно наращивающего громкость. Возможно, за музыкальным пультом сидели глуховатые карлики, ничего не понимающие в высоком искусстве, заворачивающем бемоли и дизезы в красочные фантики от конфет. Шоколадные «Алёнки» и «Бабаевские белочки» с орешками наспех распаковывались и враз съедались злыми и обидчивыми коротышками.

Но гости, несмотря на напыщенный вид, были непривередливы. Они с радостью глотали льющийся на них марш победителей. Некоторые даже, оставив тарелки со съестным, начали мудрёные манипуляции руками, показывая, что они хорошо знакомы с русской морской семафорной азбукой. Новоиспечённые юнги-сигнальщики то разводили руки в стороны, то опускали их вниз, то вскидывали правую руку вверх, то сгибали её перед лицом в локте. А те, кто стоял смурной в одиночестве, украдкой клали ладонь на сердце. Видимо, буки хотели послушать, как бьётся их «пламенный мотор», а может, они были просто обычными сердечниками.

Вдруг, как по мановению волшебной палочки, оркестр прекратил играть, наступила гробовая тишина. Даже зелёная навозная муха, непонятно откуда залетевшая на этот праздник, зависла в воздухе, перестав противно жужжать. Створки высокой позолоченной двери, которая затерялась где-то в конце помещения, начали медленно и бесшумно открываться...

Из абсолютной темноты в проёме появилась изящная четырёхколёсная повозка, усыпанная бриллиантами и сапфирами.

рами. На ней возвышался большущий, в человеческий рост, аквариум, стёкла которого были практически невидимыми для глаз, словно их сделали из чистейшего хрусталя.

«Буль-буль», – хлюпала вода в прозрачной прямоугольной банке во время движения величавой транспортной конструкции. Растения в аквариуме колыхались в такт бульканью, приветствуя гостей массовой гулянки.

– Он там, он там! – раздались крики со всех сторон. Толпа одобрительно загудела. Гости показывали пальцами внутрь водного мира, высматривая в нём объект своего обожания.

– Его там нет, и быть не может, – зашипели вполголоса несколько граждан со странной нетипичной внешностью.

Но их никто не слушал, потому что большинство всегда право. Сказано было: «Он там есть», – значит, в это надо верить, а сомневаться могут только враги и предатели.

И только всепонимающая Жизнь, облачённая в чёрно-белую одежду шута, молча и незаметно пошла за кулисы переодеваться в разноцветный костюм клоуна, натягивая себе на лицо красный нос и примеряя парик с рыжими волосами.

Праздник подходил к концу, и скоро гусеницы серых будней должны были размазать по паркетному полу хмельной угар гостей. А именно клоун сможет хоть как-то поддержать их в густом, неумолимо приближающемся тумане грусти и тоски.

Обитель

Кто я? Обитель Дьявола иль Бога?
Я до сих пор понять хочу.
Проложена внутри меня дорога,

По ней повозку я качу.

А в той повозке смутных мыслей гряда,
Окрашенных во все цвета.
Желаний низких ворох лилипута
И Гулливера доброта.

Такой бардак внутри одной повозки:
Сосуды со святой водой,
Бутылки пива, водка, папироски,
Кусочки страха и покой.

Скрипят, ворчат колёса у телеги,
Мешая мне понять, кто я.
Пройдя себя от Альфы до Омеги,
Познать, чьих я кровей дитя.

Тот, за кем пришли

Мы думаем, что будем жить вечно.

Ибо поступки наши глупы, а мысли – мелочны.

Возможно, Бог специально скрывает от нас скорбную дату.

*Иначе, если бы человек знал время своей смерти,
Он бы вёл себя совершенно по-другому и был бы
немного не человеком...*

Кто был сегодня тот, за кем пришли, притащив с собой в большой базарной сумке несколько килограммов чёрной угольной темноты и жгучего на ощупь холода? Раскрыв с пронзительным и искрящимся треском молнию, они высыпали содержимое прямо на обеденный стол, за которым ещё недавно собиралась большая дружная семья, запачкав белоснежную скатерть.

– Её уже не отстирать, – подумал тот, за кем пришли, пытаясь хоть на мгновение зацепиться за маленький поржавевший крючок обыденности, чтобы побыть ещё немного с родными.

– Пора, пора! – пропели первые петухи, предательски вступив в сговор с теми, кто пришёл. Ранние птицы, не обращая внимания на слабые потуги собирающегося в путь, начали криками наотмашь колошматить по его бледным впалым щекам.

– Хватит, ну хватит, – взмолился будущий путешественник, – я уже готов! Я устал ждать! Закончите побыстрее... – прошептал, еле дыша, лежащий в постели.

– Не всё так просто, – переглянувшись между собой, гости хмыкнули и, нацепив на себя ужасные и отпугивающие улыбки, приступили к скорбному делу. Делу, которое было понятно только им и никому вокруг, а тем более тому, кто сейчас готовился.

Он оказался в данном положении впервые и не был достаточно сведущ, как это должно происходить. У кого можно было спросить? Одни остаются здесь, другие уже давно там, да и не скажут они. С ними нет связи. Он закрыл глаза, так стало спокойнее. Нацепил на себя скафандр и замер, приготовившись к полёту. Вдалеке с хрипотцой заработал двигатель. Пассажир почему-то не понял, что звук исходит из его рта. Вскинув голову вверх, он полетел...

Сначала через трубу, разившую ржавым железом и ещё

каким-то неприятным запахом, от которого воротило с души. Потом – через бетонный тоннель, пахнувший сыростью и спиртом. Впереди появился свет. Такой яркий, зазывающий, наполненный магнетической силой, от которого невозможно было съюлить, прикрыться, обмануть самого себя. Где-то позади послышался плач, переходящий в истерику. Обернувшись, путешественник увидел ничем не запачканную белую скатерть на столе. Она была странно чиста, следы от содержимого сумки исчезли. На столе стояли свечка, его фотография и стопочка водки, прикрытая куском хлеба.

«Всё произошло так быстро, я даже не заметил», – подумалось ему. Если раньше сознание было нечётким, ускользающим, а куски воспоминаний просто отваливались, как ненужный хлам, то сейчас мысли пришли в норму, будто их кто-то подкрутил, отрегулировал. Настройщик был, видимо, ещё тот спец.

Заиграла музыка, которая очень понравилась тому, за кем пришли. Бах, Бетховен, Моцарт? Он никогда не слышал эту божественную мелодию. Сначала быстро, потом медленнее, потом опять быстро. Музыка словно раскачивала его душу на волнах кристальной первопричинности, в водах которой пузырьки истины поднимались вверх и лопались, не найдя ничего важнее себя.

В этот момент он не чувствовал своего тела, да и вообще ничего не ощущал вокруг. Материя перестала быть тем фетишем, которую путник ранее называл – «Я». «Я» сбросило с

себя никому не нужную оболочку. Границы взгляда безвозвратно стёрлись. Теперь он мог видеть вне пространства и времени...

И в этот момент ему явился Бог – просто, по-житейски, без звука. Душа человека попросту почувствовала присутствие Всевышнего.

– Ты здесь? – с придыханием произнёс вновьприбывший. – Я уже умер? – пытаюсь идентифицировать своё текущее положение, продолжил он. – Что мне сейчас делать? – потеря физического тела вызвала дезориентацию, к тому же место было новое, незнакомое.

– Делай, что хочешь, – ответил тот, кого человек считал Богом, голосом самого человека.

– Ты серьёзно? – не унимался любознательный новичок.

Поняв, что главный здесь вовсе не шутит, он выдохнул со всей мочи:

– Эге-гей!

В руках путешественника вдруг оказалась та большая сумка, с которой к нему пришли ещё там, когда он был со всеми. Она была забита до краёв. В сумке навалом лежали все его потаённые желания. Все вперемешку. Он не успел их отсортировать. Разложить по полочкам. Про некоторые странник даже забыл. А сейчас, вынимая их по одному, он вспоминал о своих нереализованных мечтах.

– Вот в пять лет я грезил стать лётчиком. В молодости хотел научиться играть на фортепиано. А когда мне стукну-

ло тридцать, намеревался объехать весь мир. В сорок сокрушался, что так и не стал крутым бизнесменом...

В эти мгновения пространство вокруг человека искривлялось. Возникающие повсюду паутинки трещин рисовали наброски иной реальности, которые постепенно наливались цветами и запахами. В сменяющихся декорациях созерцающий был главным действующим лицом.

Он то крепко держал штурвал сверхзвукового лайнера, то ему аплодировал зал после исполнения сюиты Шостаковича, то он восторгался красотами Парижа, стоя на Эйфелевой башне, то он запускал очередной завод, производящий замысловатые детали...

Так продолжалось ровно девять дней, пока в необычной сумке не закончились все желания. Человек перед лицом ожидающей его вечности оказался совершенно опустошённым. Бесчисленные дороги в этом мире вседозволенности были для него открыты, но он при жизни не придумал, чем будет заниматься, когда настанет время существовать за гранью. А те желания, что лежали в сумке, на девятый день ему наскучили.

– Я попал в ад? – спросил путешественник у того, кого считал Богом.

– Решай сам, – услышал он в ответ...

Что-то неземное

Кто мне писал-писал стихи?
Кто диктовал все эти строки?
Кто ночью отпускал грехи,

А поутру – искал пороки?

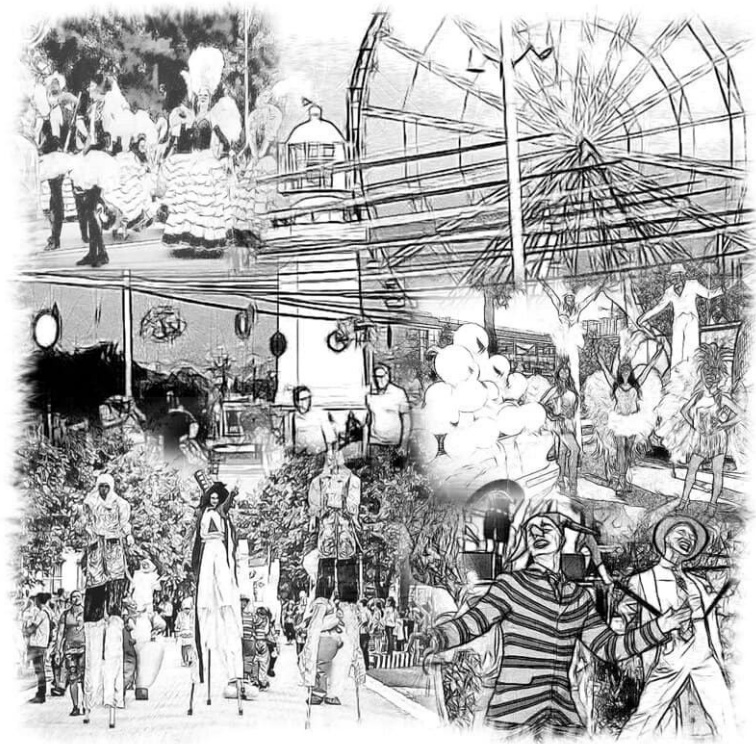
Кто тот, стоящий за спиной,
Передвигающий фигуры?
Грозящий славой и сумой
Великий гений режиссуры?

Не выйдет никогда на свет,
Лицо всегда закрыто маской.
Не станет он держать ответ,
Боясь пред публикой огласки.

Он Бог иль всё же человек?
А может, что-то неземное...
Давным-давно
Он попросился на ночлег,
Оставшись жить всю жизнь за мною.

Карнавал. Часть первая. Маячная

*Надевая днём различные маски и пытаюсь
скрыть истинное «Я»,
Не забывайте хотя бы ночью, оставшись
наедине с собой, их снимать,
Чтобы ваше «Я» немного отдохнуло.*

В этот субботний день более десяти тысяч километров отделяло маленький российский городишко Геленджик от роскошного Рио-де-Жанейро, в котором даже само название было пропитано жгучей страстью танца и неугомонной помпезностью. Понятно, что в спящее воскресенье и даже в грустный понедельник расстояние между двумя кардинально непохожими населёнными пунктами не могло сократить-

ся или увеличиться. Города по нашему шарикку не передвигаются, подобно людям, но всё же...

Именно сегодня между Геленджиком и Рио-де-Жанейро должна была пробежать некая искра. Возникнуть особая химическая реакция и даже разделяющий их океан не стал бы этому помехой.

Когда корабельные склянки на мифической шхуне показали три часа пополудни, далёкий бразильский город замер в ожидании карнавала. Он должен был проходить вовсе не на стадионе «Самбодром», а на улице, носившей имя советского вождя Владимира Ленина, в уютном курортном местечке на берегу Чёрного моря.

«А вдруг, – подумал латиноамериканец, – Геленджик возьмёт и переплюнет меня по яркости и масштабу праздника? Вот тогда стыда не оберёшься!»

Но как-то сразу осознав, что зависть – это чувство, недостойное знаменитой столицы самбы, Рио улыбнулся и пожелал удачи «Белой невестушке» – так ласково горожане называли свой Геленджик.

В тот момент, когда флюиды из другого конца света выкрасились исключительно в добрые тона, водитель такси Армен со злостью стукнул обеими ладонями по рулю своего авто.

– Всё, работа закончилась!

Духота, беспардонно влетающая в салон вполне новенькой «Ауди», даже немного испугалась такого напора хозяина

дорог. Сжавшись в комочек, она быстро ретировалась, уступив место юркому бризу, который, бесстрашно скользнув по армянской щетине, повис на ароматизаторе – зелёной ёлочке, прозванной в народе «вонючкой».

Стоя в пробке из-за предстоящего карнавала, Армен на мгновение ушёл в себя, заглядевшись на болтающуюся туда-сюда висюльку. Она, видимо, помогала шефу подсчитывать убытки от окончания трудового дня раньше обычного.

Город от наплыва транспорта на праздник и по причине перекрытия дорог полицией сковало по самые что ни на есть не в меру растопыренные уши.

– Поставлю машину и пойду с детьми на карнавал, – выдал резюме водитель, обращаясь к пассажирам, которыми, по счастливому стечению обстоятельств, были я и моя внучка Настя.

До проявления такого эмоционального возмущения таксиста со жгучей кавказской кровью мы никуда не собирались. Однако это послужило неожиданным триггером для мистической атмосферы ожидания предстоящей феерии переодевания и лицедейства. Она начала последовательно заражать наши клеточки и потянула-потянула туда, к ярким краскам, громкой музыке и безграничному веселью.

Уже часа через два Настя, нацепив на лицо японскую маску белой кошки, купленную по случаю в магазине «Аниме», и я, взгромоздив на голову роскошную клетчатую шляпу с полями, скоренько потопали к месту предполагаемого нача-

ла шествия артистов.

Но, к сожалению, обычная точка старта всех городских демонстраций – местный Дворец Культуры – встретил нас унылой пустотой. Лишь пара десятков человек на площади возле ДК суетливо бегали взад-вперёд в поисках потерянного зрелища. Вероятно, им тоже, как и нам, сообщили неправильное время начала карнавала.

Стоявший неподалёку нарядный представитель власти в кипенно-белой рубашке с погонями и в фуражке с вызывающе приподнятым козырьком периодически сообщал подходящим к нему обманутым гражданам, что шествие уже прошло и ловить здесь нечего. С обидой произносимые фразы: «Как же так, а нам же сказали...», повисев безнадежно в воздухе некоторое время, медленно падали, как осенние листья, на тротуарную плитку, не забывая жухнуть и желтеть ещё в полёте.

Однако поняв, что ещё не всё потеряно, я взял внучку за руку, и мы устремились вниз по улице в надежде всё же зацепить хвост карнавала. Минут через пятнадцать сумасшедшего галопа вдалеке показался шлейф парада с замыкающим колонну бутафорским деревянным маяком на колёсах. Громкие неразборчивые возгласы под барабанную дробь и звуки труб явно говорили, что наша дружная парочка ещё успеет насладиться феерическими впечатлениями геленджикского празднества по случаю открытия курортного сезона.

Маяк с развёрнутыми возле него цветастыми флагами, казалось, топал ножками и пыхтел от нетерпения, но, повинувшись невидимой руке, не трогался с места. Похоже, в голове змейки из людей и декораций кто-то управлял движением красочной процессии. Яростно трепещущие вокруг деревянного истукана полотнища напоминали то ли морские волны с ныряющими в них дельфинами, переодетыми в людей, то ли желтовато-бело-чёрные кольца планеты Сатурн – мифического покровителя всех карнавалов на Земле.

Проходя мимо, я заметил внутри единственного зеркального глаза маяка пульсирующую оранжевую искорку, которая в обволакивающей её темноте безуспешно пыталась достучаться до моего разума. Что она хотела рассказать, эта маленькая точка – источник необъяснимой энергии истины в огромном мире лицедейства и масок? Непонятно... Но я, решив, что мне это только кажется, быстрым шагом устремился вперёд, закрыв в своей черепушке створку, отвечающую за всё необъяснимое. Сегодня толпа, жаждущая праздника, была нам ближе и понятнее, и не важно, что где-то в мире было абсолютно не так...

Подопытная крыса

Что может быть прекрасней солнца?
Что может быть прекрасней неба?
И ангел, вдруг влетев в оконце,

Тебе шепнёт, что всё – плацебо.

Плацебо – небо вместе с солнцем.

Плацебо – море и дельфины.

Плацебо даже дом с колодцем

И тот растущий куст рябины.

Плацебо – город и машины,

Тот мужичок возле подъезда.

А съеденный кусок свинины –

Лишь часть эпического квеста.

На самом деле – ты в нирване,

Как часть глобального каприза.

Лежишь недвижимо в метане,

Как та подопытная крыса.

Карнавал. Часть вторая. Сатурнальная

*Всё течёт и изменяется.
Старые Боги уступают место новым,
А новые становятся спустя века старыми,
Абсолютно не соответствующими времени.
Но однажды наступит тот день,
Когда человек объявит Богом себя...
И уже никогда не отдаст никому пальму
первенства.*

Взгромоздившись на вершину шара, напоминающего гигантский пельмень, бородатый старик, устало подперев голову одной рукой, другой, с помощью длинных щипцов, ловил Время. Оно подлетало к нему в виде крошечных блюдец, похожих на швейцарские наручные часы Rolex, тихонечко, интеллигентно тикая и совершенно не чувствуя никакой опасности. А как ещё могли себя вести такие милые

коробчонки с забавными шестерёнками, которые, цепляясь друг за друга, производили секунды, минуты и часы, плетя из них паутину вечности.

Время попросту не подозревало, что этот с виду мирный полуобнажённый дед с накинутой на тело, как после бани, единственной простынёй был никем иным, как Богом в отставке – Сатурном.

Седовласец обладал крайне противоречивыми чертами характера. С одной стороны, его можно было назвать ангельским пенсионером. С другой – он славился достаточно скверным и вспыльчивым характером. Как это могло сочетаться в одном небожителе одновременно, только Богам было известно. Но поскольку статуса Всевышнего с него пока не сняли, данный парадокс всё ещё находился под грифом «Совершенно секретно. Только для служебного пользования членов Пантеона».

Будучи, по сути, предоставленным самому себе, он совершал, что хотел и когда хотел. Так, пойманные часики, скоропостижно закончив тикать, оказывались во рту старика, который их успешно пережёвывал своими вставными челюстями и с явным удовольствием съедал, ставя жирную точку в жизни целомудренных созданий.

Тем самым, совершая, можно сказать, варварские действия, он крал время у простых граждан, живущих на далёкой планете Земля и совершенно не подозревающих о существовании такого необычного воришки преклонных лет.

Наевшись от пуза, бородач с умиротворением закрывал глаза, слушая, как кольца, опоясывающие шар и состоящие из льда и пыли, протяжно гудя, совершали непрерывное движение по кругу.

Эти звуки отдалённо напоминали ему Сатурналии – праздники, проводимые в прошлом гражданами Римской империи по случаю окончания жатвы. Веселье длилось несколько дней, вино лилось рекой и от яств ломились столы. Рабам давалось разрешение переодеваться в хозяев, а хозяйка прислуживала своим рабам. Меняя одежды, люди пытались прочувствовать, хоть на крошечный отрезок времени, иную судьбу.

«Для чего им это было нужно? Хмельной азарт, жажда новых впечатлений? А не всё ли равно... – думал в этот момент Сатурн. – Главное, что меня тогда восхваляли как величайшего Бога на Земле. Именно возле храма, воздвигнутого в мою честь, совершали жертвоприношения. И, обращаясь ко мне, люди поднимали руки к небу, молясь и прося о сокровенном...»

В этом месте, на самом пике блаженства, тонкая нить воспоминаний у старца регулярно обрывалась. Он нехотя открывал глаза...

Вдалеке виднелась голубая Земля, на ней так же, как и тогда, текли реки, бежали стройными рядами облака, а горы по-прежнему вонзали свои пики в небосвод.

«Эх, если бы сын Зевс не скинул меня с престола, то мо-

нотеизм так уверенно не шагал бы по планете. Вера в то, что Бог един, считалась бы тогда чем-то невысказанным и даже смешным. Еретики до сих пор собирались бы по кухням, скрываясь от праведного гнева толпы. Возможно, тогда я, Сатурн, до сих пор владел бы умами людей и по праву считался величайшим из великих», – так рассуждал пенсионер планетарного значения, пытаюсь понять, где в истории он сделал промашку, стоившую ему главного поста – председателя Богов.

Но в разгадывании ребусов старикашка не был силён, и, подумав хорошенько, он мирился с судьбой, довольствуясь невидимым присутствием на ежегодных карнавалах, проводимых в разных концах Земли.

Прообразом шумных шествий стали как раз Сатурналии, в которых человеческое нутро освобождалось от запретов и пускало свой корабль где-то по белым, а где-то и по чёрным волнам...

В этот субботний день Сатурну предстояло посетить праздник в честь открытия курортного сезона в одном из маленьких городов на Чёрном море со странным именем Геленджик. Оставив щипцы для ловли Времени до понедельника на «румяном пельмене», он спустился по солнечному лучу на Землю. В назначенный час начала карнавала старик уже сидел внутри бутафорского деревянного маяка на колёсах. Через стеклянную голову строения, оттуда, где должна была бы находиться лампа, он с любопытством разглядывал тан-

цующих людей в масках. Они размахивали флагами и что-то громко кричали.

Прикомандированный небожитель периодически подмигивал веселящемуся хороводу оранжевым глазом в такт ударам барабана. Через некоторое время он заметил спешащих мужчину и девчущку, пытающихся успеть насладиться ярким зрелищем. Поравнявшись, марафонец в возрасте посмотрел на маяк, прямо в глаза Сатурну. Их взгляды встретились, словно жаждали обменяться некой информацией. Что хотели рассказать друг другу Бог на пенсии и простой смертный человек, было неизвестно.

Мгновение... И мужчина, сжав руку ребёнка, поскакал дальше наслаждаться феерией карнавала. Вероятно, если бегун задержался бы хоть на минутку, Сатурн раскрыл бы ему вселенскую тайну миропорядка в обход запретов Пантеона. Хотя, нужно ли было это сейчас человеку?.. Понял бы что-то дитя первых впечатлений и поверхностных эффектов?..

Уймись хозяйюшка, уймись...

Уймись хозяйюшка, уймись,
Налей ты лучше стопку водки.
И мне душевно улыбнись,

Как ты умеешь, взглядом кротким.

Я шёл дорогой непростой,
Водя с печалью хороводы.
В надежде встретиться с мечтой,
Забыв все прошлые невзгоды.

И сесть за стол, и рассказать,
И душу разложить на части.
Ошибки за собой признать,
Отдавшись в руки женской власти.

Меня ты только не жалея,
Не к этому я так стремился.
И тихо стопочку налей,
И проследи, чтоб не напился.

Меж нами искра пробежит,
И мир вдруг станет чуть светлее.
Трава слегка зашелестит,
Внутри немного потеплеет.

И мы с тобой уйдёт вдвоём,
Босыми по тропе любовной.
И жить мы заново начнём,
Какой-то жизнью безгреховой.

Выставка

*Мы не понимаем, что всё, данное нам Богом,
Имеет собственную индивидуальность
И может в любой момент развернуться
И уйти, не обращая внимания на истошные
вопли хозяина.*

Фантазия и Талант решили сегодня немного пошалить. Развязно хохоча, они металась по огромному выставочному залу из одного угла в другой и вовсе не обращали внимания на двух пожилых женщин, вальяжно расхаживающих на поле их безумного игрища.

Интеллигентно выглядевшие дамы в одинаковых синих костюмах были приставлены для наблюдения за порядком и

обилечивания граждан, жаждущих лицезреть шалости невидимых сущностей. Безобразно ведущие себя чертовки со светящимися Божьими искорками на мочках ушей вместо серёг совсем распоясались, напрочь потеряв из виду берега приличия.

Вероятно, они заразились игривым настроением от тысяч отдыхающих, плескающихся в сотне метров отсюда в Чёрном море в самый разгар курортного сезона. Фантазия, освободившись от дотошной родительской опеки Реальности, истошно кричала прямо в лицо Марии Ивановне – первой смотрительнице: «Я тоже хочу купаться! Хочу, хочу!»

По-видимому, для субстанции, до краёв наполненной воображением, сотрудница периферийного музея не обладала достаточным авторитетом по сравнению с представительницами столичных галерей. С ней можно было вести себя как разбалованное дитяtko: канючить, обижаться и топтать ногами. Но, благо, самостоятельно сбежать из одноэтажного здания, расположенного в глубине платановой аллеи, шалунишке не позволял здравый Смысл, который всё же следил за рамками разумности.

На дворе стояла такая жара, что тонким натурам можно было тут же растаять, и тем самым лишить Творца жизненно важной составляющей его дара, выделенного ему Богом в момент рождения. Творцом в нашем случае выступал художник с залихвацким именем Никас, любезно предоставивший свои картины для выездной выставки.

Вторая сущность вела себя, можно сказать, потише, не так ярко, как первая. Но она действовала, по привычке, исподтишка. То пририсует кому-то, изображённому на картине, нос, то приделает голову борзой собаки к телу светской барышни. А однажды учудила, нарисовав готический замок на панцире черепахи.

Блуждающие по залу посетители останавливались и долго цокали языками, всматриваясь в картину. Что же в ней главное – черепаха или замок? В какой-то момент, благодаря изящно наложенным на холст краскам, им начинало казаться, что земля действительно плоская и держится на четырёх пресмыкающихся в крепкой броне. Не могла же хитрюга так реалистично нарисовать несуществующую картину мира? Не из головы же она взяла этот фантастический сюжет?

Иной раз, вдоволь наигравшись, обе баловницы почему-то собирались возле изображения спящей полосатой кошки, которая умиротворённо отдыхала одна на зелёном поле. Вдалеке виднелись жёлтые холмы, на цыпочках тянущиеся к бирюзовому небу. На теле животного были выстроены сельские домики, утопающие в величавых елях, которые оберегали покой жителей необычной деревни.

Фантазия и Талант, убаюканные аурой природной тишины, на какое-то время сворачивались в калачик и, прижавшись друг другу, тоже засыпали, мурлыча под нос мелодию в стиле кантри.

В этот момент посетители, вдоволь насмотревшись на фёрическое смешение красок и мыслей, подходили к витринам. Под стеклом располагались миниатюры Сафронова, выставленные для продажи. Как только во взгляде гостей начинал чувствоваться покупательский интерес, тётенок словно подменяли. Из степенно расхаживающих представителей музейного сообщества они превращались в суетливых бабулек, старающихся продать работы известного художника.

– Картины написаны самим маэстро. Стоят полторы тысячи рублей, – сообщали смотрительницы.

Очевидно, в цене была заложена осязаемая маржа, часть которой поступала в карман бабулек. Но как можно было осуждать милых женщин за этот адюльтер высокому искусству? Зарплаты маленькие, на них и плакать не захочется.

Но полторы тысячи для курорта были тоже существенной суммой. Отдыхающие в основном приезжали сюда на море, выделяя крохи лишь на проживание и пропитание.

– Нет, что-то не нравится, – чинно говорил глава семейства и переходил к витрине с дешёвыми сувенирами. – А вот этот магнитик с кошечкой сколько стоит?

– Двести пятьдесят рублей, – раскрывала цену та, которая отвечала за билеты. Её глаза постепенно тухли, подсчитывая ничтожные прибыли.

Посетитель радостно тянул руку в карман, вынимая денежные знаки.

– Скажите номер магнитика, пожалуйста, – отвечала би-

летёрша без энтузиазма в голосе, но всё же гордо, перебирая картиночки в коробчонке.

Несмотря на расположение в глубинке, в музее издавна присутствовала система, упрощающая складские подходы к товару...

Некоторые посетители не просто ходили по залу, а выборочно фотографировали картины. Снимки они выкладывали в социальные сети, чтобы похвастаться перед внешним миром – соседями и сослуживцами. Ведь в этом состоит немаловажная цель отдыха. А то, значит, – были, отдыхали, веселились, а где же отчёт?

Петрович, начальник, должен был узнать, как «оттягиваются» его подчинённые и непременно позавидовать. А то – Турция, Израиль, Египет... Мы здесь, на родной земле, можем не хуже. Только почему-то, когда Сергей Борисович заливал изображения в сеть «ВКонтакте», на некоторых из них в дымке были видны две рожицы, сплошь усыпанные веснушками. Они озорно оттягивали уши и показывали языки.

Похоже, Фантазия и Талант, беснующиеся в зале, были не такими уж невидимыми, как казалось ранее. И даже китайские телефоны выхватывали их из астрального пространства, раскрывая действительность такой, какая она есть на самом деле...

Надевший маску по себе не плачет

Надевший маску по себе не плачет.
Зачем страдать по сущим пустякам?
Он «Я» своё от посторонних прячет,

И достаёт его лишь по ночам.

И усадив «Я» рядом на кровати,
Ведёт с ним долгий скучный разговор.
О внутреннем своём самораспаде,
Неся с «Я» каждый раз какой-то вздор.

Что, мол, нельзя без маски жить на свете,
Что засмеют его соседи и друзья,
Что на глобальном праздничном банкете
Мол, те придут одни, а он припрётся с «Я».

И «Я» вздохнёт и, опустив глазенки,
С понурым видом быстро скроется в ночи.
И на обратной стороне иконки
Напишет букву «Я» и «Если что – стучи».

Сакральные места

Мы больше смотрим на внешний мир, нежели заглядываем внутрь себя.

Бог, зная об этом недостатке людей, создал для них сакральные места.

Возможно, там, по замыслу Всевышнего, Человеку будет проще познавать собственную природу.

Ещё со времён Адама и Евы у людей появилась неутолимая потребность находить для себя сакральные места. У первой женщины это была полянка у той яблони, где она впервые отведала запретный плод. Выцарапав на коре крестик, Ева каждый раз, когда ссорилась с Адамом, приходила к дереву, чтобы оживить свои любовные чувства. Набравшись сил, она вновь возвращалась к единственному, возобновляя

прежнее общение.

Так продолжалось до тех пор, пока Богу не надоели их вечные ссоры и примирения, и он не изгнал их из рая. Пришлось девушке на грешной Земле искать новую территорию для изливания внутренних тревог и озвучивания очередных просьб. Ева выбрала место у костра, а Адам, напротив, периодически удалялся в самый край пещеры.

Для некоторых современных женщин этой сакральной спасительницей стала кухня, а у определённого контингента мужчин – гараж. Ведь как хорошо посидеть с друзьями на перевёрнутых деревянных ящиках, попить самогона и излить друг другу душу, поговорив о нелегкой судьбинушке, выпавшей на долю сильной половины человечества.

Каждый волен устанавливать прямой лифт для передачи посланий в небеса там, где пожелает. Аборигены племени Анангу из далёкой Австралии, например, в качестве священного места почему-то выбрали скалу Улуру. Может, потому, что каменный гигант, расположенный в самом центре пустыни, напуская на себя таинственность, меняет цвет в зависимости от времени суток. Неважно, что этому феномену наука дала вполне естественное объяснение, найдя в составе горы частички кварца, который под воздействием солнечных лучей устраивает для публики забавную светомузыку.

В начале дня Улуру – тёмно-лиловая. Когда Солнце крепнет – чудо природы одевается в пурпурно-красную мантию и ведёт себя, как важный священнослужитель. По мере тече-

ния дня скала розовеет, а затем, после того как часы пробьют двенадцать, вообще превращается в монолит, весь покрытый золотом. Ночью Улуру похожа на тёмно-серого гигантского жирного кенгуру, скачущего в самом центре Австралийского материка.

Коренному населению научные выкладки «до фонаря». Раздевшись практически донага, повязав на головы красные банданы, надев чёрные набедренные повязки и располосовав себя вдоль и поперёк линиями из белой краски, аборигены пляшут возле костра у подножья скалы. Им же надо поддерживать реноме и зарабатывать деньги на туристической публике, съезжающей со всего света. Да и вера предков имеет немаловажное значение. А то придёт во сне их старый, давно умерший вождь и накажет всех отрёкшихся по всей строгости загробного мира.

У «анастасийцев» сакральные места – это дольмены, которые массово разбросаны по Северо-Западному Кавказу. Сложенные из больших камней строения напоминают доисторических черепах. Открыв пошире рот – выдолбленный проём, гранитные пресмыкающиеся будто бы ползут и ползут который век по скалистой местности. Они огибают горные ручьи, наслаждаясь шелестящими звуками водопадов и впитывая в себя покой вечнозелёного леса. Вокруг сложенных домиком многотонных камней сидят люди в белых одеяниях и поют песни о великой силе природы, об Анастасии – сибирской отшельнице и о необходимости человечеству пря-

мо-таки сейчас, немедленно, отказаться от всех благ цивилизации...

Для чего были предназначены дольмены в те далёкие, ещё дохристианские времена, – загадка. То ли это были дома для карликов, то ли в них, как в холодильниках, хранили еду великаны. Возможно, это были погребальные сооружения или древние святилища – историки всё ещё ищут ответы на эти вопросы. Однако «анастасийцы» не сомневаются в чудотворной силе монолитов, делясь между собой байками о мифических светящихся шарах, спускающихся с небес, о голосах на непонятном языке, слышимых по ночам, о физически ощущаемых вибрациях микроволн вокруг таинственных артефактов.

Но не только в каменных строениях природного или рукотворного труда люди находили тогда и находят сейчас сакральное. Практически каждое известное озеро на Земле покрыто тенью святости. Даже наш Байкал не избежал этой участи. В силу достаточно почтенного возраста, в несколько десятков миллионов лет, он просто не мог не войти в длинный список культовых мест. Людей ещё Бог не придумал, а озеро стояло, радуя глаз пролетающих мимо птерозавров и удивляя красотой длинношеих, вечно жующих палеозавров.

«Бум-бум!» Слышите, бьёт в бубен шаман на берегу Байкала, вызывая духов из прошлого?

«Бум-бум!» – скачет он между рядами восторженной публики, одетой в какое-то тряпье. Народ млеет от происходя-

щего. Людям кажется, что они вот-вот прикоснутся к чему-то ранее неизведанному, невысказанному. Что они не зря купили путёвки, тряслись несколько дней в поездах, летели самолётами. Если бы было надо, искатели острых ощущений и на повозках с оленями добрались бы до заветного места. Потому что жажда сакрального сидит у человека в крови, в самых что ни на есть печёнках.

«Бум!» – подпрыгнул на колдобине голубой микроавтобус «Соболёк», заворачивая на улицу, названную в честь Николая Васильевича Гоголя, известного шутника и поклонника мистики.

– Когда же здесь дорогу сделают? – недовольно произнёс водитель Андрей, крепче сжимая руль.

Я сидел рядом, на пассажирском месте. Но меня в наименьшей степени сейчас интересовали планы дорожных служб и графики благоустройства города. Мой взгляд нёсся впереди машины, разбивая пятки в кровь о грунтовую дорогу. По обочине, слева и справа, росли пушистые тополя. Они соединялись кронами, образуя зелёную арку, тянущуюся к самому дому – конечной точке нашего маршрута. Полторы тысячи километров, наконец, остались позади. Одинокий сердитый дуб, расположившийся возле забора, как старый дед на завалинке, увидев знакомый автомобиль, растаял и улыбнулся, радостно зашелестев листвой. Меня не было в этом месте ровно год. Мы вышли из машины, на ходу разминая ноги после долгого пути.

Скрипнула калитка, и я вошёл в своё сакральное место. Там, в беседке со свисающими гроздьями чёрного винограда «Изабелла», стоял длинный стол, за которым в часы застолья умещались все мои родные. Даже те, которых никогда не было в этом доме. Даже те, кто давно ушёл в другую реальность. Они всё равно сидели за этим столом. Рядом, из открытой двери жёлтого «жигулёнка», неслась песня Боки: «В последний раз смотрю на бывший город свой. В последний раз смотрите, мои дети...». Мы все были родом из Баку. В эти минуты я и мои родные с полными слёз глазами вспоминали свою Родину. Знойный город, раскинувшийся на Апшеронском полуострове, был далеко. Но Геленджик с Чёрным морем и подковообразной бухтой так напоминали нам родные места...

Вместе с тем мы с Андреем начали неспеша заносить вещи в дом. И только тогда в солнечных лучах, виртуозно проникающих на землю сквозь виноградные листья, я заметил трёх граждан, сидящих на бетонных ступеньках лестницы. Один был темнокожим, в набедренной повязке, другой – в белой одежде, с гитарой, третий держал возле груди бубен. Увидев, что я разглядел их, они почти хором обратились ко мне с вопросом:

– Теперь ты нас понимаешь?

Я понял, о чём они, и утвердительно кивнул головой в ответ. Сакральное место должно быть у каждого человека. «И у меня оно тоже есть», – подумал я, занося в дом очередную

коробку.

В поисках врагов

Искать врагов приятно и легко,
Всю злость свою плюя в лицо злодеям.
И, натянув спортивное трико,

Гонять их по заснеженным аллеям.

Пусть падают лицом, и прямо в снег,
И молят на коленях о пощаде.
Сдавая пачками своих коллег,
От страха соревнуясь в клоунаде.

Играя желваками на лице,
Читают ночью вражеские книги.
И ловят нас, идейных, на словце,
Исподтишка показывая фиги.

Ну нет, им не пролезть никак на свет,
Пусть копошатся червяками в банке.
И перед нами им держать ответ,
За всех стирая грязные портянки.

Но вот дыхнуло ветром перемен,
Врагами стали те, кто был в опале.
И был за миг разрушен Карфаген.
Теперь чихвостят нас в соборном зале...

Радужный мост

*Чувство любви дано нам Богом в придачу к
сложной*

И в то же время тонкой душе.

*И Всевышний не вправе забирать любовь после
нашей смерти.*

*Ведь мы и там, за гранью, останемся людьми,
Потеряв лишь материальную оболочку.*

Она стояла на Радужном мосту. Они бежали ей на встречу. Она улыбалась. Они радостно виляли хвостами.

Там были все. Все, с кем она когда-то рассталась. Все, кого она до сих пор любила. Но Бог сказал: «Ещё не пришло время» и преградил им путь.

Они жалобно заскулили. Затем скулёж превратился в возмущённый лай. Налаявшись, они завывали, задрвав головы

кверху. Да так завыли, что небеса вздрогнули и прослезились.

Пошёл дождь – солёный, проливной, холодный. Капли падали стеной, смазывая картину происходящего. Может, дождь решил скрыть их слёзы? Шерсть промокла насквозь, утяжелилась, потянула к земле. Они устало легли.

Вдруг она крикнула им:

– Найда! Джипа! Барик! Курт!

Они услышали свои имена. Узнали знакомый голос хозяйки. Опять встали на лапы.

Радужный мост затрясся от небывалого напряжения. Зазвенели его тросы. Начали шататься колонны. Но он устоял. Ему нельзя было разрушиться, исчезнуть. Он всем им ещё пригодится. Не сейчас. Потом. Когда-нибудь. Придёт время.

А пока? А пока пусть всё, что происходит, будет сном...

Сладким, как сахар, который она насыпает каждое утро в кофе. Крепким, как её любовь, которую она испытывает к хвостатым и лающим существам. Железным, как её преданность ко всем, кого она однажды впустила в своё сердце...

Поводок, связывающий её и их, никогда не оборвётся и не перетрётся со временем, потому что сделан не из кожи, а из частиц их душ, которые сцепились между собой.

В этот невидимый канат Всевышний вплёл Божественную нить. Именно из таких нитей состоит наша жизнь. Именно по ним мы распутываем клубок в поисках смысла нашего существования. А после смерти, судорожно перебирая рука-

ми волшебное волокно, мы находим свой Радужный мост, на котором кроме братьев наших меньших встречаем папу с мамой, дедушек и бабушек. При встрече радостно обнимаемся и целуемся, чтобы никогда уже больше с ними не расставаться...

– Найда, Джипа, Курт, Барик! А ну-ка, сидеть и ждать меня...

Вершиной смысла упоясь...

Вершиной смысла упоясь,
Дотронувшись до края неба,
С судьбой отшельника смирясь,

Я принял Божий постриг слепо.

Сомнений яд мне не давал
Волхвам открыть пошире душу.
Пытаясь выбраться в астрал,
Я логику бросал на сушу.

И обезвоженная тварь,
Мечтаний строгая убийца,
Клала виденья на алтарь,
Плюя мне в самые глазницы.

Мне от неё какой есть прок?
Узреть хочу я Божьи планы
И как взаправдашний пророк
Писать библейские романы.

Калейдоскоп

*Мы смотрим на мир через придуманные нами
стёкла,*

*Не представляя, что только они являются
нашими проводниками истины.*

*И насколько свет проникает через них,
преломляясь разноцветным свечением,*

*Настолько и нам суждено познать красоту и
величие мироздания.*

Что есть силы надувая щеки, да так, что на них выступил розоватый румянец, Никитка Соколов сидел во главе большого праздничного стола. Сегодня ему исполнилось ровно пять лет. От переизбытка внимания у «парня» покраснели даже уши, превратившись в два локатора, ощупывающие пространство вокруг. Казалось, что они порой даже шевелятся, настраиваясь на ловлю сигналов радости, посыла-

емых окружающим пространством. Вселенная крутилась в этот день вокруг малыша, разгоняя космические частицы, которые, наигравшись в водовороте, медленно опускались вниз, превращаясь в кристаллики счастья.

По случаю дня рождения к имениннику в гости были приглашены соседка Наташка, друг по садику Петя и «сослуживец» по шахматному кружку очкарик Славка. Где-то неподалёку носились взрослые, на кухне брякали тарелки, а белая скатерть с рюшечками нарядно и покорно лежала под дисциплинированно сложенными друг на друга руками ребят. Ей было не привыкать устраивать праздничную атмосферу в доме, пропитывая её особым ярким светом.

Молодёжь, ёрзая на стульях с высокими спинками, с нетерпением ждала сладкого торта со свечами, игривого лимонада «Буратино» и, конечно, сливочного мороженого с нежным молочным вкусом. Так отмечали дни рождения большинство детишек в семидесятых годах прошлого столетия в самой славной стране – Советском Союзе.

Гости и сам виновник торжества старались не показывать вида, что их ожидание близится к апогею. Под столом же ребяташки давали волю своим эмоциям и не сдерживали нервные клетки в рамках приличия. Незаметно для окружающих ноги малышни раскачивались, всё больше увеличивая амплитуду колебаний, благо, что ботиночки и туфельки не доставали до пола.

Броуновское движение взрослых вокруг в конечном итоге

приобрело упорядоченный вид. В комнате был потушен свет и зашторены окна. Огоньки от пяти свечей, будто ожидая сигнала, как всегда неожиданно показались в проёме двери в гостиную, где восседали дети. Радостно махая острыми кончиками, яркие язычки пламени приветствовали новорожденного. Казалось, что к столу в воздухе из темноты самостоятельно парит поднос с тортом, медленно качаясь на волнах детского восторга.

Песню «Хэппи бёздей ту ю» у нас раньше не принято было петь, поэтому встреча лакомства прошла под оглушительные хлопки в ладоши детворы. Несколько секунд подготовки, загадывание желания, и свечи вмиг погасли. Наконец-то кучерявенький Никитка был избавлен от многочисленных тренировок «воздухообдувательства». Краснота с его щёк очень быстро улетучилась, оставив гнездиться на лице только милые кругленькие ямочки.

Чайные ложки радостно зазвенели по блюдам с кусочками торта, наигрывая весёлую мелодию, понятную только детям. Постепенно время, по мере наполнения пузиков, неумолимо приближалось к самому сладостному моменту. Точке, когда подарки, преподнесённые в начале праздника и одиноко лежащие в сторонке, почувствуют тёплые ладошки единоголичного хозяина и сольются с ним энергиями, прокричав что есть мочи:

– Эге-гей! Принимайте нас, вновьприбывших, в громадный игровой мир фантазий! В мир, в котором существу-

ет только один Бог – и имя ему Соколов Никита! И этот час настал. Подарочные обёртки без церемоний были содраны с коробок, и свету явились: грузовая машинка от Петра, школьный пенал от Наташки и деревянные шахматы от Славки. Что называется, полный набор для мужичка пяти лет, которому нужно было учиться, развиваться интеллектуально, а в будущем – работать и содержать семью.

Каждый из друзей, как положено, схватил для проверки то, что подарил Никитке он сам.

– Трррр! – поехал по полу самосвал.

– Тук, тук, тук! – деловито принялся расставлять фигуры на доске Славик.

– Смотри, какие карандашники, – начала расхваливать содержимое пенала Наташка.

Именинник с ликованием радостного зайчонка подпрыгивал то к одному гостю, то к другому, пытаясь принять участие в разных играх.

– У него кузов поднимается? Ты будешь играть белыми? Давай в альбоме порисуем! – именинник, на правах хозяина, влезал экспромтом в создаваемые детские вселенные, быстренько телепортируясь между ними.

А сверху на муравьиную суету, стоя обнявшись в уголке комнаты, смотрели Никиткины папа с мамой. С умилением наблюдая за своим чадом, они вспоминали события, произошедшие будто бы вчера: поездку в роддом, тревожные ожидания и радостные крики с подпрыгиваем до потолка:

– Ура! У меня сын родился!

И вот, пять лет пронеслись со стремительностью сверхзвукового самолёта, который утягивал в белом шлейфе за собой человеческие судьбы. Относительно молодые мужчина и женщина не знали, что воздушное судно в это время только набирает ход. Дальше оно понесётся ещё быстрее, не давая опомниться родителям, разрезая крыльями пушистые облака обстоятельств и отсчитывая месяцы и годы, словно воздушные мили.

Но это будет потом, а сейчас пара ждала, когда малыш доберётся до родительского подарка.

Маленькая продолговатая коробка с нанесёнными на неё пляшущими разноцветными буквами скромно лежала в сторонке на диване. Она не роптала, не канючила – понимала, что придёт и её звёздный час.

Наконец, наигравшись вдоволь, Никита устремил свой взгляд на забытый сюрприз. Вынув из упаковки подарок, он увидел калейдоскоп...

Несмотря на обширные знания в советской игрушечной индустрии, ему раньше не приходилось сталкиваться с подобным чудом. Взрослые тут же подскочили, показывая ребёнку, как нужно обращаться с трубочкой, наполненной цветными прозрачными стёклышками. Крутя калейдоскоп и смотря одним глазом в маленькое отверстие, Никитка видел, как свет, проникая с другого конца трубки, множил цвета, выстраивая их в хитроумный божественный порядок. Яв-

ленные ребёнку рисунки мозаики не повторялись. Для этого нужны сотни лет непрерывного вращения – но именинник этого не знал.

А родители, глядя на воодушевление их малыша, так хотели вдохнуть глубокие смыслы в разноцветные стёклышки, в надежде, что, повзрослев, Никитка сможет сам распознавать через волшебные узоры истинные любовь и красоту. Чтобы не терялся порой в сером безликом мире обыденности, а всё время искал огоньки света, превращающие жизнь в искусство наблюдения.

Отец с матерью думали про себя, что, когда они сойдут на промежуточной остановке воздушного лайнера и, опустив головы, держа друг друга за руки, уйдут с лётного поля, Никитка должен помнить, что мир нужно разглядывать только через стёкла подаренного ими калейдоскопа...

Прошли годы, и, не дав опомниться пассажирам, самолёт уже приближался к очередной взлётно-посадочной полосе. Семидесятилетний Соколов Никита Иванович всматривался в даль, придерживая слабыми руками подозрную трубу, стоящую на бульваре на берегу Чёрного моря. Там, на горизонте, где вода незаметно перетекает в небо, Толстый и Тонкий Мысы почти соединялись между собой, образуя умиротворенную тихую бухту. Ему в какой-то момент показалось, что эти краешки земли – это папины и мамины руки, обнимающие его, как тогда, на том самом дне рождения, когда ему исполнилось пять лет.

– Ууу, – возник звук приземляющего воздушного лайнера. Миленькая стюардесса в голубом костюме и соблазнительной кепочке выходит к пассажирам.

– Уважаемые дамы и господа, наш полёт завершен! От имени всего экипажа благодарю за выбор авиакомпании «Жизнь»!

А я люблю Россию!

А я люблю, люблю душой Россию!
Какой-то скрытый смысл её полей,
Дороги, дураков, драматургию,

Святую веру у простых людей.

И святости напившись до отвала
И горлопаня песни в темноте,
Под звон церковного с вином бокала
Россия исполняет фуэте.

Накинув на историю удавку,
Она её ведёт под образа.
Своей абсурдностью плюя на Кафку,
Из логики рождает чудеса.

Умом Россию не понять. Ну что же,
Коли, травы и в злобе режь меня.
Но места нет на всей земле дороже!
Ведь, чёрт возьми, Россия – это я!

Весы

Сколько весит твоя жизнь?

Ты ещё не знаешь ответа?

*Она – пушинка, вес которой превышает массу
всего сущего,*

Ибо взвешивать её будут не здесь, а там...

В те давние времена, когда ещё не было сотовых телефонов и компьютеров, Интернета и Wi-Fi, когда мышка была мышкой; а по экрану нельзя было водить пальцем, иначе он испачкается; на продуктовых рынках помидоры с картошкой, огурцы с яблоками взвешивали не на электронных весах, а на обычных, с гирьками.

На одну алюминиевую тарелку ставились пузатые грузи-

ки, а на другой размещался товар. Если носы железных утюжков соединялись, то это означало, что вес определен и пора рассчитаться за покупку...

– Эй, женщина, женщина, красивая, подходи, попробуй, какие сладкие арбузы, прямо-таки как мёд, – кричит продавец Рафик на Монгинском базаре в городе Баку, зазывая к своему прилавку дородную мадам полукавказской наружности.

– «Нечады», почём? – несколько свысока спрашивает особа, медленно подплывая к горе полосатых фруктов.

– «Он гяпик», десять копеек за килограмм, дорогая! – улыбается во весь рот Рафик, сверкая тремя золотыми «фиксами». Вставные зубы были расположены гордо, не прячась, в самом центре верхнего ряда. Работа дантиста Самуила Абрамовича была, что называется, налицо – качественная и на века. Хотя прожить целый век Рафик из азербайджанского района Масаллы не рассчитывал.

Свет жгучего апшеронского солнца отразился от сверкающих поверхностей трёх произведений искусства, иначе не назовёшь, и ударил прямо в глаза покупательнице. На мгновение женщина прищурилась, то ли от потока электромагнитных частиц, посылаемых Светилом и отражаемых от зубов, то ли для того, чтобы досконально изучить предложение больно ласкового продавца. И то, и другое просто притягивало Марину Мамедовну к прилавку Рафика, словно муху на сладость.

На голову мужчины была нацеплена большая кепка, прозванная в народе «аэродромом». Белый фартук с кое-где проступающими пятнами прикрывал тёмный костюм не первой свежести. Так были одеты все продавцы на базаре, поэтому внешний вид одного из них мадам несколько не смущал.

– Хотите на разрез? – Рафик, не дожидаясь ответа от Марины, вырезал в арбузе толстым длинным ножом четырёхугольник и одним движением вынул кусище из тела ягоды.

Ярко-красный цвет, цвет флага Советов, озарил всё вокруг. Ещё немного, и на Монтинском базаре заиграл бы гимн: «Союз нерушимый республик свободных...».

Но любознательным географам могло показаться другое. Будто из недр Земли вынули часть плоти, демонстрируя любопытной публике её кровавую истерзанную внутренность с тонкой и сладко наполненной душой.

В те времена свободные путешествия по странам мира простым смертным были запрещены. И арбуз, где-то на подсознательном уровне, напоминал земной шарик. Любая его сторона – это неизведанные места, которые желала посетить жаждающая впечатлений человеческая сущность.

– Попробуйте, женщина, – разрывая возникшую философскую ауру, продолжал уговаривать продавец. Буква «Ж» в слове «женщина» была произнесена с такой мягкостью и нескрываемой лестью, что походила на перьевую подушку, в которую хотелось побыстрее окунуться с головой. Так мо-

гут разговаривать исключительно кавказские представители сильного пола, пытающиеся склонить слабую половину человечества на свою сторону.

Экзекуция арбуза не прекращалась. От большого вырезанного куска была отделена ещё одна, более мелкая часть, которую Рафик протянул мадам на самом кончике ножа.

Покупательница не сопротивлялась струящемуся на неё напору маркетинговой энергии от масаллинского «киши», и проба состоялась.

Ярко-красный цвет арбуза не подвел, вступая в резонанс со вкусовыми рецепторами. Пьянящий сладкий аромат охватил всё тело зрелой бакинки, словно нашёптывая: «Купи меня, купи...»

Марина Мамедовна сдалась, как сдаётся нестигаемый корабль под натиском превышающих сил противника на поле боя.

– Взвесьте, – вздохнув, сказала мадам, с удовольствием отдавшись во власть победителю.

– «Баш уста», моя королева! – засуетился благородный Рафик, нисколько не соглашаясь на роль грубого варвара, захватившего в плен несчастную заложницу. Для полноценного триумфа он, по «закону гор», должен был поставить на пьедестал свою жертву. Хотя Рафик жил в масаллинско-ленкоранской долине, горы и связанный с ними благородный закон были в самом сердце мужчины.

Арбуз тем временем перекочевал на алюминиевую тарелку.

лочку на весах. Конструкция жалобно скрипнула под тяжестью, но устояла. Две гирьки – в два и три килограмма, перекочевали на другую тарелку. Уточки, немного покачавшись, уткнулись носиками друг в друга.

– Ровно пять кило, милая, – вынимая из ножен очередной комплимент и сияя при этом, произнёс Рафик. Так могло сиять только раннее солнечное утро, разгоняя безветренную бакинскую ночь, – с Вас пятьдесят копеек...

Товарно-денежных отношений тогда никто не отменял, хотя о наступлении эры коммунизма все говорили на полном серьёзе. Слоган «От каждого по способностям – каждому по потребностям», казалось, был настолько близок, что протяни руку – и ты дотронешься до него. Отсутствие в обращении денежных купюр уж точно увидят наши дети или внуки – так думали мы, верящие в наисветлейшее будущее нашей страны.

А что люди советского прошлого были готовы положить на весы с уточками за такое – судьбы, жизни? Это было не так уж далеко от истины...

Что готов вообще отдать человек, ставя на одну тарелочку своё существование на свете, а на другую – сопротивление и борьбу с человеческой грязью?

Иногда носик уточки, отвечающий за жизнь, с лёгкостью поднимается вверх. Он понимает, что там, где Каспийское море соединяется с белоснежными пушистыми облаками, всё будет по-другому, не так, как мы привыкли видеть здесь.

И вес души на Земле в несколько грамм, там, за горизонтом, будет равен мегатоннам, перемноженным на самих себя.

– Эй, «гардаш»! Подходи, не стесняйся, сегодня мы будем взвешивать твою совесть, – улыбается продавец Рафик, переквалифицировавшийся по ходу в Бога или в Аллаха, как кому нравится...

Ворон

Вокруг меня растут деревья,
И ворон каркает в листве.
Он призывает сновиденья

В моей возникнуть голове.

Пусть расцветёт ольха зелёна,
Пусть дуб накроет разум мой,
И яблоня, познав Ньютона,
Родною станет мне сестрой.

А я себя представлю клёном,
Мостом, лежащим на реке.
От тёмных сил живым заслоном,
Держащим землю на замке.

Вода, бегущая по кругу,
Свершает тайный ритуал,
А ворон мне твердит науку
О силе водяных зеркал.

И я гляжу на гладь речную,
Во сне тревожа сам себя,
И пью с чертями мировую,
Безумно ангелов любя.

Мусорка

*Наша жизнь похожа на верёвку, у которой есть
начало и конец.*

*Главное, чтобы, держа её где-то на середине, мы
не забывали,*

*что когда-то с трудом хватались за начало
верёвки*

и скоро с ужасом будем сжимать её конец.

Кряхтя, скрутившись в три погибели, почти сидя на карточках, я смотрел в замочную скважину в старой обшарпанной двери. Куски краски отслаивались от деревянной поверхности и падали мне на кроссовки, замызгивая завязанные бантиком белые шнурки. Отвергнутая сущность краски пыталась хоть как-то остаться в памяти, а не сгинуть бесследно, растоптанная проходящими мимо людьми.

Я не помнил, когда эта дверь появилась на моём пути, и не знал, где она была установлена. Серый мерзопакостный туман скрывал детали и смазывал недавно чёткие очертания возникших архитектурных форм. Да это сейчас было не так уж и важно. Ведь любопытство, отбросив желание докопаться до ответа: что же перегородило мне дорогу, стало главным локомотивом, который уносил меня туда, в будущее, в режиме скорого поезда, без остановок на перекусы и раздумья.

Именно это будущее я и наблюдал, глядя в замочную скважину, где по идее должен был находиться ключ. Но его там не было, поэтому любопытство, не стесняясь, могло проникать в поржавевшее отверстие, оставляя везде свои прозрачные липкие слюни.

Мой правый глаз округлился и расширился, превратившись в красное сочное яблоко. Левый глаз закрылся, чтобы не видеть настоящего, погрузив его в темноту чёрной комнаты без окон и дверей.

Смешно, но казалось, что я стал похож в этом неестественном положении на одноглазого капитана Сильвера из книги «Остров сокровищ», тем более что одна нога у меня ужасно затекла, да так, что я её уже практически не чувствовал. Осталось только услышать попугая на плече, который истошно кричал бы прямо в ухо: «Пиастры, пиастры!»

Но вместо разноцветной говорливой птицы мне на левое предплечье села белоснежная бабочка-капустница. Видимо, она была здесь, в текущей действительности, пролётом, для

предостережения, чтобы я не вздумал открывать дверь. Мало ли чему я бы мог там, в будущем, навредить. Потом переделывай настоящее под то, что произойдёт. Ведь одно должно вытекать из другого и посеянные зёрна смыслов нужно искать задолго до того, когда взрастёт дерево...

Я наблюдал, как по многоуровневой трассе кольцом, опоясывающим город, неслись, не касаясь земли, тысячи автомобилей на электромагнитных подушках. Транспортные средства всевозможных форм и расцветок словно красовались друг перед другом, показывая витиеватые, изощрённо выгнутые линии кузовов. При этом тишина, стоящая над дорогами, создавала атмосферу нереальности происходящего. Так казалось мне отсюда. Для людей же, живущих в начале двадцать второго века, это было обычным явлением.

Я всё глубже и глубже погружался в мир будущего, удивляясь выкрутасам технического прогресса. Что-то со временем безжалостно отмерло, выбросив неживое в корзину, а некоторое развилось и преумножилось.

Из точки А в точку Б можно было построить маршрут, не касаясь рукой навигатора, даже не произнося вслух адресов. Просто подумав и чётко сформулировав свою мысль, пассажир посылал сигнал на встроенный в его мозг компьютер, а тот дальше... И, вуаля, – машина ехала в указанное место.

Роботы и люди настолько сблизились, что непонятно стало, кто есть кто. Границы искусственного и естественного стали зыбкими и мерцающими. Они таяли практически с

каждым днём, не давая людям насладиться текущим уровнем прогресса.

Новые версии используемых устройств выходили фактически каждый день. Вчера была версия 1.0, сегодня – 1.1, а завтра, потребители, ждите версию 1.2. За развитием было просто не угнаться.

Сантехник Михаил Петрович мог в любой момент надеть руки суперрабочего и из простого русского мужика, чуть-чуть ленивого, чуть-чуть пьющего, превратиться в десятирукого высококвалифицированного Киборга Петровича Сан, китайского производства. Робота, одновременно прочищающего раковину, ремонтирующего стиральную машину и разговаривающего с хозяйкой о недавно прошедшей премьере балета «Щелкунчик».

А хозяйка, Вероника Ивановна, нацепив шлем с торчащими из него проводами, становилась сверхледи, способной параллельно смотреть за детьми, варить обед и пылесосить палас с помощью подключенных к шлему механических помощников.

Но сквозь линии, стрелки и графики роста в мире будущего я заметил, что некоторые машины съезжали с трассы и медленно ползли по одинокой дороге с колдобинами и ямами. В конце их пути находился дом, поделённый на две совершенно равные половинки. Граница между одной и другой в виде нечёткой трещины тянулась от фундамента до самой крыши. Казалось, что архитектор во время проектирования

дома был сильно пьян и не заморачивался отсутствием линейки.

Он так, трясущимися руками, провёл черту, отделяя части друг от друга. Левая половина была построена из серого скучного кирпича, настолько невыразительного, что можно, отзевавшись всласть, заснуть на месте. Вторая половина была вся из хрустала, неприлично прозрачного и удивительно тонкого. «Дзинь!» – тронешь её легонько ногтем, стена и зазвенит, задребезжит, засуетится, показывая, насколько она испугалась пытливого гостя, проверяющего конструкцию на прочность.

Наверху здания, ровно посередине, словно объединяя две части целого, красовалась светящаяся надпись «Мусорка». Да, «Мусорка»! Другого названия месту, куда свозили люди будущего свои поднадоевшие судьбы, придумать не смогли. Возможно, не хватило фантазии или они наугад заглянули в исторический словарь. Ведь как такового понятия «мусор» здесь уже давно не существовало – всё шло в дело, в переработку, создавая альтернативную энергию.

Те, кто хотел расстаться со своей судьбой, подъезжали к кирпичной части здания. Роботы-приёмщики принимали сдаваемый груз по описи, аккуратно упаковывали и перевозили на тележках в хрустальную часть сооружения. Граждане, освободившись от ненужного, с лёгким сердцем выходили, садились в свои промобили и, улыбаясь, возвращались назад, чтобы с чистого листа начать новую жизнь.

Другая часть посетителей устремлялась ко второму входу в странное здание. В прозрачном пункте выдачи им отпускали ранее сдаваемые первой группой судьбы. Они забирали их себе и тоже радовались. И уже дома полученный груз очищался, отмывался, штопался или ремонтировался. Для чего вторым это было нужно, непонятно. Может, они были писателями, поэтами или художниками, а возможно, просто утончёнными ценителями старины. И по вечерам, за чашечкой кофе возле камина, подолгу разглядывая витиеватые и запутанные ниточки судеб, творческие натуры создавали что-то своё, новое, возникшее из мусора...

«Биииип-бииип!» – сигнал от автомашины марки «Жигули» вернул меня в настоящее. Замочная скважина, в которую я подглядывал, и старая дверь испарились, будто их и не было. Я стоял на дороге возле нескольких контейнеров с мусором, огороженных невысокой серой кирпичной стеной.

– Мужик, ты чего, заснул? – раздался грозный выкрик из-за опущенного окна авто, – дай подъехать к мусорке поближе.

Я покорно отошёл, дав «Жигулёнку» вплотную припарковаться возле контейнеров. Мужчина и женщина лет тридцати вышли из машины, открыли багажник и, пыхтя от тяжести, выволокли старый с трещинами коричневый сундук. Парочка положила его справа от стены. Дама торопливо села в машину, а мужчина закурил и, глядя на меня, продолжил:

– Вот, бабкина рухлядь, весь коридор занимала в кварти-

ре. А мы с женой ремонт затеяли... Оставлять её, что ли?..

Последняя фраза была то ли вопросом, то ли утверждением, сквозь пелену сигаретного дыма было не разобрать. Но что я почувствовал точно, это нотки извинения. Мужчина как будто искал оправдания своему поступку у меня – постороннего для него человека. Но, видимо, не найдя его, он медленно поднял голову к небу.

Сероватое облачко было уже над нами, будоража сознание фантазмагорическими фигурами. В какой-то момент дымок, снизив прозрачность, уплотнился, превращаясь в круглый шар, похожий на лицо. Откуда-то сверху донеслось:

– Как поживаешь, внучок?

Мужчина и я переглянулись, одновременно задавая друг другу немой вопрос: «Вам тоже это слышалось?»

Но материальная жизнь на то и материальна, что не любит подобные фантазии. Она проста, в меру красива и постоянно куда-то торопится.

– Роберт, ну сколько можно тебя ждать? – крикнула из салона авто женщина, – Поехали, наконец!

– Ну, поехали, так поехали, – мужчина покорно впрыгнул в машину. «Жигулёнок» фыркнул, зарычал и унёсся вдаль, превратившись в колорадского жука.

Дым развеялся, оставив меня один на один со старым-престарым сундуком, одиноко лежащим на мусорке.

Желая вынырнуть из суеты...

Желая вынырнуть из суеты,
Глотаешь воздух мироздания.
Осознавая, как ничтожен ты

В попытках поделить сознание.

Частичка остаётся в толчее,
Страстей забавная игрушка.
Она живёт в привычной колее,
Как безобидная старушка.

Не причиняя никому вреда,
Ворча забавно на соседей,
Лишь взглядом провожает поезда
Несущих годы лихолетий.

Другая часть, презрев в душе покой,
Достигнуть потолка стремится.
С наскока с серостью вступает в бой,
Не помышляя мелочиться.

Историю взяв смело под уздцы,
Галопом скачет по равнине.
Не забывая оставлять рубцы,
Стихов сверкающих рубины...

Сознание для них – единый дом.
Они хотели вмиг бы разделиться,
Но в мире, к сожалению, земном
Друг с другом им приходится мириться.

Умеющие летать

*Бог наделил нас всем, что может сам.
Только тела наши пока не готовы принять его
дары...
Зато души наши не стесняются подарков!
Ибо они ближе всего сущего стоят к
Всевышнему.*

Настанет день, когда люди полетят. Не на самолётах или вертолётах, не на воздушном шаре, не с помощью каких-либо технических средств, а просто – по желанию сердца. При этом – не расставляя руки, не махая ими, имитируя крылья, а просто оторвутся от земли, поднимутся на пару десятков метров – и вперёд! Тихо, спокойно, без звука, без гудения моторчика сзади, как у Карлсона.

Отчего это произойдёт, спросите вы? Оттого, что я вижу это каждый раз во сне. Видит тот парень, который стоит на остановке в ожидании маршрутки, та женщина, которая несёт домой пакеты с продуктами. Видит тот ребёночек, который катается на самокате. Спросите их, и вы убедитесь, что они, погружившись в сновидения, частенько летают в них.

Так зачем же это? Почему Бог внедрил в наш мозг такое «кино»? С какой целью Морфей – шеф-повар снов, готовя очередной салат из кусочков воспоминаний, взял шепотку летающей соли и приправил ею своё фантазмагорическое блюдо?

А, знаю! Не просто так... Нас подготавливают к совершенно иной жизни. Пусть не мы – наши правнуки, прапраправнуки будут уметь летать. А пока что мы тренируем во снах навыки, которые передадим в генах будущим поколениям.

Но как изменится жизнь через сто-двести лет? Может, мы наконец поймём, что наше тело тленно и существует, чёрт возьми, смерть? И не будем воровать, грабить, брать и давать взятки. Совершать подлость и гнусность. Не будем злиться по пустякам. Просто будем улыбаться, жить здесь и сейчас, будем ценить близких и родных. Будем счастливыми людьми.

«Ау-ау, а что сейчас не так?» – спросите вы. Вопрос не ко мне. Пусть каждый задаст его самому себе. Не прикрываясь занятостью. Не опуская стыдливо глаза, не говоря: «Так

делают все, и я тоже иногда совершаю плохие поступки...». Тогда в сознании что-то щёлкает. Но ненадолго. Потом автомат возвращает всё в обычное положение.

Человек – существо социальное, и люди копируют поведение соседей, смотря по сторонам. И только когда мы все возьмёмся за руки, вдохнём побольше воздуха и скажем «Акуна Матата!» – тогда и прилетят они, на тарелочках.

Нет, не зелёные человечки с круглыми выпученными глазами на пол-лица, а такие же, как мы, обычные. С нормальными руками и ногами, со стандартными человеческими туловищами и головами. Ведь, поверьте, форма не важна. Её, какую хочешь, мы можем придумать, нарисовать, создать и сказать, что так было всегда. Важно содержание, суть, смысл, внутренность, можно даже назвать это серым веществом в наших мозгах. Хотя цвет – это тоже ничего не значащая категория.

«Акуна Матата! Акуна Матата!» – и всё свершится, приземлятся они и заменят нас на нас, только на других – более совершенных. Мы не исчезнем, мы просто станем теми, которыми должны быть. И тогда...

Вот постоит-постоит парень на остановке, плюнет и полетит. Стоп, не плюнет, плевки запрещаются, ведь злости не будет. Женщина с сумками улыбнется, и на тебе – она уже дома, готовит обед. Хотя, возможно, тогда и сумок не будет. Но женщина будет – это точно. Будет и ребёночек, летающий в парке. Так, обычно, чтобы просто повеселиться.

Наступит мир во всём мире. Войны отменяют. Точно отменяют. Так что же тогда будет двигателем прогресса, когда все будут счастливы и желания практически исчезнут?

А Бог его знает... Найдут что-нибудь. Возможно, это будет творчество. Мы превратимся в летающих и мечтающих создателей, желающих самовыразиться и показать миру наше внутреннее «Я». С большой буквы, с самой большой.

Тогда мы станем жить не так, как сейчас. Сейчас, раз – и ты уже подросток, два – ты уже дяденька, три – и вот старик смотрит на тебя из зеркала. А в будущем будет так: раз – и ты уже юноша, два – и ты ещё юноша, три – а ты по-прежнему юноша, полон жизни, планов, счастливый-пресчастливый. Ну, как картина? «Нью-Васюки» в полный рост, описанные только яркими, сочными красками. В рамке. И рамка исключительно с позолотой. Богатая такая – пребогатая...

Полетят, обязательно полетят, в будущем все будут летать. А нам что делать? Эх, бедные мы, несчастные, приземленные черепахи! Нам остаётся только мечтать... О том мечтать, что сделают другие. А мы соберёмся на небке в кружочек и посмотрим на Землю, где наши потомки станут подобны птицам – вольные, чистые и счастливые.

В точности как те, которые ушли. Они наверняка уже почувствовали, как это – летать, беззаботно и красиво. Да, мама? Да, папа? Вы, несомненно, расскажете мне, когда полетели в первый раз. Но не сейчас. Пока не настал мой срок, я ещё потренируюсь во сне...

**Кружись, кружись, мой
разум, в страстном танце...**

Кружись, кружись, мой разум, в страстном танце,

Зажатый между солнцем и луной.
На небе, залитом густым багрянцем,
Прошу, найди путь к памяти земной.

Внутри коры – клокочущая лава,
А на Земле – зелёная трава.
И льётся, льётся музыка лукаво,
Заманивая силой колдовства.

И, открывая перед Богом двери,
Впускает в разум свет и чистоту.
В больничном белоснежном интерьере
Пытается постигнуть красоту.

О, музыка! Всё для тебя возможно!
Ты в силах мир перевернуть вверх дном.
Вот так, с улыбкой милой, осторожно,
Пустить конец спектакля кувырком.

Кубики

Бог протягивает тебе руку помощи.

*– Я сам! – говоришь ты ему, отвергая
бескорыстную поддержку.*

*– Сам так сам, – Всевышний изображает печаль,
и смиренно улыбаясь,
показывает тебе, что отходит в сторону...*

Иногда события, происходящие с нами, кажутся простыми и понятными, словно лежащие в картонной коробке двадцать деревянных кубиков – пять по горизонтали и четыре по вертикали. Можно при желании развернуть, но всё равно, как ни крути, получается двадцать.

Надпись на коробке – «Азбука», нанесённая ещё в советские времена, осунулась и стала менее заметной, словно ста-

рушка, отдавшая свою красоту беспощадному и жестокому времени. Яркие краски испарились в воздухе, и на плёнке воспоминаний осталось только чёрно-белое кино. Даже звук куда-то пропал, размашисто размазывая тишину по светлому экрану в кинотеатре.

Персонажи лишь раскрывают рты, а смысл разговора можно понять только по надписям на обратных сторонах фотографий из старого альбома. Кубики, прижавшиеся друг к другу, смотрят на тебя испуганными глазёнками. Они показывают наклеенные на их грани потрескавшиеся картинки из стародавних мультфильмов нашего детства.

Вот в левом верхнем углу лежит кубик с буквой «А». Рядом с ней изображен Айболит в белом халате со стетоскопом наперевес. За ним прижухалась пузатая «Б» с нависшим над ней весёлым Буратино, который всё ещё пытается проткнуть носом нарисованный на холсте очаг Папы Карло. В середине гордо стоит Кот в Сапогах, поставив одну ногу на букву «К». У правой стенки жужжит Муха-Цокотуха. Кажется, что её «Ж-ж-ж-ж» проникает в наш кинозал с одним только сидящим тут зрителем.

Это, видимо, я, похожий на юнгу рядом с буквой «Ю» на кубике. Кушаю попкорн и наслаждаюсь просмотром немого фильма, слова которого давно забыты. Играет пианино, чтобы скрасить захватившую кинозал тишину. Вдруг откуда-то снизу, из колонок, отвечающих за басы, прорывается:

– У тебя развязался шнурок.

– Это Вы к кому обращаетесь? – с задержкой реагирую я на реплику невидимого собеседника.

– Да знаю, знаю, – отвечает недовольно моим голосом некто третий.

Картинка экрана сменяется, заслышав наш разговор. Я вижу главный спортивный стадион Баку. Он находился на Инглабе. В чаше арены – чёрные беговые дорожки, огибающие зелёное футбольное поле и зажимающие его, несчастное, в замкнутое кольцо. Это потом будут строить стадионы исключительно для проведения футбольных матчей. Сейчас же всё совмещено – и футбол, и лёгкая атлетика, и другие виды спорта.

Белые свежоокрашенные линии дорожек строго разграничивают движение бегущих вдоль них ребят. В одном из отстающих я узнаю себя – длинного, худого подростка с развязанным шнурком.

Свободные от узлов верёвочки предательски мотаются в разные стороны на кедах, пытаюсь подлезть под соседнюю ногу. Ещё немного, и я точно упаду, уткнувшись носом в шершавую поверхность беговой дорожки. Дыхалка подседа, не давая мне бежать быстрее. Эх, если бы я знал, что так произойдёт, то не принимал бы участия в предыдущем забеге. Только из-за этого бегу сейчас не первым. На дальних дистанциях я всегда был лидером в классе. А сейчас – что же, приходится довольствоваться третьим местом. И, как назло, шнурки «просят» на время остановиться. Торможу, завязы-

ваю и снова бегу. Нет, не успеть вырваться, не успеть...

– Ну что, сынок, возьмёшь меня с собой на стадион? – по кинозалу разносится голос Папы. Он тоже хочет пойти со мной на школьные соревнования по лёгкой атлетике.

– Нет, не надо, я лучше сам, – отказываю я отцу. Как же – мне будет стыдно перед одноклассниками. Они придут одни, а я, как папенькин сынок. Стыдно, стыдно...

Но, если бы Папа был на трибуне, он отговорил бы меня бежать первый забег, и я сохранил бы силы для главного старта...

Ветерок, размахивая своими большими ручищами, упирается мне в грудь, мешая бежать. Сердце стучит, пытаюсь выпрыгнуть наружу и оставить своего хозяина без победы. Ватные ноги всеми силами тянут к земле, словно шепча: «Всё кончено, остановись, не спеши, ты в любом случае не будешь первым».

Не буду первым? А мне так хочется всегда быть именно лидером, победителем! Но годы – годы берут своё. С крайней дорожки ты переходишь на вторую, а со второй – на третью. И вот ты уже на предпоследней. Понимаешь, что не догнать, шнурки развязались, а впереди парни на порядок шустрее и моложе. Ты уже отказываешься от большинства забегов, предпочитая роль болельщика в большом спорте.

Жалко! Был бы Папа рядом, он мне подсказал бы, какое соревнование выбрать сейчас... Но я не взял его с собой в тот день и остался один. Один на всю жизнь...

На экране опять появились кубики. На букву «Н» взгромоздился Незнайка с веснушчатым лицом и в большой, не соответствующей его росту шляпе. Кажется, что его голубые глазки с укором смотрят с экрана на единственного зрителя в зале.

Появляется буква «Ж» – Жар-птица кружит вокруг многозубого символа, пытаюсь сесть на одну из пик. Всё, уселась. Сейчас схватить бы её за хвост и увезти на лодке с большой буквой «Л». Но кубики на то и кубики, нужны только затем, чтобы учить людей различать буквы, а для строительства судьбы требуется другой материал. Выкладывать слова, пацаны, мы должны научиться сами. С ошибками, неправильно расставляя запятые и забывая, где надо, ставить точки.

Всё же обидно... Если бы Папа был со мной, он научил бы меня правильно создавать предложения из простых кубиков. А теперь?.. Теперь приходится сетовать только на себя и на Бога, унесшего родного человека так рано.

Эпилог

Ночь... Мне снится сон. Папа, очень уставший, приходит с митинга оппозиции. Он весь день играл там на контрабасе, хотя, на самом деле, в жизни никак не был связан с музыкой. Мы с бабушкой Полей встречаем его.

– Кажется, у меня температура, – говорит отец, прикладывая руку ко лбу.

– Тогда завтра не ходи на работу, – просит его бабушка.

– Да, конечно, не пойду, – говорит папа и, держась за шкаф, вдруг сползает вниз. Глаза его стекленеют. Я понимаю, что он умирает.

– Папа, папа, не умирай! Я должен прочитать тебе этот рассказ! – кричу я, смотря ему прямо в застывшие глаза.

Папино тело дёргается, и я понимаю, что он ожил. Значит, мне удастся передать свои извинения за то, что не взял его с собой на соревнования в тот день...

Бог всегда нам даёт шанс исправиться. Хотя на этот раз извинения будут приняты лишь в сновидении и через тридцать с лишним лет...

Ленивый рай

Мой друг, замри, не пей мгновенья,
Оставь другим спешить в ночи
В столицу вечного забвенья,

Во свет божественной свечи.

Подумай, в этом нет отрады,
Закрой глаза и помечтай.
Послушай, как трещат цикады,
Зовя тебя в ленивый рай.

В нём пух вокруг белее снега,
А снег похож на молоко.
И граней нет – сплошная нега,
И ты летаешь высоко.

Мой друг, не думай о границах.
Границ ведь нет ни там, ни тут.
В тебе живут Творца частицы,
А в них Творец сокрыл уют.

Уют, что вечностью зовётся.
Уют души, уют сердец.
Уют единожды сольётся
В покрытый золотом дворец.

Там ты найдешь, мой друг, нирвану
И счастье тронешь за рукав.
Нырнёшь в прохладную сметану,
Чтоб в ней нетленно жить во снах.

Йохо

Что есть чёрное, а что есть белое?

Что есть зло, а что есть добро?

*В какой-то момент времени мы будем
принимать одно за другое,*

Меня по ходу жизни наши взгляды.

*И только вечность знает истину, потому что
она сама и есть истина.*

Сегодня Каспий был беспокойным, его штормило. Солёные жирные волны, демонстрируя свои бицепсы, раскатывали морскую гладь с севера на юг. Закончив соревнование по бодибилдингу и выжав из себя последние капли превосходства, они по доброй воле превращались в горбатых верблюдов, гонимых Ветром – суровым и холодным погонщиком.

Выстроившись друг за другом, вспененные водные жи-

вотные образовали караван, тянущийся от самой Астрахани. Бурлящая вереница огибала острый кавказский нос Апшеронского полуострова и, немного отдохнув в Бакинской бухте, устремлялась на золотые пляжи Ирана – далёкой мусульманской страны.

Там, зарываясь в жаркий песок, верблюды успокаивались, с удовольствием слушая сладостный голос слепого мальчика – муэдзина. Подросток, поднявшись на высокую башню минарета, читал азан, призывающий ко всеобщей молитве.

Волны, связанные между собой незримой выючной верёвкой, передавали по цепочке всем остальным то блаженство, которое испытывали первые верблюды, достигшие долгожданного берега. Ершистые гребни в центре Каспийского моря, напротив, явно нервничали, завидуя своим более проворным иранским собратьям. Обделённые судьбой, они начинали в порыве злобы плевать во все стороны морской пеной, ещё больше задирая свои белоснежные чубчики.

Под раздачу попали все суда, волей случая занесённые в эпицентр шторма. Среди них был и гидрографический корабль «Михаил Сотников», выполняющий очередное задание. Судно периодически вставало на дыбы, в одиночку пытаясь утихомирить вконец заигравшийся верблюжий зверинец.

Хлыстая по щекам волн винтами, разрывая кипящую пену носом и поглаживая беспокойные воды бортами, корабль одновременно силой и добротой стремился взять Каспий

под контроль. Морской гигант сопротивлялся. Он не соби-
рался подчиняться мелкому судёнышку, желающему сыграть
роль шпрыхталмейстера на цирковых подмостках. Громад-
ная голубая арена, если посмотреть сверху глазами косми-
ческого странника, напоминала контурами морского конька,
весело скачущего по земному шару.

– Йохо-Йохо! Куда же ты несёшься, шахматный гигант? –
раздался вопрос в воздухе.

– Йохо-Йохо! Туда, где белые и чёрные фигуры переста-
нут доказывать друг другу своё превосходство и наконец
признают, что все они выпилены из одной карельской берё-
зы. И только человек их перекрасил в разные цвета, пытаюсь
поддерживать градус противостояния сил добра и сил зла, –
послышался ответ.

– Йохо-Йохо! Кто же играет за добро, а кто за зло?

– Йохо-Йохо! Это знает только Йохо.

– Кто же он такой, всезнающий Йохо? – продолжала бесе-
ду одна сущность с другой, пытаюсь раскрыть главную гросс-
мейстерскую тайну.

В этот момент волны Каспия притихли. Тёмно-синие бро-
дяги, вытянув головы, устремили взгляды к небу, желая пер-
выми услышать ответ.

Корабль «Михаил Сотников» перестало качать на волнах,
и он спокойно нашёл место между горбами самого большого
верблюда.

– Йохо – это дерево, как та карельская берёза, имеющее

один пучок корней, уходящий в землю, и единый ствол. Из ствола растут две ветки, и обе покрыты зелёными листьями. Солнце встаёт на востоке и заходит на западе. Сначала светило освещает одну ветку, в конце дня – другую. Так и добро – на первых порах играет за белых, а потом садится доигрывать партию за чёрных, а зло делает всё совершенно наоборот... – продолжала философствовать сущность, выступающая в роли учителя. – Мы живём в мире относительности. И тот, кто это понимает, стоит над шахматной доской, а другие сделавшие выбор сидят за одной из её сторон.

– Так Йохо – Бог? – не унимался пытливый ученик.

– Йохо – не Бог. В том месте, где люди считают, что живут, нет Богов. – Планмерно, нисколечко не повышая тона, раскрывала заветную формулу рассудительная первооснова. – Но в тоже время человек не может существовать без Всевышнего, которому он обязательно отдаёт часть своего сердца. Йохо – это принцип, это движение и путь. То Дерево, на которое мы обязательно должны взобраться, но никогда этого не сделаем...

Вечерело. Волнение на море окончательно прекратилось. Погонщик залёг спать, предоставив каравану самостоятельно продолжать свой путь. Волны, пропитанные добротой и вечностью, предоставленные сами себе, еле слышно поползли по зеркальной поверхности.

Вахта начальника радиосвязи Юрия Крикуна подходила к концу. Осталось только передать последнюю шифrogramму

командиру корабля Виталию Айрияну.

Юрий, взяв служебный бланк с записью, поднялся в капитанскую рубку.

– Что ты мне принёс? – строго спросил Виталий у связиста.

На листке было написано лишь одно слово – «Йохо...»

Так Каспий, отбросив законы времени, передавал привет всем, кто его знал и помнил. Тем, кто тогда-то служил на море, и всем простым жителям приморского Баку, кто в прошлом беззаботно плескался в его тёплых течениях на пляжах города, и кто сейчас, увы, так далеко...

– Йохо-Йохо, – слышу я шёпот в ухе. А значит, быть добру!

Я заслужил испить водицы...

Я заслужил испить водицы,
Внутри себя познав грааль.
Не смейтесь надо мной, девицы,

Читая ночью мне мораль.

Поэт – не тот, кто ищет рифмы.

Поэт – не тот, кто льёт слова,

Плетя сухие логарифмы,

Не познавая колдовства.

Стихи подобны каре свыше,

Они спускаются с небес

И сносят у поэтов крыши

В потоке бешеных чудес.

Обнажены мы перед Богом,

В нас кровь течёт из рифм и слов,

И мы шагаем по дорогам

Из ярких шёлковых стихов.

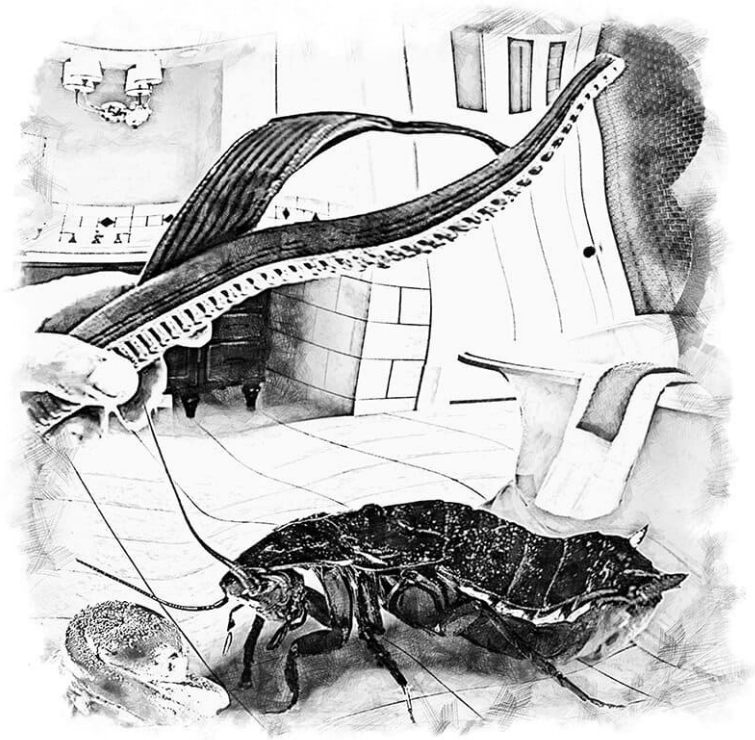
Тараканий рай

*Откажись от человеческого,
на мгновение превратившись в крохотную рыбку
или насекомое.*

*И тогда, отрёкшись от внешнего мира, ты
поймешь,*

сколько в тебе рабского и сколько – божьего.

И как много ты хотел, и как тебе мало надо.

Обычный, ничем не примечательный рыжий таракан, вобравший в себя за миллионы лет гены бесчисленных предков, вальяжно отдыхал в ванной комнате в квартире на пятом этаже хрущёвки. Сотни домов спального района, такой же стандартной постройки, стояли вокруг в многомиллионном городе – столице страны, занимающей одну десятую часть суши на планете Земля. Шёл двухтысячный год от рож-

дества Христова – Человека-Бога. Существовал ли на самом деле Иисус из Назарета, или это выдумка, таракану было неизвестно. Да и к тому же вопросы веры не умещались в мозгу крошечного представителя местной квартирной фауны. Он смотрел на мир просто, без изысков, с тараканьей точки зрения.

Вертя в разные стороны длинными усами, насекомое ощупывало пространство перед собой, представляя, что вскорости оно всё же найдёт сладкую корочку от булочки с маком. Но сдвинуться с места прямо сейчас усатому почему-то было лень. Прохладный кафель приятно остужал его рыжее пузико, распространяя по всему маленькому тельцу живительные метастазы блаженства. Темнота в ванной комнате создавала вокруг атмосферу полнейшей безопасности и божественного покоя.

В какой-то момент таракану даже захотелось петь. Однако, к сожалению, каких-либо песен он не знал, а в спальню с телевизором, где можно было бы повесить свои музыкальные познания, рыжий заходил крайне редко.

Обычно по ночам тараканище по привычке наведывался на кухню. Там можно было поживиться упавшими со стола лакомствами. А если с пола до его прихода всё подмели, усатый залезал в шкафы. В них уж точно было чем заполнить своё брюшко. Риск, конечно, был велик. Но желание что-нибудь отведать пересиливало возможные неприятные последствия.

Сейчас же, в ванной, ему ничего особо не хотелось. Просто вот так лежать и лежать, никого не трогать, не соревноваться с сородичами в поисках съестного и тем более не думать о продолжении рода. Время текло само собой, не касаясь насекомого, испытывающего невероятный кайф. Но всему когда-то приходит конец...

Неожиданно включённый свет прервал полудрёму таракана. Смерть в виде тапочка перестала быть далёкой и практически несуществующей иллюзией, а приобрела реальные очертания.

«Атас! Внимание!» – закричал его внутренний голос, и рыжий засуетился. Ножки моментально обрели должную упругость и синхронно заходили, словно в рычажном механизме.

«Сначала на пять сантиметров влево, потом направо, затем вперёд. Чтобы злой человек не смог вычислить траекторию движения: тогда снаряд упадёт мимо, не задев тщедушного тельца», – бежали мысли в мозгу усатого, перегоняя его самого.

«Бац!» – стук резиновой подошвы зазвенел в ванной комнате, разнося эхо по всем её уголкам. Паутинки завибрировали, принимая в свои липкие сети звуковые волны.

Мимо! Промаяхнул венец творения Бога.

«Бум!» – второй удар уже был ближе первого. Смерть начала наступать насекомому, в прямом смысле, на пятки. Нужно было сделать последний рывок. Плинтус виднелся на

расстоянии вытянутой ножки... Там жизнь... Жизнь, которая расплылась бы радостной улыбкой по безобразной мордочке таракана, если бы он пересёк «красные ленточки». Тапочек там уже его не достанет.

«Шлёп!» – нет, не успел. Третий удар пришёлся прямо по макушке насекомого, пригвоздив его к холодному, и теперь такому чуждому, кафелю. Всё, конец! Хрустящий звук поставил многозначительную точку в судьбе недавно спокойно отдыхающего существа.

Се ля ви! Что поделать, тараканья жизнь коротка и опасна, она может оборваться в любое время, в любую секунду. Мироздание примет это как должное, само собой разумеющееся. Высшие писари даже не занесут произошедшее в историю. Зачем марать бумагу ради столь незначительного, крошечного события? И даже если за ним стоит тот, кто жил, размножался, строил планы и, возможно, любил – всё это вселенская чушь.

Максимум, что можно сделать, – поставить галочку в клеточке присутствия на Земле некогда живого организма, и то под нажимом Всевидящего начальства, которое старается учитывать всё и вся.

А что дальше? Дальше для усатого был подготовлен тараканий рай. Слышите скрип? Это открывается дверь, стелется красная дорожка и – «Топ-топ-топ!» – по ней шлёпают все шесть лапок рыжего существа.

«Надо бы петли смазать», – проносится в мозгу у вновь-

прибывшего. А возможно, мысль принадлежит совершенно другому. Ведь там, в непознанной вечной обители, границы разума смыты и Я может быть Мы, а Мы иной раз превращается в Я.

Но что это?! Что это? В самом центре райской комнаты, выкрашенной в абсолютно белый цвет, лежит сладкая корочка от булочки с маком. Подходи, наслаждайся!

Впрочем, и здесь таракан не отошёл от подхваченной на кафельном полу Нирваны. Он равнодушно отвернулся от дармовых яств. Забился в угол и настороженно, но без истерик, посмотрел на разворачивающиеся вокруг него метаморфозы.

Однако события, ранее развивающиеся так стремительно, притормозили коней. Будто кто-то сверху решил посмотреть на поведение насекомого в раю. Тем не менее рыжий был по-прежнему безразличен к соблазнам. Он даже закрыл свои треугольные глаза и зажмурился. В этот момент изображение в виде пазла рассыпалось вдребезги, разбросав осколки по всему райскому полу...

Когда усатый вновь открыл глаза, белого помещения уже не было. Он по-прежнему лежал на прохладном, приятно остужающем его тараканью сущность кафеле, в квартире на пятом этаже.

Что это было? Насекомому привиделась его кончина? Или Бог решил заново даровать жизнь существу, достигшему абсолютного совершенства в отрешённости от внешнего мира?

И было это существо тараканом или мой дух временно вселился в него, решив забыть обо всём? Кто я и почему я сейчас нахожусь в доме, расположенном в стране, занимающей одну десятую часть суши на планете Земля?...

В других мирах ища себя...

В других мирах ища себя,
Копируя сознание,
Ты множишь формы бытия

В потоках мироздания.

Не понимая, что и как,
И где зарыты смыслы,
Ты под уздцы берёшь бардак,
Внося златые числа.

Они становятся рядком,
Системно и попарно.
И мысли крутятся кольцом,
Безумно и коварно.

И сущности из темноты
Выходят, словно Боги.
В зеркальных кубах Красоты
Они несут истоки.

Первопричинности миров,
Случайности забавы,
Жестокий свет от чёрных льдов
И сладкий вкус отравы.

Но где же всё во всём искать?
Где истина сокрыта?
Нам не дано её познать
В границах алфавита...

Любимый сын Ленина

*Что значит жизнь одного человека
В нескончаемой цепочке появления и исчезновения
людей на планете?
Но если смерть одной бабочки может повлиять
на историю,
То человек способен изменить всё, и тем самым
стать равным Богу!*

Февральский мороз сковал в своих крепких объятиях улицы и площади Москвы, заставляя жителей плотнее натягивать на головы шапки и отгораживаться от холода длинными вязаными шарфами. Снег то валил хлопьями, укутывая город в белоснежную шубу, то неожиданно прекращался. Наступало затишье. Будто там, наверху, кто-то неожиданно закрывал заслонку в гигантской трубе, производящей нежные

шестиугольные крупицы.

В эти минуты относительного спокойствия открывался прекрасный вид на молчаливые звёзды Кремлёвских башен на фоне тёмно-синего неба. Остроконечные красные свидетели замысловатой российской истории сурово смотрели на происходящую под ними суету начала двадцать первого века. Томный свет, струящийся, словно из-под земли, освещал их пересекающиеся линии, обозначающие вечность и стремление к идеальности мироустройства. Небесный художник был сегодня в ударе, совместив на одной картине красоты природной вакханалии и зарисовки из обычной жизни среднестатистических москвичей.

По улочкам и проспектам столицы, словно по её кровеносным сосудам, медленно ползли машины, частенько упираясь в образующиеся то здесь, то там автомобильные тромбы. «Мерседесы», «Тойоты», «Жигули» и другие авто всевозможных видов и расцветок, стараясь не задеть друг друга, тревожно сигналили и, пыхтя, словно русские самовары, наконец разъезжались в разные стороны.

Темнело, рабочий день заканчивался. Народ дружно и радостно повалил из офисов. Выйдя на улицу, все как один старались ускорить свой шаг, чтобы побыстрее очутиться в тёплых квартирах, впрыгнуть в домашние тапочки, сесть на диван и за чашечкой крепкого чая уставиться в телевизор.

В это время уровень уюта личных жилищ просто зашкаливал, превращая их в суперзащищённые средневековые

замки. За каменными стенами мужественные рыцари кабинетных сражений могли возле костра – батареи погреть свои косточки, рассказывая домочадцам о менеджерских буднях.

Но я сегодня не настраивался на душещипательные разговоры о планктонной жизни, потому что в моей барсетке лежали два билета в театр на спектакль с интригующим названием «Любимый сын Ленина».

Как известно, детей у вождя пролетариата не было, и этот факт уже сам по себе возвращал в умах людей, отчасти знающих его судьбу, дополнительную интригу. А у старшего поколения, захватившего на своём жизненном пути противоположные, по сути, виды общественно-политического строя, в которых преклонялись перед совершенно разными идеалами, возникало естественное любопытство. Неужели и в семейной жизни Ильича были ещё какие-то нераскрытые тайны? Уж сколько про него написано, особенно в девяностые годы. Жизнь Ленина была изучена вдоль и поперёк. Казалось, что не оставалось даже ни одной пылинки на его костюме, не рассмотренной историками всех мастей с разных точек зрения.

Мы с женой не были заядлыми театрами, но попавшие к нам в руки по случаю билеты подтолкнули нас выйти в свет в эту суровую погоду. Театр был недалеко от выхода из метро, поэтому мы, не успев изрядно наглотаться невидимых микроскопических кристалликов, парящих в воздухе в сегодняшний холодный вечер, юркнули через стеклянные двери

в тёплое фойе.

Наша розовощёкая от мороза парочка, как и все остальные, пересекшие границу царства Мельпомены, моментально превратилась из суетливых, вечно торопящихся куда-то прохожих в вальяжно расхаживающих дам и господ.

Сдав верхнюю одежду в гардероб и взяв у милой миниатюрной бабушки в голубой униформе номерки, мы тотчас открыли наши души для впитывания тонких живительных волн высокого искусства. При плюсовой температуре невидимые кристаллики наконец начали таять, освобождая место приятному и волшебному запаху, который можно ощутить только в театре.

Откуда берётся этот аромат, неизвестно. Может, всё дело в смешении благоуханий деревянной сцены, лакированного паркета в фойе и плотной ткани занавеса? Загадка! Но от такого парфюма мой живот предательски заурчал. Сработала проверенная временем теория Павлова.

– Коньячка бы сейчас, рюмашку, – вслух подумал я, с тоской устремив свой взгляд на буфет, где кроме бутербродов с колбасой и рыбкой в углах витрины скромно притаились бутылочки-миньончики с согревающей жидкостью тёмно-коричневого цвета.

– Сейчас выпьешь и заснёшь прямо на спектакле, – строго одёрнула меня жена, – возьми лучше сок с бутербродами.

Глубоко вздохнув, я встал в хвост длинной очереди, тянущейся соблазнительной змейкой, ещё больше сподвигающей

на тревоугодие.

Дали первый звонок. Люди в фойе засуетились, потянувшись гуськом в зал через массивные дубовые двери. От очереди начали постепенно отваливаться звенья, не выдержав нарастающего напряжения. Это позволило мне почти вплотную подойти к заветной стойке, где продавали спасительные перекусы.

Второй звонок застал нас с женой бегущими в зрительный зал – в этот заветный полутёмный мир эмоций. Мы на ходу усиленно жевали бутерброды, стряхивая крошки, предательски зацепившиеся за одежду. Низменные человеческие потребности постепенно отступали, освобождая место потребностям эстетическим, находящимся практически на самой вершине пирамиды Маслоу.

– Ряд тринадцатый, места тридцать шестое и тридцать седьмое, – взглянув мельком на билет, произнёс я вслух, чтобы жена подстраховала меня в поисках наших кресел. Я устремился вперёд, отмечая про себя: «Десятый, девятый ряд...», не останавливаясь и не сразу сообразив, что отсчёт начинается от сцены.

– Куда ты понёсся? Вот же они! – послышался сзади голос жены. Как и положено «боевой подруге», она первая нашла заветные места.

В звуках третьего звонка утонуло наше учащённое дыхание, моментально забылся холодный город и отошла на задний план каждодневная работа. Успели!

Мы с удовольствием погрузились в тёмно-бордовые кресла, чтобы на два часа с небольшим, с перерывом на антракт, превратиться из людей, не замечающих ничего вокруг, в наблюдателей, зрителей.

После стандартной фразы о необходимости выключить сотовые телефоны, произнесённой голосом с металлическими нотками, зал погрузился во мрак. Изо всех углов раздались хлопки и трескотня – имитация стрельбы. Видимо, так, по идее постановщика, мы должны были своими ушами услышать и, в конечном итоге, прочувствовать то далёкое революционное время, в котором на олимп молодого советского государства восходил небольшого роста лысоватый человек со сверкающими умными глазами и громадным лбом.

Начали вспыхивать и тут же гаснуть огоньки на потолке зала. Задрав головы, зрители подспудно пытались уловить некую систему в жизни красных и белых светлячков. Но напрасно! Сплошная анархия, как и тогда. Потoki случайностей, которые уже после были выстроены историками в закономерный логический ряд...

Постепенно звуки, надрывающие слух, стихли, уступив место залихватской весёлой песне с одесскими мотивами – «Лимончики». В темноте по стенам зала побежали круглые ярко-жёлтые пятнышки, будто бы зажглись тысячи фонариков. Разрывая струны, под бойкий стук барабанов звонко заиграла одинокая скрипка. Певец, явно с криминальным прошлым, запел: «Ой, лимончики, вы мои лимончики. А вы рас-

тёте у Сони на балкончике...»

Авторы вот так решили передать атмосферу наступающего НЭПа – с открывающимися ресторанами, артелями, жилтовариществами и кратковременными свободами для предприимчивого народа.

«Лимончики» недолго поднимали нам настроение. Они сменились рыданием трубы и звоном музыкальных тарелок. Духовые инструменты подхватили печальные нотки и понесли их медленно, с глубокой скорбью, между рядами кресел зрительного зала. Подразумевался, видимо, двадцать четвертый год. Смерть Ленина. Январская стужа и толпы людей, жаждущих проститься с вождём...

Но и тут, не дав нам опомниться, сюита «Время, вперёд!», всем известная по программе «Время» на «Первом», разорвала печальные ноты в ключья и, высушив редкие слезинки на щеках, воссияла красным заревом, размазанным по тёмно-синей занавеси на сцене. Свет от больших прожекторов, совершая горизонтальные и вертикальные перемещения на импровизированном «небе», переносил сидящих в зале театралов в атмосферу индустриализации, пятилетних планов и величественных парадов. Показалось, что возникшие будто бы из-под земли алые флаги страны Советов наотмашь хлестали шёлковыми краями зрителей, не давая им расслабиться.

Ещё мгновение, и звуки моментально стихли. Что-то большое, невидимое человеческому глазу, поглотило музы-

кальный грохот, навсегда заточив его в своём чреве.

«Щёлк-щёлк», – следуя цепочке неожиданностей, в зрительном зале включили яркий свет. От хлынувшего на меня потока обнажающего действительность излучения я зажмурился...

Открыв глаза, я внезапно не почувствовал больше комфорта, ранее даримого мне театральным креслом. Словно его незаметно, пока было темно, выдернули из-под меня, заменив жёстким приставным стульчиком, на котором просто невозможно было сидеть: ни тебе откинуться назад, ни тебе положить руки на подлокотники. Приходилось постоянно находиться в напряжении. Но, как я понял, это состояние передалось не только мне. Повернув голову, я увидел жену, с недовольством, граничившим с изумлением, оглядывающуюся по сторонам.

Вот теперь и я заметил изменения, произошедшие в зрительном зале. Например, рядом с нами размещались не две подружки средних лет, которые до начала представления щебетали о чём-то друг с другом, а две женщины в возрасте, в строгих серых платьях начала двадцатого века. Они сидели, потупив взгляд, молча уставившись на спинки соседних кресел. У одной, полноватой, глаза были зелёного цвета, сильно навывкате. Отвисшие щёки, седые волосы и круглые очки говорили о ней, как о человеке умном, пережившем в своей жизни многое, но под грузом обстоятельств не смеющим высказывать своё мнение. Соседка была более миловидной,

колючий взгляд и острый нос выдавали её дерзкий характер. Но она тоже опустила голову и была как будто бы не здесь, а далеко в прошлом.

Рядом стоял симпатичный мужчина в кожанке, держа какие-то бумаги, свёрнутые в трубочку. Маленькая бородка и интеллигентный вид раскрывали в нём душу писателя или поэта, ранимую и чувствительную. Он, эмоционально жестикулируя, обращался к двум женщинам:

– Надежда Константиновна, ну подтвердите, ведь Ленин действительно последний вздох сделал на моих руках. Когда он умер, я целовал его ноги!

Затем, не видя реакции, гражданин обратился ко второй даме:

– Мария Ильинична, скажите Вы, всё же было действительно так?! – последняя на секунду подняла на него глаза, но затем опять опустила голову. За этот промежуток времени можно было почувствовать, что она испытывает явную симпатию к обращающемуся к ней мужчине...

– Товарищ Бухарин, не отвлекайтесь от темы, – раздался строгий голос со сцены, – так вы признаёте себя виновным в создании правотроцкистской подпольной организации и убийстве товарища Кирова?

На подмостках стоял длинный стол, накрытый красной скатертью. Казалось, что он был настолько длинный, что его крылья, ещё немного – и скроются за кулисами. Мгновение, и вся эта громоздкая конструкция завоет и поднимет-

ся вверх, передавив на взлёте большую часть людей из зала. За столом сидел, по-видимому, президиум, со множеством знакомых мне по историческим фотографиям людей. Посередине восседал грузин с большими пушистыми усами. Во рту у него дымилась курительная трубка с сильно изогнутым концом. Чаша с табаком висела ниже подбородка, и из неё поднимался наверх слабый дымок.

– Это изумительная клевета, кровавая клевета. Не верь им, Коба! Они на меня наговаривают! – страстно, глядя только на грузина, воскликнул мужчина в кожанке. – Они говорят, что я не люблю Сталина, которого я на самом деле люблю. Они говорят, что я ненавижу руководство партии, которое я на самом деле люблю!

В порыве оправдательной речи Бухарин поднял руку с бумагами кверху. В этой позе он был в точности похож на молодого Ленина, стоящего на броневике.

– Я готов за наше дело умереть! Мне не дорога жизнь, всё это мне абсолютно надоело, но политическая честь! – произнеся последнюю фразу, мужчина устало опустился в кресло.

В этот момент из зрительного зала раздались язвительные смешки, полностью обесценивающие речь того, кого ещё недавно называли любимцем партии и сыном Ленина.

– Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на Пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьёт на ис-

кренность, требует доверия, – грузин вынул трубку изо рта и начал медленно, под всеобщее молчание, заталкивать в неё очередную порцию табака и, уже посмотрев на мужчину в кожанке, продолжил, – когда имеется тысяча показаний против него. Ты не волнуйся, подожди, разберёмся.

В глазах главного здесь человека на мгновение возникла жалость. Видимо, он вспомнил свою ещё недавнюю дружбу с Бухариным, а возможно, и далёкий тринадцатый год, когда тот практически вместо него написал статью о национальном вопросе.

– Николай Иванович, – обратился Сталин примирительным тоном, – я ничего не говорю лично о тебе. Может быть, ты и прав!

Трубка опять нашла своё место во рту. Из неё повалил более тёмный дым, даже где-то из чаши начал выскакивать огонёк. Бугристое лицо Иосифа Виссарионовича окутала пелена, постепенно отдаляя его от Николая.

– А может быть, и не прав. Нельзя здесь выступать и говорить, что у вас нет доверия, нет веры в мою, Бухарина, искренность. Это ведь всё старо. И события последних двух лет это с очевидностью показали, потому что доказано на деле, что искренность – это относительное понятие, – с некоторым раздражением произнёс Сталин.

Николай понял, что это – всё. Последняя фраза поставила в их дружбе с Кобой твёрдую точку. Наверняка такой же точкой в скором времени завершится и его жизнь.

Недалеко послышался стук сапог конвоя. Уже через минуту человека в кожанке уводили из зала.

– Вы-то хоть верите мне? – обернувшись напоследок, обратился к нам с женой Николай Бухарин с полными слёз глазами...

Мы ему ничего не ответили...

Свет в зале начал медленно снижать яркость. Занавес на сцене со скрипом задвинулся. Антракт?

Жена и я так и не поняли, что это было – то ли театральное представление, приближённое к реальности, то ли действительность показала нам фантазмагорические лица из прошлого...

Обернувшись, мы увидели двух подружек в модных современных костюмах, оживленно деливших между собой впечатлениями. Крупской Надежды Константиновны и Ульяновой Марии Ильиничны – жены и сестры Ленина – рядом с нами не было.

– Коньячку бы сейчас? – умоляюще спросил я, посмотрев на жену.

– А вот сейчас – можно! – утвердительно кивнула она головой...

Нет боли, потому что боли нет...

Нет боли, потому что боли нет.
Нет света, потому что свет повсюду.
В самом вопросе ты найдешь ответ,

Признав в Христе однажды вдруг Иуду.

Бог вездесущ, границ у Бога нет
В пределах зримого людского мира.
Через еврея он принёс Завет
И скрылся навсегда в дыму эфира.

Не плачь, Мария, сын твой не исчез.
Он среди нас, блуждающий в потёмках.
Его учение идёт вразрез
Со всем, что грешник совершает на задворках.

Война, убийство, ненависть и мрак
И лужи нечистот видны повсюду.
И толпы верящих людей в кабаки
Бегут, напоминая мне Иуду.

Но вдруг блеснула свечка в темноте,
Найдя свой лик божественный в посуде.
В чадающей беспробудной духоте
Увидел я Христа в одном Иуде.

Солдатики

*Считающие себя сильными и правыми
С высоко поднятой головой уходят во тьму.
И только некоторые возвращаются на сторону
света,
Признав себя не такими уж сильными и
правыми.*

– Ж-ж-ж-ж! – ревя вымышленными моторами, пластмассовый танк Серёжки Петрова двигался из правого угла его детской комнаты в левый. Гордо смотря вверх, дуло боевой машины символизировало искреннюю пацанью правоту в разворачивании игрушечных военных сил.

Пролезая сначала под столом, виртуозно огибая его массивные деревянные ножки, затем – под ажурным белым сту-

лом, танк Серёги мягко скользил по зелёному паласу. Мощная бронированная, в фантазиях ребенка, машина не замечала нанесённых на ворсистую поверхность ковра маленьких хрюшек и зайчиков, которые радостно и беззаботно перепрыгивали через изогнутую голубую речку. Настрой зверюшек нисколько не соответствовал тревожному военному времени, с утра неожиданно воцарившемуся в комнатке.

– Сейчас не до сюсюканий, – с максимальной долей серьёзности подумал четырёхлетний карапуз, не обращая внимания на миролюбивый рисунок напольного покрытия.

Правой рукой он толкал танк, левой сжимал в кулаке двух железных солдатиков. Понятно, что без поддержки пехоты невозможно было выиграть летнюю военную компанию. И не важно, что у одного игрушечного воина был сломан кончик винтовки, а у другого со временем облезла краска. Они всё равно представляли несокрушимую силу, которая могла сыграть в переломный момент сражения решающую роль.

Пока Серёжка на карачках совершал марш-бросок, в правом углу комнаты, сидя на корточках, притаился для отражения атаки его закадычный друг – Витька Бондаренко. Нахмурившись, сощулив глаза и скрестив брови домиком, второй мальчишка пристально наблюдал за приближающимися силами противника.

Слёзно выпрошенные всего лишь на один день у детского друга Жорика пара зелёных миниатюрных пушечек уже были выстроены в линию для защиты рубежей.

Для надёжности перед орудиями располагалась неприступная стена, воздвигнутая из кубиков «Лего».

Конструктор Витьке недавно привезли из турпоездки по Европе его родители. По мнению пацанёнка, крепостная стена иностранного производства должна была сдерживать массивный танковый бросок Серёги. «Всё-таки, ненашенское качество», – деловито рассуждал малец, представляющий защищающуюся сторону.

– Тр-р-р! – тем временем звук рычащего мотора танка усиливался. Он становился всё более грозным и пугающим. Мягкое жужжание сменилось трескотнёй более высокого порядка. Даже проникающий в комнату из окна солнечный свет на мгновение зажмурился, испугавшись последствий развязанной войны. Он, видимо, не разобрал, что жаркие баталии ведутся в детской понарошку, а грозные орудия и машины – лишь миниатюрные игрушки, не представляющие никакой угрозы для окружающего мира.

– У-у-у! – неожиданно зауукал Серёжка Петров. Поставив солдатиков на палас согласно боевому расчёту и освободив на время одну из рук, пацан вынул из кармана брюк голубой самолётик. По виду было не разобрать, то ли летающая машина была истребителем, то ли бомбардировщиком. Но, в принципе, разницы особой и не было – как представит себе ребятня, таково и будет назначение воздушного судна. Поводив рукой по воздуху, Серёга совершил контрольный разведывательный полёт над бастионами Витьки.

В комнате запахло жареным. Час икс боевого столкновения сил противоборствующих сторон неукоснительно приближался. Ещё чуть-чуть – и полетят снаряды, засвистят пули, разлетятся в разные стороны детальки «Лего»...

Но в этот момент дверь в детскую неожиданно открылась. В комнату вошла бабушка Серёжки Петрова.

– Мальчики, пора обедать, – строго сказала она, вытирая при этом посудным полотенцем собранные в охапку несколько ложек и вилок, – чай зголодніли вже, – продолжила женщина уже на другом, очень похожем языке.

– Бабушка, бабушка, ещё минутку!.. – взмолился внук. Тень серьёзности и напряжения моментально слетела с лиц воинов, ещё мгновение назад готовых растерзать друг друга. Две пары просящих глаз с надеждой посмотрели снизу вверх на нечто гораздо большее, неподвластное им.

Даст ли бабушка игрокам немного времени, чтобы остаться в мире детских иллюзий, сладостно обволакивающих их тела, или всё закончится на самой высокой кульминационной точке, извергающей человеческие страсти?

– Еда остынет, марш за стол! – сказала женщина, как отрезала. Затем, несколько смягчившись, ласково продолжила: – Потім дограєте.

Витька и Серёга поняли, что запах, принятый ими недавно за дух войны, на самом деле проникал из кухни. Он исходил от ароматного украинского борща с пампушками и русской жареной картошки с котлетами. Друзья решили, что ба-

бушку не уговорить, отряхнулись и, понуро опустив головы, побрели за стол.

– И руки помойте! Иш, вояки! – вслед им грозно прикрикнула пожилая женщина, приехавшая ненадолго погостить из Одессы в Москву, к дочке с внуком.

Уже через минуту Серёга и Витька с аппетитом, неприлично чавкая, за обе щёки поедали приготовленные бабушкой вкусности.

А что же солнечный луч?.. Солнечный луч, до этого пронзавший пространство с закрытыми глазами, смог наконец их открыть. Но белоснежная скатерть, расстеленная на столе, отразила поток электромагнитных волн, непонятным образом искривив пространство вокруг. Свет так и не смог разобратъ, была ли это на самом деле весёлая игра ребятишек или тьма поглотила детскую комнату, взаправду превратив её в поле битвы. А слова бабушки были голосом Бога, пытающего образумить воюющие стороны...

Огонь эмоций

Сжимаясь внутренне до точки,
Почти исчезнув в свете дня,
Себя не слыша в оболочке,

Я закрываюсь от огня.

Пылай, гори, огонь эмоций,
Сжигая всё и вся вокруг,
И, раздавая стопку лоций,
Подсаживай людей на крюк.

Ты красный дьявол, разрушитель,
В мозгу живёшь простых людей.
И однозначный искуситель
В пространстве собственных страстей.

Но я не раб. Отвергнув пламя,
Я быть желаю жгучим льдом.
Подняв затоптанное знамя,
Я страстно в бой вступлю с врагом.

Но, победив его в угаре,
Проснусь от затяжного сна.
Пойму я, что, живя в кошмаре,
Наш мир не может без огня.

Циник

*Для того чтобы понять большое,
Нужно считать и пересчитывать малое.
Но однажды одно-единственное малое
Может стать настолько большим,
Что дальнейшие вычисления теряют всякий
смысл...*

Я научился от инопланетян, однажды ночью похитивших меня, до мозга костей быть циником. Немного тупым, в меру глуховатым и даже до особой степени чёрствым, не пропускающим эмоции без предъявления соответствующего пропуска Ликинского автобусного завода к своей мягкой сердобольной душе.

Зелёные человечки мне популярно разъяснили, что она

у меня одна, другой по складской накладной в ближайшие тысячи лет выписано не будет. А раз так, то душу, соответственно инструкции по эксплуатации, нужно холить и беречь как зеницу ока. Она мне пригодится ещё в этой жизни. Да и в той, когда я улечу на их тарелочке на планету Проксима Центавра, откуда изначально был родом. С названием планеты, возможно, я что-то путаю, сказано было – глуховат. Да и дату отправки они мне сообщили, но она почему-то вылетела из моей головы, как та неразумная пташка, суетливо скачущая с ветки на ветку.

Хотя, надо сказать, чёрненький потёртый саквояж для путешествия я уже давно предусмотрительно приготовил. Он и сейчас ожидает меня в коридоре, прямо перед входной дверью.

Эта дверь, понятное дело, является и выходом в чёрный космос, где каждый из нас, согласно разрядке свыше, когда-нибудь растворится. Зашёл, пожил маленько в квартире и вышел. Просто, ясно, разумно.

– Только где расписаться, что я тут был? – спросил я у большеголовых пришельцев.

– Ну, оставь свой автограф на стене: «Здесь был Вася». Число, месяц и год. Так делают многие. А если считаешь, что это пахнет банальщиной, и все, кто так намеревается оставить след в истории, – люди, лишённые фантазии, и тебе хочется сделать по-другому, то придётся перед исчезновением попотеть. Расчехлить своё воображение и как са-

дануть им по тому месту, что будет поблизости!

Так, по-отечески советуя, инопланетяне провожали меня из своего корабля. А перед самым прощанием главный из них подарил мне деревянные счёты. Видимо, те самые, которые были у Афанасии Никитичны – бухгалтера с нашего завода. Они лежали у неё в качестве экспоната на шкафу, сплошь забитому пыльными папками. Мебельный старожил из тридцатых годов прошлого века стоял у бухгалтерши в кабинете в дальнем углу и немного покачивался от сквозняка.

– Вы из какого цеха, Василий? – спрашивала она, когда к ней приходил очередной посетитель, недовольный начисленной ему зарплатой.

– Я не Василий, меня звать Пётр! – с нотками обиды отвечал ей мужчина.

– Пусть будет так, Вы только не волнуйтесь, – говорила бухгалтерша, доставая старые потёртые счёты, – вы, Василий, седьмого числа на Благовещение Пресвятой Богородицы не вышли на работу.

Щёлк, и одна косточка, с криком ненароком разбуженной совы, перемещалась в левую сторону.

– А на схождение Благодатного огня 23-го пришли изрядно выпившим и вас отпустили домой, – поправляя очки на переносице, Афанасия Никитична передвигала очередную косточку по железной, немного вогнутой спице.

– Понятное дело, вы очень переживали, сойдёт ли огонь с небес или на Землю спустятся полчища Сатаны...

С каждым щелчком посетитель всё ниже опускал голову. И когда его потупленные очи уже разглядывали предательски развязавшийся шнурок, Пётр, а по совместительству Василий, смущаясь, вздыхал, а женщина, знающая все церковные праздники, выносила приговор. Клиент соглашался и понуро уходил восвояси.

Именно эти счёты и были выданы мне инопланетянами в качестве основного инструмента циника. Никитичне они стали уже не нужны по случаю достижения ею к тому времени пенсионного возраста и ухода на заслуженный отдых. Забота о внуках уже бывшей бухгалтерше представлялась куда более важной задачей, чем копошение в цифрах.

А я, сидя за письменным столом и расположив счёты прямо перед собой, долгими зимними вечерами, плавно переходящими в весенние и летние, пытался свести кредит и дебет окружающей жизни. Частенько, чтобы немного понять нелогичность поступков людей и решить, куда передвигать косточки на счётах – в плюс или в минус, я оборачивался к окну, чтобы там найти ответы на интересующие меня вопросы. Молчаливый стеклопакет с каким-то закачанным внутрь газом, чувствуя к себе внимание, напускал между стёклами важность. Он, разукрашивая кристаллики, выстраивал их в замысловатый выразительный пазл.

Тогда я видел корабль, собирающийся в далёкое кругосветное путешествие за правдой, и толпы людей, размахивающих флагами, поющих разудалую песню: «Боже, храни ка-

питана...»

И почти сразу в окне появлялись усталые лошади, тянущие за собой в глубокой ночи скрипучие телеги, перевозящие что-то непонятное. Из груза, накрытого брезентом, виднеется детская ручка, раскачивающаяся в такт движению повозки.

Чтобы отвлечься от ужасной картины, я разворачивался к столу и вдруг осознавал, что округлые деревянные кости на счётах превращаются в косточки людей, которые беспомощно повисли на железных прутьях истории. И как их не передвигай: слева направо или справа налево, скорбный бухгалтерский итог будет один...

В этот момент одежда, сшитая из ткани цинизма, начинала щипаться и колоться. Я понимал, что мне не удастся вытравить из себя непредвзятость и отрешённость. Человеческое не так просто скомкать, как ненужную бумажку, а затем выбросить в мусорное ведро, забыв, что было написано на ней твоими предками.

– Ха-ха-ха! – где-то в правом ухе раздался хохот Диогена, залезающего, кряхтя, в свою большую бочку из-под вина...

Я обернулся. За спиной никого не было, только возвышалась каменная стена, на которой бурой краской, похожей на запёкшуюся кровь, было написано «Здесь был Вася»...

Сегодня холодно, январь...

Сегодня холодно, январь.
И Дед Морозы скачут где-то,
А мне себя совсем не жаль,

Что за окном моим не лето.

Сегодня холодно, январь.
И Дед Морозы скачут где-то,
А мне себя совсем не жаль,
Что за окном моим не лето.

Что лето, лето, ведь душа
Внутри себя хозяйка года,
И расцветает черемша,
И раскрывается природа.

А света луч, влетев в окно,
Пронзает хмурость и тревогу.
Он с счастьем ярким заодно,
Он разгоняет непогоду.

Колючий ветер перемен,
Мне не испортит настроенье.
Я словно в бочке Диоген,
Я пью из кружки вдохновенье.

Двор-колодец

*История не любит сослагательного наклонения.
Но всё наверняка могло бы пойти по-другому,
Если бы кто-то не слишком ловкий
Не наступил на злосчастную бабочку.*

– Толян, Толян! – во всю глотку кричал Яшка, глядя вверх и стоя в самом центре одесского двора-колодца, дома которого, нахмурившись и прижавшись друг к другу плечами, стояли чётко по кругу. Они, с укором смотря на чумазого мальчишку в пыльных брюках, прямо-таки напоминали старых евреев-соседей: дядюшек Мойшу, Натана Израилевича, Гершеля и Шлёму, проживающих аккурат на первых этажах

в крошечных квартирах. Их жилища были настолько малы, что нужно было обладать богатой фантазией, чтобы представить, что кто-то в них вообще может жить. Но ничем не прикрытый дух уюта, сочившийся из входных дверей, в корне убеждал сомневающихся граждан в обратном.

Можно, очень даже можно! Тем более, что четверо мужчин уже давно похоронили своих жён и доживали свой век одни, скромно, тихо, что называется, по-холостяцки. А много ли надо старикам? Минимум шума, максимум пыли...

Но куда там! Сегодня вынос мозга криками Яшки происходил в самый что ни на есть разгар дня, в два часа пополудни. Именно тогда, когда черноморское солнце, совсем распоясавшись, бесщадно палило по одесским задворкам, каким-то странным образом пролезая в них лучами через тенистые арки.

Даже знаменитый Дюк де Ришелье – основатель Одессы – в этот момент, плюнув на приличия, соорудил из газеты «Черноморский вестник» пилотку и напялил её на голову, чем потешал гуляющих по бульвару прохожих. Они спускались вниз по Потёмкинской лестнице и даже оттуда, снизу, видели, как серебрятся капли пота на бронзовой статуе.

Полногрудая тётя Циля уже угостила старичков форшмаком, и они мирно подрёмывали, сидя на ужасно скрипучих стульях в своих лилипутских палисадниках.

– Толян, Толян, выходи! – пацан перешёл на звонкий надрыв, чем напугал голубей, доклёвывавших остатки упавших

крошек. Воркуны взлетели на полметра, но, убедившись, что опасности поблизости нет, приземлились обратно, ища поглядывая на беспокойный источник шума. Грациозные птицы были похожи на докторов в белоснежных халатиках, которые с интересом оценивали, порвутся ли связки у крикуна, словно перетянутые гитарные струны, или он, наконец, замолчит, перестав испытывать судьбу.

– И что мы так здесь вопим? – первым вышел из дрёмы Натан Израилевич.

– Поц просто думает, что у нас перепонки резиновые, – раздраженно выдавил из себя Гершель, даже на щёлочку не удосужившись приоткрыть глаза.

– У меня форшмак от испуга просится наружу, – заёрзал на стуле Шлёма.

– Фу, друзья, вы молодого человека совсем сконфузили, – добавил сладкую пилюлю в разговор дядюшка Мойша.

Яшка наконец обернулся на стариков, почувствовав моральную поддержку от последнего. Соорудив на лице что-то вроде молчаливого извинения, он опять посмотрел наверх в надежде всё же увидеть в окне третьего этажа бритую голову своего друга Толика Скворцова.

Поняв, что крики по имени полностью исчерпали предоставленный им лимит доверия, Яшка перешёл на кличку друга.

– Скворец, Скворец!

Но и здесь мальчишку ждало разочарование, долгождан-

ная голова не хотела возникать ни в какую. Решив прибегнуть к последнему способу зова, который работал во всех случаях безотказно, он взял в руки потёртый кожаный мяч и изо всех сил начал бросать его на распаренный мягкий асфальт.

– Мальчик, если бы я захотел смотреть футбол, я таки пошёл бы на стадион, – с игривой интонацией произнёс Натан.

– Шо, поц, тебе лень подняться и постучаться в дверь, как делают все приличные люди? – продолжал раздражаться Гершель, ещё пребывая в темноте и, видимо, планируя всё же доспать положенный часик после обеда.

Наконец-то Толик Скворцов, как чёрт из табакерки, показался в окне своей квартиры.

– Яшка, чего кричишь, я сейчас доем и выйду, – прошипел сверху пацан, стараясь не увеличивать уровень шума во дворе. Паренёк смахнул рукавом остатки крошки, и его голова опять скрылась с своим скворечнике.

Довольный Яшка посмотрел на старых евреев глазами, полными любви.

– Извиняюсь, дядьку, – в последний раз выплеснув поток молодецкой энергии на старичков, он радостно подпрыгнул на месте, развернувшись на сто восемьдесят градусов.

Не прекращая стучать мячом о землю, мальчишка вприпрыжку поскакал на ближайший заброшенный пустырь, служивший для всей местной ребятни импровизированным футбольным полем. Там, между двумя вертикально стояв-

шими кирпичами-воротами, ждала друзей красавица Клара Розенфельд.

Девчушка с распущенными каштановыми волосами и настолько тонкими чертами лица, что об них можно было ненароком порезаться, жутко нравилась обоим мальчишкам. Частенько, играя в мяч, они любили выкаблучиваться перед единственной и самой важной в их жизни болельщицей. Ребята показывали перед ней свою ловкость в укрощении «маленькой кожаной планеты», накачанной мирным одесским воздухом восьмидесятых годов...

Пройдут годы, пролетят, словно непоседы-голуби, десятилетия. Красотка Клара уедет за границу, так и не выбрав между двумя её почитателями спутника жизни. А Яшка и Толик, сидя на замысловатых, таких, с первого взгляда, бессмысленных, а со второго – ужасных – конструкциях из стали, выкрашенных в тёмно-зеленый цвет, будут напевать до боли знакомую песню.

«Почему всё не так? Вроде всё как всегда: то же небо – опять голубое...» – будет чеканить слова майор Скворцов, поправляя бело-сине-красный лацкан.

«Тот же лес, тот же воздух и та же вода...» – продолжит старшина Яшка-футболист, перебирая струны желтоватой с синими отливами гитары.

И соревноваться в талантах друг с другом уже взрослые мужчины будут не на одесском пустыре, где клубы песка взлетали каждый раз после ударов по воротам и оседали тол-

стым слоем на разодранных штанинах. А на настоящем и безжалостном поле боя.

– Шо, доигрались? – слышится голос дедушки Шлёмы, бывшего гвардии лейтенанта, воевавшего на Первом Украинском фронте в далёком сорок пятом. Голос приглушённый, спокойный, наполненный космической мудростью. Так можно говорить только оттуда, откуда наш мир наверняка кажется игрушечным, очень похожим на двор-колодец из далёкого детства.

**Молясь однажды,
погрузившись в свет...**

Молясь однажды, погрузившись в свет,

Увидел я, в углу как воздух сжался.
И, наполняясь смыслом, силуэт
Из Нави в Явь воочию рождался.

Детали внешности он отвергал
И семицветьем не тревожил личность.
Он утешенья в плоскости искал,
Храня в себе скупую символичность.

Цинично пряча в простоте секрет,
Лишь намекая на полёт фантазий,
На белом фоне чёрный силуэт
Никак не мог нащупать с миром связи.

Разорванностью в сладость упоясь,
Условность ставя впереди телеги,
Он вёз арбу печали, норовясь
Достичь идей от Альфы до Омеги.

Но час пробил, и пелена сползла,
Настал и мой черёд постичь фатальность.
Присев на край печального крыла,
Решил я сбросить всю свою сакральность...

Я окунул в таинственность сюжет,
Читатели мои, не зубоскальте.
Возникший в ореоле силуэт
Моей был тенью на седом асфальте.

«Михаил Сотников»

Лица, лица, лица...

Уходящие от нас.

*И Бог, подаривший человеку память,
возвращающую их обратно.*

** * **

*Посвящается морякам, служившим на
гидрографическом судне «Михаил Сотников».*

В полудрёме погрузив днище и винты в воду, гидрографическое судно «Михаил Сотников» отдыхало у причала военно-морской базы Каспийской военной флотилии. Дислоцированный на Апшеронском полуострове в городе Баку, флот защищал южные морские рубежи Союза – государства, в котором даже такие небольшие суда, как «Сотников», были пронизаны идеями высшего порядка. И это было в то время

настолько само собой разумеющимся состоянием, что превращалось в обыденность. Люди и окружающие их корабли, самолёты, заводы и фабрики, незримо наделённые разумной сущностью, знали, для чего они существуют, чего хотят и что будут делать завтра. И это было ни хорошо и ни плохо, это просто было...

Поэтому, не вдаваясь в глубокие рассуждения о правильности мироустройства, «Михаил Сотников», закрыв глаза, мирно посапывал во сне. Небольшие волны, накатывающиеся на корпус корабля, еле заметно качали его, словно ребёнок в люльке. Море возле причала было сплошь покрыто переливающимися коричнево-синими пятнами мазута. Они вальяжно, словно прогулочные лодки, то подплывали, то отплывали от борта судна, распространяя специфический запах. Но «Сотникова» это не особенно беспокоило, он привык осознать «ароматы» Каспия. Они ему даже в какой-то степени нравились...

Переведённый много лет назад из далёкой Польши на Кавказ, корабль никак не мог насладиться южным солнцем, щедро делящимся теплом с окружающим миром. По странному стечению обстоятельств, когда он только сходил с верфей Гданьска, его называли «Юг». Видимо, сам Господь Бог, зная наперёд судьбу странника морей, то ли в шутку, то ли всерьёз нарёк его по-простому.

Во сне корабль видел, как проплывают в розовой дымке картинки: высокий шпиль городской ратуши, выполнен-

ной в готическом стиле, средневековые красные и жёлтые дома с полукруглыми крышами, изящный аббатский дворец с огромным прудом, Оливский собор с доносящейся органной музыкой. Величавая мелодия спускалась на Землю откуда-то сверху, освящая её своими божественными проникновенными вибрациями. На самой высокой ноте, когда мурашки по железному телу пронеслись, словно рыцари Тевтонского ордена на конях вороной масти, «Сотников» приоткрыл глаза.

Возвратившись в знойный Баку, он улыбнулся. Перед глазами моментально возникли широкие просторные проспекты, старая крепость с серыми стенами и загадочная Девичья башня, возвышающаяся прямо возле бульвара. Балтийское дождливое детство было далеко. И «Сотников», глубоко выдохнув, уютно прижавшись к пристани, продолжил сладкий сон. Последующие грёзы отражали происходящее уже в Союзе, когда высшее начальство решило, что как-то неприлично такому солидному судну иметь имя, состоящее всего лишь из двух букв.

Ему дали новое – «Михаил Сотников». В честь Героя Советского Союза, гидрографа Каспия, старшины второй статьи Сотникова Михаила Трифионовича, геройски погибшего в сорок пятом году. Жена командира полуглиссера с пронзающим номером 111 не так давно посещала судно, названное в честь её мужа. На этом моменте кадры сна корабля начали путаться и обрываться. Он окончательно проснулся...

В это время солнечные лучи беспардонно нагревали его вытянутый корпус, проникая в самые потаённые места. «Им можно», – подумал про себя «Сотников», не боясь снизить свою секретность. Гидрографический трудяга был задействован для исследовательских нужд, а также участвовал в военных действиях в качестве боевой единицы. Вот и сейчас корабль ожидал начала морских учений, которые всё откладывались. «Сотникову» не терпелось вонзить задранный нос в самое сердце Каспийского моря и с честью выполнить поставленную перед ним боевую задачу. «Как же без меня? Без меня никак. Кто же будет ставить буи, прокладывать фарватеры, собирать сведения для корректировки морских карт, помогающих безопасному передвижению судов?» «Сотников» немного перевозбуждённо встрепенулся, но, вспомнив, что всё это будет завтра, опять улёгся на мягкие волны отдыхать и набираться сил.

На корабле из экипажа осталась только небольшая дежурная команда. Даже командир, капитан-лейтенант Виталий Айриян, сошёл на берег. Сквозь тишину, обласкивающую корабль, был слышен оживлённый разговор двоих людей, доносившийся из каюты радиста. Это был сам начальник радиостанции Юрий Крикун и я, семнадцатилетний пацан, его шурин. Юра взял меня на экскурсию, чтобы я воочию увидел морские военные учения. Мы решили не возвращаться на ночь домой, как сделала большая часть экипажа, а переночевать на корабле.

А что принято делать в приятной мужской компании, особенно когда ветерок с моря весело влетает в каюту через открытый иллюминатор? Рядом слышны крики чаек, летающих в поисках добычи, и всё приправляется плеском игристых волн. Конечно, тогда на сцену под бурные аплодисменты публики должны выходить армянский коньяк, бутерброды с докторской колбасой, два красных сладких азербайджанских помидора, грузинское «Боржоми» и плитка шоколада. Вся эта царская пища красочно легла на маленький пластиковый стол в уютной каюте. Разговор шёл обо всём, и неважно, на какую тему конкретно велись дискуссии и рассуждения. Главное, что нам было интересно и комфортно.

Иногда беседа прерывалась голосом Высоцкого, который вырывался наружу из кассетного магнитофона. Разрывая воздух вокруг в клочья, Владимир Семёнович, любимый нами бард, в песнях по-своему склеивал оборванные лоскутки. Через его стихи мы видели мир, в котором жили, несколько иным. Увешанный красными флажками, отчасти карикатурный, он был насыщен хриплым голосом поэта. Казалось, слова из его песен подхватывали пузырьки из открытой бутылки «Боржоми» и поднимали их стремительно вверх. И там, у самого горлышка, воздушные бусинки с шипением лопаются, как лопнет через пять лет Союз, разнося судьбы людей в разные стороны...

Юра из рубки радиста пересядет на трактор и будет бороздить не море, а кубанскую степь. Я по окончании инсти-

туда не стану инженером, пойдя по отцовской колее, а превращусь в обычного бизнесмена. «Михаил Сотников» снимет флаг морских сил СССР с большой алой звездой и поднимет стяг с пересекающимися синими линиями на белом фоне. Стол в каюте с кавказскими яствами, напоминающий фонтан дружбы народов на ВДНХ, превратится в поле конфликтов. Золотые статуи сойдут с овальной чаши фонтана, оставив стоять на ней свои жалкие фантомы.

Так закончится эпоха, длившаяся семьдесят лет. И будет казаться, что только для «Михаила Сотникова» ничего не поменялось. Останется то же голубое небо, то же солнце будет светить над головой, то же море будет плескаться за его бортом. Изменится только порт приписки: Баку на Астрахань. Но это лишь будет ему казаться. На самом деле Время, словно гигантская акула, заглотит корабль и перемелет в своих жерновах. В девяносто восьмом году корабль «Михаил Сотников» спишут и разрежут на металлолом. Так закончится славная служба гидрографического судна. И только круглые морские часы с корабля, подаренные Юре командиром Айрияном, будут жить и перебирать время, словно отсчитывать косточки на чётках.

Пройдёт немного лет, и разудалый кубанский казак, вскочив на коня, взмахнёт на прощанье шашкой и тоже навсегда ускачет в рассветную степь. В ту степь, заросшую полынью, с пробивающимися по весне фиалками, откуда возврата нет. Преодолев её, чтобы не скучать, под песни Высоцко-

го, Розенбаума и Боки, он окажется на родном Каспии. Видимо, вконец устав от сухопутной жизни, начальник радиостанции гидрографического судна «Михаил Сотников» направится в свою радиорубку принимать и отправлять радиogramмы в вечность.

Рано или поздно и мы вслед за ним побредём на свои посты, отведённые Богом. Но пока идут те командирские часы, наши души будут развеиваться, как флаги на тёплом бакинском ветру. И неважно, кто и где сейчас находится – на корабле или пока ожидает своего часа на суше...

Каспий гневался...

Каспий гневался, темнел,
Подчиняясь воле ветра.
Он в глаза мои смотрел

Через сотни километров.

Взгляд его – немой вопрос:
«Не соскучился, братишка?»
Погружал он в море грёз,
Где я был ещё мальчишкой.

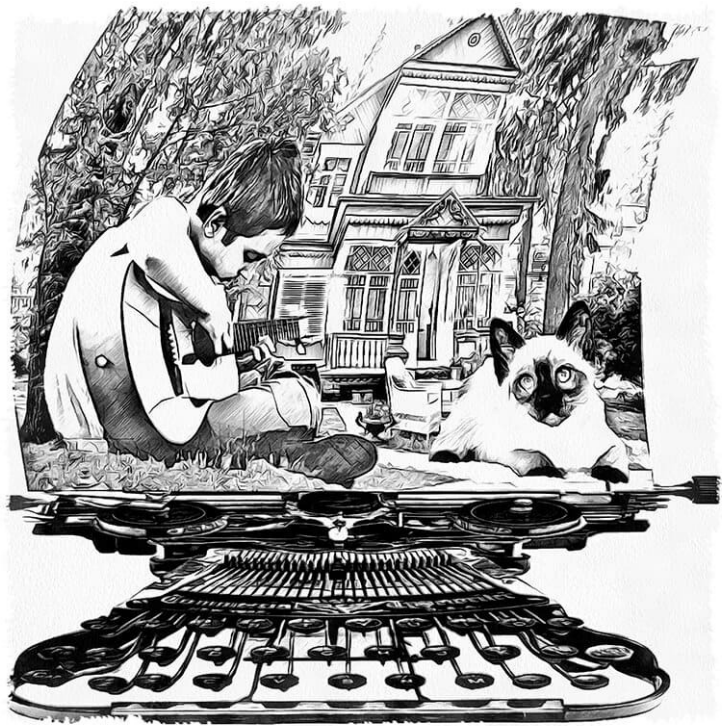
Когда Каспий был родным,
Тёплым, нежным моим морем.
Он ещё не стал чужим
И иссохнувшим от горя.

Он ещё не потерял
Сотни тысяч своих братьев.
Он ещё не провожал
И не слышал вслед проклятий.

Сколько лет прошло с тех пор?
Сколько слёз пролито нами?
А Каспийский наш ковёр
Всё стоит перед глазами.

Печатная машинка

*Человек ниоткуда не уходит.
Везде, где был, он оставляет часть себя.
Ибо его сущность не познана
И природа его неизвестна.*

На чердаке старого дома, в самом дальнем углу, в пожелтевшей от времени и сырости коробке лежал потрескавшийся чемодан странной формы. С одной стороны, его крышка, изогнутая буквой «Л», указывала, что в чемодане хранилось что-то очень специальное. Но судя по тому, что он располагался среди заброшенных вещей, содержимое жителя коробки в двадцать первом веке оказалось никому не нужным.

Цвет чемодана невозможно было угадать. То ли он был от рождения чёрным, то ли грязь настолько въелась в кожаные бока, что навсегда изменила его расцветку. Даже потёртая ручка, грустно повисшая на проржавевших петлях, указывала, что она уже несколько десятилетий не ощущала теплоты человеческих ладоней.

Жалость... Жалость – единственное чувство, которое мог вызвать этот дряхлый дед. Чемодан через приоткрытый верх коробки с безнадёгой смотрел в огромную дырищу в крыше, видя там неполную луну. Недоразвитость ночного светила у обитателя картонного гроба вызывала ещё большую тоску о навсегда ушедшем прошлом, одетом в яркий многоцветный карнавальный костюм. Вобрав в свои чемоданы лёгкие побольше свежего воздуха, проникающего на чердак из множества щелей, он что есть силы выдохнул, сдунув с себя приличный слой пыли.

Постоянный гость дома – Ветер – хотя и вносил некоторое разнообразие в существование таких же, как чемодан, забытых предметов, раскиданных повсюду в доме, но добавить молодую энергию в их жизнь он был не в состоянии. Да и громким словом «жизнь» период доживания этой никому не нужной рухляди назвать не поворачивался язык. В скором времени новые хозяева должны были снести дом, а старьё сжечь или отвезти на свалку.

«Скрип-скрип», – скрипели прогнившие доски. «Бац-бац», – стучала форточка в окне от порывов Ветерка. «Щёлк-

щёлк», – вдруг начал раздаваться необычный звук. Живой-преживой звук, не похожий ни на один другой шум в заброшенном жилище. Будто кто-то заново завёл сердце у умирающего дома.

Цепляясь за невидимую нить, поселившееся в доме Привидение медленно поплыло на раздающиеся монотонные щелчки, увеличивая донельзя размеры своего прозрачного уха. Оно поселилось в доме недавно и никому не мешало, не пугало, не причиняло вреда. Потому что и пугать-то в этом пустом жилище было некого. Претензий к своему неправо- вому заселению оно не принимало, поскольку ни в каком до- кументе не расписывалось.

Привидение пошло на звук чисто из распирающего его любопытства. Лестница – чердак – коробка – чемодан... Именно из последнего раздавались эти непонятные звуки. Сущность не от мира сего решила открыть крышку чемодана... Лунный свет, до этого спокойно расползающийся по всей территории дома, увеличил свою яркость, пытаясь по- ближе рассмотреть содержимое кожаного хранилища...

О, боги! Там была обычная механическая печатная машинка, которая, заправив самостоятельно чистый лист бума- ги в круглый барабан, пришла в действие. Белые буквы на чёрных круглых клавишах прижались друг к другу от стра- ха. С трудом балансируя на длинных металлических ножках, они вдавливались в корпус машинки, словно следуя задан- ному кем-то правилу. «Щёлк-щёлк», – бросая стройные ря-

ды своих собратьев, железные букочки ныряли в месиво суровой механики и, ударив своим штампиком по бумаге через печатную ленту, возвращались обратно.

На чистом белоснежном поле, состоящем из древесных волокон, они оставляли свои чернильные отпечатки. Отпечатки, которые, отделившись от родителей, сначала вели себя по-скромному. Но буква за буквой они создавали слова, а затем и предложения. Достигнув размера абзацев, из-заказалось бы, разрозненной кашицы текста начали выскакивать давно забытые домом эмоции. Стучаясь о грязный пол, они подпрыгивали, словно мячики для пинг-понга, ударяясь друг о друга, закатываясь в тёмные углы. Разрывая десятилетнюю паутину на чердаке, эмоции начали мерцать изнутри, наполняя светом весь дом. Привидение, до этого обладающее аморфной сущностью, поплотнело и материализовалось. Звонящая Тишина постепенно переставала быть единственной хозяйкой в заброшенном жилище. Послышались закатыстый детский смех, весёлый лай собаки, голоса взрослых и бречание гитары.

– Найда, Найда! Перестань лаять на Маиса, – строго произнесла женщина, нёсшая с огорода большое ведёрко со свежесобранной клубникой. Сочные мясистые ягоды насыщенного розового цвета так и просились в рот. Это и произошло. Хозяйка, перед тем как раздать лакомство домочадцам, пересыпала его в тарелки, припорошила сладкими кристалликами белоснежного сахара и обильно залила ароматной сме-

таной.

Только что забежавший с улицы сиамский кот Маис, с торчащим в небо хвостиком в виде знака Зорро, тоже не был обделён на этом празднике натурального кишкоблудия. Его лоснящаяся гладкая шёрстка оттенка небесно-голубого бриллианта начала от удовольствия игриво переливаться в лучах покровского солнца, заглянувшего на кухню дома.

На деревенской скамейке возле открытого настежь окна расположилось Привидение, очень похожее на хозяина дома. Оно преобразилось в молодого парня, который, прижав к груди гитару, взялся за подбор несложных аккордов к недавно написанной песне. Песне, поднимающейся вверх на чердак дома по железной лестнице, ступенька за ступенькой. Там, найдя старую печатную машинку и потеснив немного буквы и слова, Песня улеглась спать на чистый лист бумаги, зажатый в барабане.

Привидение вздрогнуло, поняв, что оно излишне задержалось в материальном мире, и быстро растворилось, исчезнув в капельках предрассветной росы. С его уходом исчезли и жильцы дома, и многочисленные домашние питомцы, и лучики света, спрятавшиеся за хмурыми облаками.

В скором времени старый дом был разрушен, и на его месте построили большой современный коттедж. И только изредка новым хозяевам слышались по ночам странные звуки, напоминающие щёлканье клавиш печатной машинки. Видимо, она, даже находясь за гранью сущего, ни за что не хотела

отпускать время своей молодости и всё печатала и печатала
этот рассказ...

Прости меня...

Прости меня, что в этот страшный день
Я побоялся быть с тобою рядом.
И чувствовать спиною твою тень,

Которая меня пронзала взглядом.

Прости меня, что не держал руки
И теплотой с тобою не делился.
Я где-то выл от горя и тоски,
Глотая слёзы, о тебе молился.

Прости меня, что был так далеко,
Нас разделяли города и веси.
Швырял свою я душу высоко,
Она с твоей прощалась в поднебесье.

И там, где отпускаются грехи,
Гуляли мы с тобою вместе, мама.
Читала мне ты грустные стихи,
Присев устало на ступеньку храма.

А Каспий нежно омывал тот храм,
И солнце освещало его формы.
За гранью ты стремилась к берегам,
В надежде, чтоб не доставали шторы.

Но час прощания с тобой пришёл,
И души отделились друг от друга.
Поникнув головой, я вниз пошёл,
И заиграла горестная вьюга.

Подкравшись, к горлу подступил комок.
Сказала напоследок ты впервые:

«Я буду тутa ждать тебя, сынок,
Когда ты завершишь дела земные».

Матрица

Бойся верующих и отвергающих всё, что идет против их веры.

Иди к сомневающимся, ибо я спрятал зерно истины в них.

И через них я разговариваю с тобой, внося живительный сумбур в твоё сознание.

Приложение по вызову такси, принадлежащее известной поисковой системе, радостно известило через смартфон, что серая «Тойота» с запоминающимся номером 969 уже ожидает меня на пересечении улиц Садовая и Мира. Не прошло и двух минут с момента заказа, как машина, сделав невероятный разворот прямо перед моим носом и нереально выгнув колеса, встала как вкопанная. Прижавшись передом к зем-

ле и подняв немного капот, она будто бы выпячивала заднее стекло, на котором был наклеен довольно объёмный текст.

Я торопился сесть в такси и лишь скользнул взглядом по белым буквам на затемнённой выпуклой поверхности. Вчитаться не получилось. Жара на улице была настолько изнуряющей, что хотелось поскорее запрыгнуть в автомобиль и как можно быстрее очутиться дома. Осознанные мысли просто не в состоянии были задерживаться в мозгу – они испарялись, словно капли воды на разогретой чугунной сковородке.

Сознание только ухватило, что машина хотела поведать о Боге, вере и старославянских корнях. Несмотря на интересную тему, мне было не до этого, и, сказав дежурное «Здравствуйте», я запрыгнул в салон, с удовольствием утопив своё тело в тёмном кожаном сидении. Водитель, ответив мне на приветствие и вынув длинный хлыст из голенища, легонько стегнул коня по заднице. Тот помчался вперёд, бодро цокая подковами по мостовой. Так мне показалось. Солнечные лучи, следовавшие за мной по пятам, видимо, решили напоследок посмеяться над уставшим мужчиной. Преломляя свет в глазных хрусталиках, они на мгновение подменили автомобиль на лошадь, а водителя на кучера.

Но я не был в обиде на Солнце, ему тоже иногда хотелось отвлечься. Тем более скоро его всесилие должно было закончиться. Ещё немного, и белый маленький кондиционер в комнате обдаст меня приятной прохладой. В предвкушении приближающегося блаженства, чтобы скоротать время, я за-

говорил с водителем.

– Да, отдыхающих прибавилось, – эта фраза была то ли вопросом, то ли утверждением, я сам не знал. Но с неё можно без труда начать разговор. Тема, которая затрагивает загрузку таксистской братии в курортном городишке, во все времена была актуальной и сразу раскрывала сущность и настроение водителя. Кто он по характеру – разговорчивый или «бука»? Оптимист или пессимист? Что у него на душе? Поругался он с утра с женой или вышел из дома в прекрасном настроении? В зависимости от реакции, можно было или дальше молчать, или приятно провести пять-десять минут, узнавая по жизни что-то новое.

На этот раз мне попался индивид, знающий про мироздание всё. Даже то, что оно само про себя не знало. Как люди поселились на планете? Сколько было рас? Почему злодеи хотят уничтожить человечество? Евреи на самом деле не евреи, и мы все живем в матрице. Зачем большие буквы с названием города, возвышающиеся на горе, начали монтировать справа налево, а не как обычно пишется – слева направо. За короткое время поездки в моей голове начал готовиться бутерброд из солёного, сладкого, кислого и горького одновременно. Приправленное ненавистью, страхами и бредом, блюдо от шеф-повара такси никак не хотело залетать в рот. Даже моё фантазмагорическое сознание всеми руками и ногами упиралось, не желая произвести самоубийство в этот жаркий летний день.

Водитель «Тойоты» по мере рассказа словно строил уродливый замок, который одновременно расширялся в размере и чернел. Он стегал что есть мочи свой бедный автомобиль, пытаясь превратиться с ним вместе в коршуна, летающего над городом в поисках добычи. Глаза его наливались кровью, а руки потели, держа руль так, будто хотели вонзить его в неприятеля. Врагами водитель, должно быть, считал всех, кто не верил в его мир, построенный из вырванных листков книг, купленных в магазине в секции эзотерики и мистики.

Но, слава Богу, любой путь имеет начало и, в большинстве случаев, конец. Поездка подошла к завершению. Машина остановилась у моего дома. Я открыл дверь и, поблагодарив таксиста, закончил наше с ним общение философской фразой «Будем жить!». После этих многозначительных слов я вышел из машины на воздух.

Захотелось немного вдохнуть той простой обыденности, которая окружает каждого человека при жизни. Где небо – это небо, а не небосвод с сидящими на нём космическими монстрами. Море – это море, в котором нет ничего мистического. Люди – это просто люди, а не марионетки, управляемые глобальным разумом. И всё просто и понятно.

Тем временем серая «Тойота» с номером 969, развернувшись, поскакала ловить следующих жертв. В её глазах я напоследок заметил жуткую усталость. Кажется, автомобиль уже порядком достали разговоры о Всемирном заговоре и о скором конце света. Но хозяев не выбирают, и многостра-

дальней машине придется ещё долго служить чудаковатому таксисту.

«Терпения, терпения ей», – подумалось мне. Следующей мыслью было: «А может, таксист в чём-то был прав? Сомнения, опять эти чёртовы сомнения...»

Через минуту я, наконец, включил кондиционер, который должен был потоками свежего воздуха выветрить хотя бы на время все услышанные витиеватые рассуждения о мистическом.

Кто мы?

Кто мы? Песчинки в царстве хаоса и бреда.
Нас ветер с поля поднимает и несёт,
А мы цепляемся зубами за соседа.

Дай Бог, он в этом бардаке не подведёт.

Мы думаем, что в жизни есть какой-то смысл.
В восторге строим наши замки из песка,
Ища в бессмыслице хоть крошечную мысль,
Авось нас вывезет в миру на дурака.

В слегка помятом времени седом костюме,
Мы превращаемся в истории в ничто.
Замуровав себя поодиночке в трюме,
Мы в высь несёмся от земного шапито.

И сидя там, играя в домино с Всевышним,
Под стук костяшек вспоминаем о былом.
Неужто здесь, внизу, любой из нас был лишним,
Большим бесформенным никчёмным веществом?

Тот, который с Луной

*Человек бывает разным.
Такова задумка Бога.
Иногда даже сам Создатель не понимает,
Где его настоящее творение.*

Задача со множеством неизвестных. Сколько личностей живёт в одном человеке? Одна, две... пять? С разными характерами, с абсолютно уникальными желаниями, и даже тараканы в их головах отличаются по цвету и размеру. Может быть, кто-то из них сегодня умрет, а кто-то – на радость других – родится.

– Уа-уа! – закричит младенец. К нему подскочат едино-

тельные братья или сестры, или, на худой конец, одновременно и те и другие. Тараканы же у всех разные. Поди пойми, что они накуролесили в голове у человека. Самый смелый и говорливый из «Я» берёт младенца на руки.

– Ути-пуси, ути-пуси. Кто ты, ребёночек? Чего ты хочешь?

– Мне надо женщину, – отвечает басом озабоченное дитяtko. Но это ещё ничего. Понятно, гормоны играют.

А вдруг тот, кто появился на свет, потребует:

– Хочу Луну! Хочу Луну! Уа-уа! – вот когда проблема-то возникнет!

Единотельные сидели себе преспокойненько, прижавшись друг к другу. Ничем особо не различались. И на тебе! Мозг сделал кульбит с подъёмом переверотом и явил миру дурачка с сумасшедшей хотелкой. И цирк-шапито начинается...

Несбыточное желание прямо-таки вонзит кинжал в остальных. Может, и не убьёт, но в точности покалечит. Ведь «ку-ку» не приходит на один день, оно вселяется в человека навечно. Его не вытравишь дихлофосом. Там тараканище, так тараканище. Теперь придётся жить братьям вместе – все будут нормальные, а один – с Луной. Главное, чтобы не наоборот, а то психушка в точности гарантирована.

Но всё же, когда много личностей в одном человеке, – это хорошо. Не так скучно жить. То одна проявится, то другая. И человек получается не какой-то плоский, а 3D. Ему, такому, комфортно жить в трёхмерном сложном пространстве. Быть

более гибким и находить общий язык со всеми.

А истина, правда, позиция?.. Бог его знает, что есть белое, а что есть чёрное. Однозначность оценок даёт сбой и не выдерживает элементарной критики.

Поэтому не превратитесь в однобоких и односторонних. Размножайтесь – размножайтесь внутри себя. Ведь мироздание сложно и нуждается не в единой точке зрения, а в разных. Сомнения и споры лишь цементируют бассейн, в котором барахтается народ. А вода?..

Вода постепенно смывает шелуху – всё ненужное, напускное, оставив лишь чистую жидкость. Грязь всколыхнётся и постепенно осядет на дно, спрятавшись под мелкую гальку. И только когда История возьмёт сифон и тряпку и начнет мыть водоём, тогда что-то и всплывёт. Покажется на свет и уйдёт в небытие.

– Чистую воду! Нам надо чистую воду! – кричат братья, – мы окунёмся в бассейн и очистимся.

Фонтан в это время бьёт ввысь. Журчание струй успокаивает душу. Под эти звуки можно и заснуть. Заснуть многочисленным братьям, нашедшим место жительства в одном человеке. Всем – и кто нормальный, и кто с Луной в башке. Ведь Луна Луне рознь. Яркие мечты – преодолеть непреодолимое, достичь недостижимое – тоже связаны с ночной колесницей на небе. Фантазии ждут своего часа. И некоторые из них сбудутся.

Тогда собрату не от мира сего можно и поплодировать.

Он победил, он выиграл.

– Вы в меня не верили, мои единотельные? А я стал тем, память о ком останется в веках. Вы всё нудели и нудели мне под руку, мешая укротить Луну и стать героем. А сейчас, что же, радуйтесь со мной. Медали на Олимпиаде выдают всем, кто был во время достижения рекорда в команде. Я не в обиде – пользуйтесь, братья!

Звучит гимн. Флаг поднимается высоко над стадионом. По телу бегут мурашки. Наступили самые важные минуты в его жизни, память о которых не сотрётся никогда.

Очевидно, когда, неся тяжеленную косу, бедненькая скрючившаяся старушка придёт к нему, человек будет знать, зачем Бог спустил его на Землю. Пьедестал затрепещет под рекордсменом. Единичка на самой высокой тумбе ещё более выпрямится и практически превратится в восклицательный знак. И человеку станет легче... Легче уходить. Уходить туда, где играет тихая классическая музыка, где все говорят шёпотом, потому что так лучше слышно.

А что же с братьями? Братья будут им гордиться от чистого сердца, с открытой душой. Они встанут позади, поддерживая своего лидера. Такое происходит всегда, во все века. История оставляет на поверхности океана жизни только тех, кто не спасовал, бросив вызов судьбе.

Что за остальным, за обыденным? Был ли человек богатым или бедным, был хмурым или весёлым, имел дворец или лачугу – всё прах, ничего не значащий песок. Он развеется

поутру, с первыми порывами ветерка...

Но как же с решением задачки? Сколько личностей жило в этом человеке? Неизвестно. Ответ он унёс с собой в портфеле первоклассника.

Помнишь? Линейка, первый звонок... Ты стоишь в белой рубашонке такой счастливый, такой чистый. В это далёкое время в тебе наверняка находилось только одно «Я».

А сейчас? Сейчас, в пятьдесят с гаком лет, уж и не сосчитать. Главное, чтобы среди них жил тот, который с Луной.

Осень, дождик, листопад...

Осень, дождик, листопад.
Сырость, грязь, противно.
Настроение на спад.

Нету позитива.

Нет энергии в крови.
Нет в душе ромашек.
Посрывали упыри,
Даже стало страшно.

Страшно стало потому,
Что не видишь света.
Он, походу, ни к чему –
В этом часть секрета.

Осень, дождик, листопад.
Вечно так не будет.
И вернётся всё назад,
Бог нас всех рассудит.

Инно

Является ли Бог Богом только для нас одних, или ещё для кого-то?

А может быть, вера для других – это что-то чуждое и даже смешное?

Поэтому Всевышний, в знак благодарности, что мы не отвергаем его,

Оставил внутри нас душу, которая не поддаётся измерению

И является только нашей и ничьей больше...

Инопланетяне пришли за мной ночью, когда я мирно спал в постели, никого не трогая, не заводя умодробительные разговоры о смысле жизни и месте человека во Вселенной. Истошные и продолжительные крики о помощи, к сожалению, не разбудили мою жену, спящую в соседней комнате.

– Ира, Ира, а-а-а! – и так раза три подряд. Мои вопли утонули в геленджикской тишине, выплунув на поверхность

ржавые пятна страхов, почему-то пахнущие мазутом. Растекаясь по поверхности приморской черноты, кляксы множились, производя сами себя, пока не превратились в сплошной зеркальный оранжевый ковёр, от которого кроме ужаса веяло чем-то завораживающе-манящим.

Отражающая поверхность не остановилась на достигнутом, а заиграла всеми цветами радуги, будто бы незаметно подмигивая мне в ночи. Фамильярное поведение Зазеркалья обескураживало. Оно словно говорило – «Ты не бойся, дальше будет ещё интереснее».

Где-то на заднем фоне показались фигуры, похожие на человеческие, но точно не являющиеся таковыми. Они шли медленно, гуськом, шаг в шаг, не делая резких движений, почти не касаясь земли. Можно было подумать, что их связали невидимой верёвкой и долго мучительно учили так ходить, оттачивая шаг на межгалактическом плацу. «Ааать-два, ааать-два!» – прапорщик-инопланетянин во время прошлой подготовки был суров и непреклонен, не обращая внимания на мозоли зелёных солдат. Так они и шли сейчас ко мне, вымуштрованные, не оглядываясь на посторонние шумы, задумчиво опустив головы вниз.

Собака во дворе, до этого истошно лаявшая на одиноких прохожих, притихла и забила в будку. Она понимала, что с прилетевшими Инно ей не совладать. Укусы и грозные «гав-гавы» на них не действовали. Позвякивание собачьей цепью, как ладаном на цепочке, нисколечко не отпугнуло гостей.

Видимо, ещё, к тому же, Бог отстранился от происходящих событий или просто был с зеленоватыми заодно.

Инопланетяне прошли мимо псины, не задев и клочка её серой пушистой шерсти. Затем они поднялись от земли метра на три, влетели в дом через закрытое окно и для начала направились в свою комнату...

Это было то виртуальное помещение, которое возникало сразу при прилёте Инно между комнатами моей и жены. Стены неким образом раздвигались и образовывали свободное пространство, впуская временных арендаторов. Для чего им были нужны дополнительные апартаменты в нашем доме, оставалось загадкой. Неужели жилищный вопрос был актуальным в том мире, откуда они прилетели?

Перед тем, как совершить похищение, Инно нужно было посоветоваться, расставить все точки над «i», и наконец, просто проголосовать. Демократический подход к проблемам захвата людей, по-видимому, им был не чужд. Свобода слова, плюрализм мнений прокрались и в ряды наших внеземных братьев.

Но я участия в их посиделках не принимал, поэтому последствия четвёртого «Ира, Ира, а-а-а!» были такими же безрезультатными. А может, мне только казалось, что это был крик. И на самом деле я лишь открывал рот, а голосовые связки обволокла черноморская чернота, поставив глушилки на любой исходящий звук.

Оставалась последняя надежда, что мне всё это снится.

Я на ночь переел или посмотрел дурацкий фантастический фильм, а Морфей из-за этого решил выдать на бис ночные кошмары.

Но индикатор реальности происходящих событий просто зашкаливал, уже намного превысив стопроцентную отметку. Стрелка циферблата выгнулась до упора вправо и испуганно затряслась, как тряслись мои поджилки.

Инно абсолютно не обращали на меня внимания, будто я был их полной собственностью. Благополучно подхватив под мышки моё обмякшее тело, они поволокли его в свой тарелочный корабль...

Так мне показалось сначала. Но, оглянувшись, я увидел себя, преспокойненько лежащего на кровати. Даже было заметно, что у спящего проскальзывала ехидная улыбка. Тело наверняка потешалось надо мной. «Смотри, смотри, у него вместо ног забавно повисли две трусливые мысли, а руки – это эмоции. Ими он размахивает по воздуху, пытаясь взлететь, – говорило тело само с собой, – Нет, не получится, нет в нём космической силы...»

После таких предательских разговоров я окончательно понял, что мои сознание и тело – это совершенно разные субстанции, в какие-то моменты умеющие работать независимо.

Что же делать? Перед превосходящими силами противника остаётся только лишь расслабиться, как расслабляются после нескольких «рюмок чая» в кругу закадычных друзей.

С виду казалось, что допоздна засидевшиеся собутыльники тащат не в меру выпившего приятеля. Но, не обращая внимания на свой вид, я начал следовать принципу: если невозможно изменить обстоятельства, то нужно просто успокоиться и получать удовольствие от происходящего.

Было только немного обидно. Неужели Инно забирают меня на корабль для экспериментов, и я лишь подобие лабораторной мыши в руках высоколобых учёных? «Что с него взять, кроме анализов?» – наверняка думали пришельцы. Все мои терзания, поиски, любовь, наконец, – представляют интерес только лишь в качестве предмета для исследований высшей расы...

– Ну, упирааайся, сопротиивляйся, давааай! – кто-то маленький внизу, цепляясь за мою мыслимую штанину, из-за всех сил пытался остановить похищение. Покраснев от натуги, крошечное создание ни за что не хотело отдавать меня Инно, – Борись, слабак, не позволяй им себя победить!..

И случилось чудо! В какой-то момент «малой» сумел затормозить процесс похищения. Инопланетяне удивленно обернулись. Кто же мог помешать высшей расе делать своё «грязное» дело? И почему-то, увидев заступника, они, махнув руками, решили не возиться со мной. Непрошенные гости так и ушли ни с чем, оставив мой разум лежать у собачьей будки возле дома. Рядом, вытирая пот со лба, еле дыша, сидела на пенёчке моя маленькая душа...

Эпилог

Утро. Мои тело, разум и душа проснулись одновременно. Комната Инно исчезла с первыми лучами Солнца, проникшими в окно.

– Как спалось, дорогой? – я увидел жену, входящую ко мне.

– Прекрасно, любимая, – ответил я, улыбаясь, постепенно забывая ночные приключения...

Я верю умоюсь родниковой...

Я верю умоюсь родниковой,
Неверие отвергнув поутру.
И, запахнувшись молча в плащ холщовый,

Скажу, что никогда я не умру.

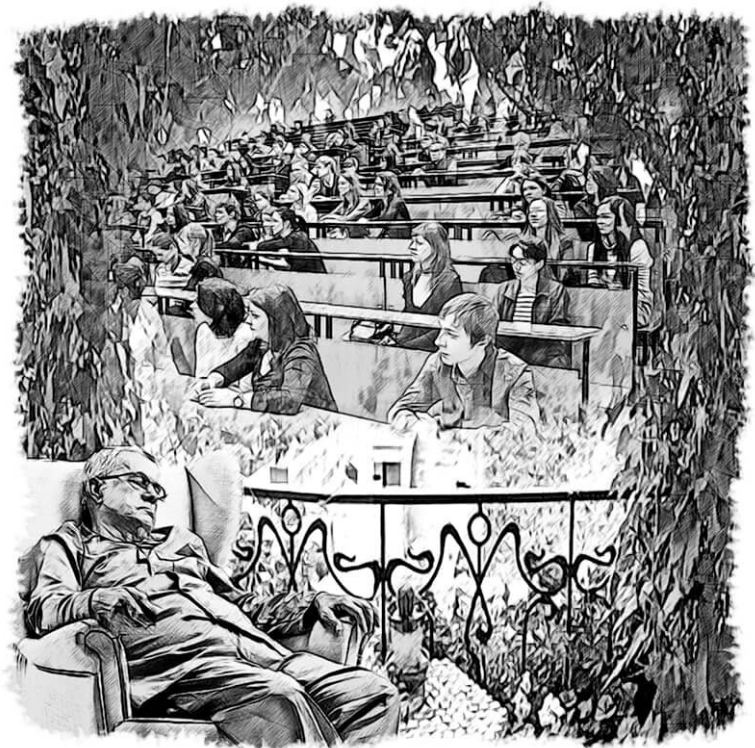
Пусть молнии сверкают надо мною,
Пусть гром грохочет гулко в небесах,
Я буду жизнью жить всегда земною
В своих золотых сверкающих мирах.

Что мне другие скажут – не услышу,
Глаза закрою, чтоб не видеть смерть.
Её я всей душою ненавижу,
Эй, расступись, незыблемая твердь!

В лучах идёт бессмертный человек,
Неся с собою вечность на плечах.
И пусть сегодня полыхают свечи
В пазухах белокаменных церквях.

Начертательная геометрия

*Каждый человек ценен для Бога.
Ибо в противном случае он не явил бы его свету.
Но ценность свою должен понять сам человек,
посмотрев на себя глазами Всевышнего.*

Раздражённость ёжиком пролезла внутрь Мамедали Керимовича, преподавателя начертательной геометрии политехнического института. Зверёк, ошетилившись, вонзил иголки в тонкую сущность учителя, что тут же сказалось на настроении пожилого человека. В свои семьдесят три года Мамедали должен был бы сейчас находиться не в аудитории, а пить из пузатых армудов чай на густо оплетённом вино-

градом балконе. Он ясно представил, как аккуратно, чтобы не обжечься, берёт двумя пальцами стеклянный миниатюрный стаканчик, изгибы которого напоминают женское тело. Подносит его к губам и, отпив немного волшебного напитка, расслабленно думает о вечном. Сладостно утонув в качающемся кресле из ротанга, в тёмном халате в клеточку, слегка небрит, в глубокой задумчивости он замечает божью коровку.

Это мелкое яркое пятнышко медленно и беззаботно ползёт по большим зелёным листьям, постепенно растворяясь в сознании преподавателя. Мамедали даже почувствовал её тонкие бархатные лапки, нежно ласкающие нейроны его головного мозга. Внезапно, расправив прозрачные крылышки, божья коровка перелетела на деревянные перила балкона с облупленной от старости синей краской. Видимо, её спугнуло второе «Я» учителя – беспокойное и суетливое. Это «Я» не желало идти на заслуженный отдых. Именно оно, по мнению Мамедали, и держало Атлантом на своих плечах всю кафедру начертательной геометрии. Да что там кафедру, – весь институт, а может быть, каким-то мистическим образом, – целый город. Но глупому насекомому не дано было понять внутреннюю борьбу преподавателя с двумя своими «Я», и оно равнодушно начало отсчитывать, сколько его крохотных шажков составит длина балкона.

Пройдя половину пути и сообразив, что перила – это идеальная взлётно-посадочная полоса, красная точка вспорхну-

ла, утягивая взгляд Мамедали за собой. Там, внизу, на улице, спешили на работу горожане, суетливо перебирая ножками по раскалённому асфальту. Город напоминал чугунную сковородку, под которой в конфорке включили на полную мощность газ и зажгли огонь. Люди подпрыгивали как ошпаренные, лихо взбирались по ступенькам в автобусы и спускались в метро. В общем, делали всё, чтобы на работе убить в зародыше предоставленное им свыше время.

Мамедали сквозь пелену раздумий услышал голос жены, Айгун-ханум: «Садись за стол, дорогой, я накрыла тебе». В его ноздри предательски проник запах долмы, залитой сметаной, и аромат любимого напитка – мацони. От всего этого можно было сойти с ума или впасть в гипнотический транс. Тело преподавателя быстро поднялось с кресла...

Но вместо стола с белоснежной скатертью и национальными яствами он увидел перед собой аудиторию института под счастливым номером триста тридцать три. Завораживающий райский сон развеялся, уступая место зелёной классной доске, студенческим партам и начертательной геометрии. «Начерталка», напыщенно раздувая щёки, стояла рядом с Мамедали Керимовичем, держа в руках огромный деревянный транспортёр.

Ещё минуту назад убаюканная мыслями раздражённость встрепенулась и опять врезалась острыми иголками в преподавателя. Несмотря на большой педагогический опыт, он уже не мог справиться с эмоциональной молодой порослью.

Студенты каждый раз с шумом вваливались в аудиторию и ещё долго не могли успокоиться. Бурлящие горные реки с визгом впадали в спокойное тихое озерко, баламутя воду и поднимая со дна песок. Им было всё равно, что нарушается то равновесие, которое создал Мамедали в своей душе. Кладя заботливо, боясь ошибиться, маленькие гирьки то на одну чашу весов, то на другую, он с трудом находил баланс между движением и покоем. Железные уточки, показывающие уровень, почти соединялись, но всё разом нарушалось под стремительным напором юношеской крови. Преподавателю, может, и хотелось, так же смеясь и шутя, быть одним из студентов, но время невозможно повернуть вспять, передвинув стрелки часов на полдесятого утра.

«Пара» начала медленно катиться по ухабистой, неасфальтированной дороге знаний со множеством глубоких ям и крутых поворотов. Повозка, в которую был впряжён длинноухий осёл, жалобно скрипела, везя на себе сорок разудалых «гавриков». Путь её был долгий и нелёгкий, наполненный линиями, проекциями и эпюрами. Множество точек, расположенных на рассекающих пространство плоскостях, с любопытством смотрели на лихих пассажиров повозки, с трудом впитывающих скрытые тайны «начерталки». Вытянутая во всю стену учительская доска разогнула исписанную мелом спину. Она пыталась изо всех оставшихся сил помочь студентам разгрызть гранит науки.

Тщетность всех прилагаемых усилий первым понял Ма-

медали Керимович. Сегодня телегу с ослом невозможно было сдвинуть с места. Её колёса ушли глубоко в поправшуюся на пути яму с грязью, которая намертво захлопнула болотистый капкан. Чаша терпения на глазах начала переполняться коричневой жижей, в какой-то момент достигшей края...

Вертя подушечками пальцев мелок, ощущая одновременно его шершавость и гладкость, Мамедали неожиданно поднял руку. Крикнув что-то непристойное по-азербайджански, он запустил белый кусочек в направлении последней парты. Именно оттуда, по его мнению, исходил наибольший шум, мешающий проводить занятие, и, несомненно, там располагалась та самая яма с грязью, мешающая повозке сдвинуться с места.

Мелок со звоном стукнулся о дальнюю стену, чуть выше голов сидящих студентов. Оставив жирную светлую закорючку на тёмно-розовой крашеной стене, он рассыпался на мелкие брызги, которые окатили пол-аудитории. Студенты инстинктивно пригнулись, вцепившись в парты. Словно пехотная рота по команде залегла в окопы, испугавшись пущенного поверху снаряда.

Гнетущая тишина нависла над полем боя. Слышно стало даже летающую зигзагами муху, похожую на неприятельский бомбардировщик. Мамедали Керимович победоносным взглядом Наполеона охватил всю аудиторию, перебирая глазами трофеи – склонившиеся головы студентов.

Неожиданно его рука почувствовала приятную теплоту,

возникшую от прикосновения другого тела. Это была с виду такая важная начертательная геометрия, превратившаяся вдруг в Елену Ивановну, простую милостивую женщину средних лет, второго преподавателя на занятии. Она ласково погладила разгневанного дедушку.

Мгновенно раздражённость, до этого плотно сидевшая внутри специалиста «начерталки», улетучилась. «Идите домой, я закончу урок», – тихо прошептала коллега ему на ухо. Внутри Мамедали будто кто-то без спроса щёлкнул выключателем, перекрыв подпитывающие потоки энергии. У него сам собой возник вопрос: «А зачем это всё? Зачем я ни свет ни заря каждый день должен, разминая старые косточки, собираться на работу? Надевать глаженую рубашку, повязывать галстук и походкой раненого гуся бежать в институт?» Второе «Я», которое постоянно стремилось на работу, призадумалось. Видимо, оно смирилось с доводами первого «Я», желающего спокойной старости... Мамедали Керимович медленным шагом вышел из аудитории под номером триста тридцать три, и больше его в институте никто не видел.

Через некоторое время на кафедре начертательной геометрии начали происходить странные вещи. Один из преподавателей ломает руку, другой ногу, на кого-то грохнется в аудитории доска, от следующего уйдёт жена. Плохие новости возникали практически каждый день. Будто бы кафедру сглазили. В институте тоже было не всё гладко – то на следу-

ющий учебный год впервые произойдет недобор студентов, то что-то где-то загорится. Да и в городе участились случаи поломки канализации и отключения света. В общем, полтергейст полез изо всех щелей. Было ли это связано с уходом с работы скромного преподавателя или явилось простым совпадением? Никто не знал. Только божья коровка, снова залетев на зелёный балкон, утопающий в листьях винограда, с умилением смотрела, как Мамедали Керимович с удовольствием доедает долму, запивая освежающим мацони...

Вечность

Я вечность разрезаю на мгновенья
И заново её пытаюсь воссоздать.
В разумности сжигая исключенья,

Намереваясь в пепле святости искать.

Огонь стирает плоскость мироздания,
Лишь оставляя в плоскости иной объём.
И оголяются во тьме создания
Следы Богов чужих в сознании моём.

И Атлантида вдруг сменяет реальность,
Стерев следы под ноль частичек естества.
Нули, несущие в себе печальность,
Уходят в минус из простого озорства...

Набаловавшись вдоволь, засыпаю,
И ноль привычно страстно набирает вес.
Поникший, в человека выпадаю,
Спустившись вниз я с тех загадочных небес.

Мыслемокот

*Странно, но люди не живут вечно.
А куда они деваются?
Иногда стоит задать себе этот вопрос.
Странно вдвойне, но мы не получим на него
ответа.
Мы вообще живем в загадочном мире,
И от этого он такой интересный...*

Я гулял по набережной, стараясь не спешить – медленно передвигая ногами и сократив до минимально возможного количество плиток, которое заглывал мой шаг. Рядом, не отставая ни на сантиметр, плелась мысль, привязавшаяся ещё возле почты и с тех пор ни за что не желающая меня покидать. Она была похожа на пушистого кота, тёмно-серая шерсть которого отливала голубизной. Волосинки налезали

на все части кошачьего тела в таком изобилии, что хотелось проверить, есть ли под ними вообще животное.

От двухкилограммового мягкого клубка периодически слышалось – «Мяу!», прямо указывающее на то, что со мной гуляет именно кот, наделённый мыслью, а не какое-то другое существо. Желая получить заряд человеческой энергии, Мыслемот кот иногда тёрся об ноги, поднимая голову вверх и смотря прямо в мои глаза, видимо, каждый раз вежливо прося разрешения на минутку нежности. Получив необходимое и подпитавшись как от электрической сети, котяра продолжал свою прогулку как ни в чем не бывало. Мы с ним никуда не торопились, поэтому рассуждать и обмусоливать мысль можно было сколь угодно долго, тем более глубина затрагиваемого вопроса была под стать обстановке.

Море, горы, солнце – окружающие меня творения Бога вступали в жуткий диссонанс с фактом физического исчезновения, которое рано или поздно настигает людей. От такого изобилия ярких и насыщенных природных красок пронзительно веяло вечностью, а я, к сожалению, понимал свою временную сущность. Возникал очевидный вопрос: «А что ждёт меня после смерти?»

– Мяу, – раздалось снизу. Кот, видимо, согласился с таким взглядом на затронутую проблему.

Выбранный когда-то из нескольких сотен миллионов сперматозоидов, я очутился в этом месте земного шара. Все мои остальные братья во время исхода погибли, чтобы приз

достался одному. Неужели всё это ради того, чтобы поест, сходить в туалет, поспать, размножиться и дальше быть в конце концов съеденным микроскопическими земляными чудовищами?

– Мяс, – Мыслемокот несколько раз мотнул головой из стороны в сторону, то ли по ходу движения делая, как я, зарядку от шейного остеохондроза, то ли показывая, что он тоже отрицает слишком очевидный низменный смысл человеческой жизни.

Если было бы всё так плоско и без выкрутасов серого вещества, циркулирующего у нас в мозгу, то Бог или природа не наделили бы нас сознанием. Сознанием, которым мы периодически препарлируем сами себя, словно хирургическим скальпелем.

– Мяс, – животное уверенно, вытянув шею как можно выше, утвердительно мотнуло головой.

Сущим удовольствием было обращаться в своих умозаключениях к коту, как к единственному всецело понимающему меня живому существу.

«Щёлк», – раздался звук из-под моей подошвы, будто кто-то передёрнул затвор автомата. Сопровождающий меня мохнатый друг от неожиданности подпрыгнул, мягко оттолкнувшись подушечками лап от мостовой. Очевидно, сейчас мы проходили под ореховым деревом, и я случайно раздавил упавший грецкий орех. Скорлупа треснула на две половинки, обнажив мясистую сердцевину, точь-в-точь напоминаю-

шую по виду человеческий мозг. Но, вместо глубоких размышлений, от увиденного стало прозаично сосать под ложечкой.

– Мяу, – кот, облизнувшись, решил не отставать от меня и попросил молока.

– Ну, где же я тебе здесь его достану? – глядя на пушистый комок шерсти, я начал искать ближайший магазин. Но вместо этого у меня внезапно появилась идея накормить его растаявшим мороженым.

– Вам какие шарики? – на меня смотрела розовощёкая, круглолицая продавщица холодной сладкой разноцветной массы.

– А сколько они стоят? – я совершенно не хотел переплачивать и покупать дорогое яство.

– Три шарика по сто, – обрадовала меня женщина в белом фартуке.

– Давайте, – согласился я, доставая из кармана помятую сотню.

«Два шарика скушаю сам, а третий дам коту», – решил я. Произведя, по моему мнению, честное разделение лакомства, я взглянул на кота.

– Несправедливо, – промяукал хвостатый. От обиды его усы из толстых пик, разлетающихся в разные стороны, превратились в жалко свисающие ниточки.

– Всё по-честному, тело надо кормить, оно нуждается в беках и углеводах, а мысль сыта бывает лишь воображением.

Скажи спасибо, что я тебе хоть один шарик даю.

– Как можно, хозяин? Вот вселишься в меня после смерти, все обиды тебе боком выйдут.

Я посмотрел на кота. Он не шутил. Мурлыка глядел на меня с такой искренностью и умилением, что у меня возникла жалость к нему. Жалость, как к самому себе.

А может, действительно, кот не врёт, и после смерти мы все превращаемся в Мыслемотов, гуляющих сами по себе? И я решил отдать ему все три шарика. Пусть порадуетса зверь.

– Мяяяу, – кот с благодарностью облизнулся и начал жадностью заглатывать мороженое. Продавщица посмотрела на меня с удивлением, не понимая, кому я скармливаю её шарики. Ведь кот был невидим для окружающих, и только я и хвостатый знали секрет нашей прогулки. Непонятно было одно: кто с кем гуляет – я с котом или он со мной?

Дольмены

Из камня плиты, как вопросы,
Давя всей тяжестью на грунт,
Ведут уж сотни лет допросы –

Кто знает к душам их маршрут?

Кто наконец раскроет тайну,
Поняв их истинную цель,
В хитросплетениях бескрайних
Пророет к Логосу туннель?

И там, во чреве мать-камня,
Прольётся серебристый свет.
А луч, немного хулиганя,
Покажет чёткий Божий след.

И тот поймёт, что эти камни –
Древнейший созданный портал,
Прямые связи с Небесами,
Переходящие в астрал.

Дольменов путь совсем неблизкий,
Они как тайный камертон,
Перед историей расписка
И скрытый смысл пред вечным сном.

Тётя Лиля

*Никто не может жить вечно.
Но Вечность – это печать, которую Бог
дозволил Смерти ставить на скрижалях
памяти,
передающихся Человеку на вечное хранение.
И Смерть не вправе отбирать
сокровенное даже после его смерти.*

Пассажирский скорый поезд «Баку – Москва» лихо врезался в жирное, огромное тело столицы с множеством высотных домов, ветвистых дорог, больших магазинов и тогда, тридцать лет назад, ещё работающих заводов. Он тащил за собой длинный хвост из пятнадцати зеленоватых вагонов, цвет которых можно было распознать с трудом из-за налипшей на них по пути грязи. Состав напоминал ги-

гантскую червеобразную тудягу-гусеницу, ползающую вместе со своими собратьями по длинным расчерченным клеточками рельсам. Он, двигаясь согласно спущенному сверху расписанию, иногда опаздывал, столкнувшись лоб в лоб с непредсказуемым человеческим фактором, больно ударяющим по репутации железного насекомого. Казалось, что этой гусенице для ускорения прикрутили с боков колёса, впрягли в электрический агрегат и заставили выполнять все прихоти перемещающихся взад-вперёд людей. После каждой такой долгой прогулки поезд отгоняли в дальнее депо, оттирали от черноты, приводили в порядок сегментообразное туловище и вновь провожали в далекий путь по необъятным просторам Советского Союза, распластавшегося на одну шестую часть суши.

Пыхтя и гудя, гусеница везла в себе топчущих ножками пассажиров, торопящихся поскорее разбежаться муравьями по жилкам и венам Москвы. Вместе с багажом они прихватили с собой кусочки теплоты каспийского города, которые были хаотично разбросаны по закоулкам миниатюрных купе, служащих для путешественников временным домом. Сблизившись во время поездки, совершенно незнакомые люди так прикипали друг к другу, что с сожалением разрывали наскоро сплетённую паутину взаимной мимолётной дружбы. Но наскоро завязанные узлы быстро развязывались, и пассажиры практически навсегда забывали попутчиков, едва выйдя из поезда.

Кавказские гостинцы, завёрнутые в недельной давности газеты «Вышка» и «Бакинский рабочий», распространяли по вагонам зверски аппетитный запах балыка и чёрной икры – даров далёкого от столицы моря, окружающего Апшеронский полуостров. Спортивные костюмы и тапочки, предназначенные для ношения в поездке, были уже давно собраны. Они были втиснуты в огромные баулы и сумки, которые лежали рядышком с пассажирами на нижних полках, смиренно готовясь в любой момент быть подхвачены и унесены хозяевами. По мере приближения поезда к перрону улыбающиеся бакинцы прильнули мухами к мутноватым окнам и жадно всматривались, ища глазами встречающих их родственников и знакомых.

Поезд, уставший, заканчивая свой двухдневный маршрут, наконец остановился и, вытирая пот с лица, вдохнул полной грудью морозный февральский воздух Курского вокзала. Я и маленькая белобрысая девочка со звонким именем Нелли, поддавшись общему ажиотажу, выпучив глаза, начали просеивать многочисленную толпу снующих туда-сюда москвичей. Наконец наш взгляд, словно сачком из аквариума, выхватил в толпе маленькую фигурку женщины с невероятно объёмной шляпой, возвышающейся над ней ажурным куполом. Она будто бы специально надела её, чтобы быть заметной в этом вокзальном муравейнике.

Тётя Лиля так же, как тысячи других встречающих, суетилась, разбрасывая во все стороны свою беспокойную энер-

гию, пытаясь отыскать нас среди выскакивающих из вагонов людей. Энергию, которая подхватила мою семью и стремительным потоком ветра перенесла в уже зарождающуюся бело-сине-красную Россию, в самое её сердце, из родного города детства, Баку. Тётя Лиля была тем человеком, который с гостеприимством и добротой открыл перед нами дверь с вырезанными на ней таинственными фигурами. Некоторые из них в какой-то момент вдруг оживали и так же неожиданно замирали, превращаясь в пожелтевшие фотографии в старом альбоме памяти с потёртыми уголками. Она была тем двоеточием в предложении, после которого начинался мой личный путь в сложную, полную загадок, побед и поражений самостоятельную взрослую жизнь.

Прошло тридцать лет, уставшие от суеты и холода, мы уже живём на юге, в маленьком городке на берегу Чёрного моря, греясь под лучами солнечного света, нежно опускающимися на Кавказский хребет. Но я с чёткостью писаря помню первый день приезда и начало той дороги, по которой наша семья идёт до сих пор.

Сегодня, проснувшись, мы вдруг услышали, как с тихим скрипом затворяется та приоткрытая много лет назад дверь, и мельком в косяке проёма увидели фигуру уходящей тёти Лили. Она помахала нам рукой на прощанье и, не сказав ни слова, прикрыла за собой старенькую дверь. Удаляющиеся шаги завершали её длинный и непростой земной путь...

По-видимому, она возвратилась обратно к себе в детство,

в Ленкорань – маленький город на юге Азербайджана, откуда была родом, в тридцатые довоенные годы прошлого столетия. Шлёпая босыми пятками по пыльной грунтовой дороге, она спешит сейчас вниз навстречу к набегающим волнам Каспия, зовя младшего брата и махая ему рукой: «Витя, Витя, побежали купаться!»...

Жизнь прожить...

Посвящается брату и другу Юрию Крикуну

Жизнь прожить – не поле перейти.

Выпить чашу полную до дна.
В ступоре вдруг встать на полпути,
Осознав: «Она же прожита!»

Впереди ещё ведь полпути,
Не устал я, вы скажите там...
Кто посмел так пошло развести,
Жизнь мою деля напополам?

В тот январский не морозный день
Солнце яркое, мне подмигнув,
Вдруг поджало хвост и скрылось в тень,
Ангела-хранителя спугнув.

«Папа, папа!» – слышал голоса,
Но не мог ответить сыновьям.
И пошла немая полоса,
Кровью харкая по всем щелям.

«Юра, Юра!» – крики вдалеке.
Палец дёрнулся, но это всё...
Всё, что мог... Простите, налегке
Я ушёл на «Волге» по шоссе.

Ветер, Холод и Надежда

*Я дарю вам чувство надежды, облачая её в
одеянье веры.*

*Ибо человек без надежды и веры – пустой
никчемный сосуд без воды.*

И каждый раз сосуд необходимо наполнять.

Ведь вода испаряется или

может быть выпита самим человеком.

Ветер и Холод соревновались между собой, кто больше понизит градус настроения доброй части населения одного из южных приморских городков. Плотно зажатый между Кавказским хребтом и Чёрным морем, он был похож на испуганного кролика, который искал защиты от всемогущих сил разгулявшейся природы. Разрывая в клочья сложившееся мнение, что в этом месте практически круглый год све-

тит солнце, эти два природных явления дерзко и безобразно хозяйничали на улицах курорта. Они не обращали внимания на погодную статистику и невыносимую тоску жителей о нежных и заботливых лучах Светила, ласкающих их лица.

Каждый раз обманывая сотрудников Гидрометцентра, предсказывающих наступление хорошей погоды, Ветер и Холод под покровом продажной ночи проникали в город. Пробираясь тайными тропами через горные хребты и заходя на пиратских кораблях с моря, диверсанты мгновенно слизывали оставшиеся крохи теплоты с тротуаров. Не встретив отпора, они, наслаждаясь своей безнаказанностью, нагло крали улыбки у редких прохожих, спешащих по своим неотложным делам.

С рассветом, захватив город, соединяясь друг с другом в шаманском танце, они веселились на открытой площади возле здания мэрии. Стуча в яркий красный бубен, усиленно размахивая руками, победители привлекали внимание важных руководящих сотрудников, засевавших в «Белом доме». Тем самым Ветер и Холод указывали чиновникам на их место в мироздании и что сегодня именно злые силы природы являются полноправными хозяевами этого городка.

Но кто был против? Наука ещё не придумала такой громадный непроницаемый купол, который полностью отгораживал бы территорию поселений от нежелательных погодных катаклизмов. Подобное можно увидеть разве что в фантастических фильмах, а в реальности всё обстоит прозаично

и буднично. Человечество слабо перед стихией. Люди каждый раз испытывают перед ней страх, заложенный ещё много веков назад на генном уровне у наших предков. Поэтому город, нахохлившись и взяв в охапку своими большими ручищами горожан, прижав их к себе, терпел, стараясь накопить побольше положительной энергии перед предстоящим курортным сезоном.

Два шалопутных закадычных друга – Ветер и Холод – не понимали, что люди живут Надеждой и в ней сокрыта божественная сила, подаренная Всевышним своим любимым созданиям. Даже перед лицом осознания, что каждый из них не вечен, что скоро сменятся поколения и они все уйдут в историю, освободив место своим детям и внукам, Надежда не умирает. Она будет светить всегда, и с ней, словно с факелом, они закроют глаза, веря, что за горизонтом материального есть другой – загробный мир, наполненный счастьем и светом. По-другому не может быть. Иначе всё то, что они видят, слышат и чувствуют сейчас, потеряло бы всякий смысл.

Ветер и Холод, наконец осознав, что справиться с людьми не получится, утратили всякий интерес к своим гадким шалостям и постепенно превратились в добропорядочных Тепло и Штиль. Жители приморского городка вместе с его гостями начали выползать из своих жилищ, ещё с опаской поглядывая на небо, которое постепенно начало очищаться от черноты. Люди славили в душе, даже сами того не понимая, Бога, подарившего им волшебную палочку Надежды, с помо-

щью которой они творили чудеса и приручали силы природы. Набережная, тянувшаяся на много километров по всей бухте, будто бы выпрямилась, разгладив свои морщины вместе со съёжившимися тропинками и дорожками. Вбирая в себя жизнерадостные голоса и детский смех, она мгновенно на глазах помолодела и расцвела всеми красками весны. Маленькие одноэтажные магазинчики пооткрывали настежь стеклянные двери, впуская постепенно нагревающийся воздух в свои уютные помещения. Голуби толпой слетелись на ярмарочную площадь, громко воркуя и выпрашивая у отдыхающих крошки хлеба.

В это время в начале платановой аллеи вдруг возникли два гражданина. Казалось, они появились из ниоткуда.словно пара больших шаров, уставших летать в воздушных массах, медленно опустилась на землю. Растаяв под лучами солнца, они оставили после себя лишь мокрые тёмные пятна на тротуарной плитке. От испаряющейся влаги вверх вознеслась радуга, словно природа построила разноцветный полукруглый мост между двумя Вселенными. Той, находящейся за гранью понимания, и этой, в которой жили люди. Из невидимого мира по радуге спустился первый гражданин, низкого роста, с растрёпанными вихрастыми волосами, с редким именем Борей. Вслед за ним шёл другой – худощавый, высокий, одетый в кашемировое чёрное пальто до колен, явно не вписывающееся в курортный ландшафт города. Который пониже, почтительно звал высокого Нордом. Они пошли про-

гулочным шагом в сторону моря, с интересом и удивлением разглядывая горожан, сидящих на лавочках. В глазах закадычных друзей люди казались маленькими, болезненными и пугливыми. Но почему-то именно их выбрал Бог, а не могущественные силы природы, которые в состоянии поглотить всё на своём пути. Так и не разгадав замысел Всевышнего, Борей и Норд зашли в попавшийся им на пути «Макдоналдс» и слились с суетливой жующей гамбургеры толпой. Может быть, там, в этом царстве фастфуда, загадочные граждане смогли догадаться о чем-то? История об этом умалчивает...

Во сне увидел я тебя...

Во сне увидел нынче я тебя.
В нём за столом с тобою пили водку.
И каплями закуски окропя,

Мы обсуждали женскую походку.

Так делают мужчины иногда,
Когда чертовка, влившись в кровь, играет.
Куда-то исчезает суета,
А молодость из кожи вылезает.

Она зовёт на подвиги мужчин,
И шашки наголо, коней седлаем.
Зажав зубами сотню так пружин,
В удалых казаков с тобой играем.

Но, вдруг проснувшись, с грустью понял я –
Испорчен аппарат радиосвязи.
С казачьей шашкой рядом нет тебя,
Мы обитаем в разных ипостасях.

Седьмой

Человек должен обязательно любить и заботиться о ком-то.

Ибо человек всегда стремится быть похожим на своего Бога.

Седьмой лежал на полу в огромном зале, яростно и учащённо дыша жабрами, глотая обжигающий и смертельный для него воздух. Его отделяли секунды от ужасного и неминуемого перехода из этого мира в подземное царство теней, где наверняка рыбий Бог уже зарезервировал местечко, сразу при его недавнем рождении. «Что тянуть? – подумал Всевышний. – Два-три года, и эти крошечные мальки, превра-

тившись в красивых аквариумных рыб, всё равно уйдут водной дорогой под оглушительное молчание обитателей стеклянного мира».

Седьмому было обидно. Он прожил всего две недели в малёчнике, однако уже готовился к взрослой жизни в большом трёхсотлитровом аквариуме. И вдруг при пересадке сачок, случайно повернувшись боком, выронил хрустальное создание на холодный бездушный пол. Седьмой понимал, что тут же найти его прозрачное малюсенькое тельце – один шанс из тысячи. Он сжался, как пружина, в фантастической надежде, что при последнем прыжке он самостоятельно всё же сможет допрыгнуть до верха воды. Но, сделав последний кульбит, всего на полсантиметра в высоту, седьмой без сил рухнул на пол.

В рыбьем мозгу, не задерживаясь, стремительно пронеслись кадры рождения и случайного счастливого спасения. В первые часы жизни он совершенно неожиданно застрял в чёрной фильтрующей губке. Там его нашла хозяйка, а затем пересадила в небольшую десятилитровую банку – малёчник. Он вспоминал беззаботную жизнь, четырёхразовое питание, отсутствие взрослых особей, желающих полакомиться молодыми мальками, и, конечно же, обязательную регулярную замену воды, превращающую среду обитания в идеально чистую жидкую субстанцию. Всё это делало первые дни его существования сущим раем. Их, семерых, которых удалось обнаружить, холили и лелеяли, создавая условия для

полноценного роста.

Каждый день хозяйка почему-то постоянно их пересчитывала, и, не обнаружив седьмого, опять взволнованно начинала подсчёт. Он, спрятавшись то за термометром, то за большой ракушкой, отсидевшись в засаде, неожиданно, играя с хозяйкой в прятки, выскакивал на поверхность, с восторгом наблюдая, как женщина радовалась обнаружению последнего малька. Регулярный подсчёт был для хозяйки чем-то вроде утреннего моциона, приятной и обязательной традицией, тем мистическим замком, который необходимо было всегда в начале дня закрывать, чтобы горе и несчастье обходили её дом стороной. Этим с благодарностью пользовался седьмой, получая положительную энергию от человека, превращая её в дополнительную опцию для своей жизни. Он понимал, что никогда и нигде не получит того объёма заботы, которую ему дарят в рыбьем детсаду.

А сейчас... А сейчас седьмой лежал, открывая рот, пытаясь позвать на помощь свою хозяйку. Но, к сожалению, Бог сделал так, что рыбки не могут издавать звуков, они способны только безмолвно радовать глаз человека, вселяя в его душу райское наслаждение от красоты и изящества своих разноцветных тел. Малёк, прощаясь, взглянул последний раз в окно, через которое солнечный свет весело проникал в дом, не обращая внимания на разыгравшуюся маленькую трагедию. Серебристые лучи, перебирая пальчиками по полу, добрались до тельца рыбки и, блеснув от него, как от зеркаль-

ного отражения, тонким лучом, ударили в глаза женщины, которая уже была готова расплакаться от безуспешных поисков своего любимца.

Нежные пальцы схватили седьмого и вознесли на небо, а потом так же аккуратно опустили в освежающую воду. Рыбий детёныш даже не сразу понял, что Смерть, уже готовая встретить его где-то там внизу, равнодушно отвернулась и медленно ушла прочь, булькнув на прощание разорвавшимся на поверхности аквариума пузырьком воздуха. Махнув плавником и улыбнувшись, как могут улыбаться только рыбки, седьмой бодро поплыл, смешиваясь в стайке с такими же, как и он, мальками. Хозяйка, испытывая облегчение от того, что удалось избежать гибели седьмого, помахала ему вслед сачком, и, счастливая, пошла готовить обед своим домочадцам.

Схвачу улыбку я, не видя мрака...

Схвачу улыбку я, не видя мрака.
Зачем он мне, никчёмный реквизит?
И на арене цирка-вурдалака

Через себя я сделаю кульбит.

И пусть мне много лет – не верю цифрам!

Пятёрки превращаются в ничто.

Отдам судьбу всецело тайным шифрам,

В своих стихах расставив решето.

Сквозь сито мысли падают на сцену

И убегают прочь во все концы.

А я им нахожу опять замену,

В душе кромсая заново рубцы.

Але! Зал замер в ожиданьи чуда,

И свет струится прямо на меня.

Я в бездну глаз спущусь из ниоткуда,

Чтоб влить в сердца Христового огня.

Затем уйду, раздевшись напоследок,

Свои грехи пред Богом разложив.

Я в дивный мир с улыбкою уеду,

Осознавая, что я снова жив.

Идеальный мир

*Бог воплотил свою мечту.
Он создал мир, в который поселил тебя.
А что сделаешь ты,
когда вдруг захочешь стать похожим на Него?*

«Мир не идеальный», – говорил каждый раз Валентин Иванович, пятидесятилетний бухгалтер небольшого строительного ООО «Бобёр», расположенного в глубокой провинции, сталкиваясь регулярно лоб в лоб с гремящим, звенящим и громко фыркающим самосвалом, пахнущим бензином и ещё чем-то непонятным и отпугивающим. Его рифлёные борта надёжно удерживали обстоятельства и события

песочной массой, хаотично раскиданной в кузове грузовика. Лёжа под этой железной и чёрствой машиной, бухгалтер рассуждал о настоящем и будущем человечества, смотря наверх, где, по его мнению, должны были находиться манящие и сверкающие звёзды, развешанные на небосводе. Но вместо прекрасных светил Валентин видел только карданный вал и прилипшие к нему куски грязи. Один из них, в один прекрасный момент отказавшийся вечно висеть на днище грузовика, отпал...

Смачно приземлившись на лицо Валентина, грязь издала звук плюхнувшейся коровьей лепёшки. Так самосвал, неприлично рассмеявшись прямо в лицо тому, кто лежал под ним, решил поставить жирную точку в тщетных поисках бухгалтера идеальности существования.

«Ну, будет тебе заниматься ерундой, ё-мое», – тяжёлый, прожжённый голос с хрипотцой вылетел из-под капота и, сделав подъём переворотом через бампер, достиг ушей человека умственного труда.

«Неужели за столько лет не надоело тебе всё искать, высчитывать и пересчитывать, складывать и умножать? Невозможно придумать априори то, чего не может существовать на земле», – продолжил самосвал. Термин «априори» был единственным словом, которое запомнил грузовик из лексикона главного инженера. Ему иногда случалось подвозить начальство в контору со стройки. Так великий Кант, считающийся родителем понятия «априори», задержался надолго

в железных мозгах.

Тут сам Бог велел самосвалу, поднявшись на задних колёсах, встать, насколько возможно, в важную позу и с видом всезнающего профессора свысока и сурово посмотреть на Валентина Ивановича.

Увидев печальный взгляд бухгалтера и несколько смягчившись, трудяга – строительный перевозчик протянул ему черенок лопаты, чтобы помочь выбраться из-под себя. Хотя деревяшка была шершавой, да и с заусенцами, Валентин всё же не стал отказываться от помощи и, уцепившись, словно за гигантскую соломинку, быстро вылез из плена. Отряхнувшись, он достал замасленный блокнот и ярко-жёлтым карандашом «Кохинор» сделал пометки на листе.

Белоснежная страница была полностью расчерчена различными наползающими друг на друга фигурами: треугольниками, квадратами и ромбиками. Они весело заплетались с гипотенузами и катетами, зовя на помощь матрицы и дифференциальные уравнения. Только Валентин Иванович в этом математическо-геометрическом беспорядке видел некий смысл, то, что и близко не понимали другие. Немолодой бухгалтер из ООО «Бобёр» хотел переделать мир. Да-да! Он не хотел быть похожим на Ленина или Че Гевару. Революция, классовая борьба, война и захват власти были для него чужды. Валентин мечтал, что создаст некую формулу и подарит её народу.

И люди, все семь с лишним миллиардов, поймут, увидев

расчёты бухгалтера, что так больше жить ни в коем случае нельзя. Нужно жить по-другому: по-другому – значит, идеально. Никому в этом случае не будет плохо, всем будет хорошо. Счастье вселится в каждый дом, в сердце каждого гражданина, и наступит мир во всём мире.

Только Валентину нужно успеть, обязательно успеть всё прикинуть, перепроверить и применить на практике в отдельно взятом строительном коллективе. Ведь пенсия не за горами, а там и смерть будет стучаться в окно.

Бухгалтер, склонив голову над блокнотом, задумчиво и медленно побрёл куда-то по пыльной дороге. Самосвал посмотрел ему вслед и, повертев правой дверью у виска, урча, поехал в обратную сторону.

Конечно, где-то в глубине души ему хотелось чуда и знать, что у Валентина Ивановича всё получится. Но грузовик понимал, что чудо лежит в плоскости веры, а не спрятано в скрупулёзные расчёты, даже если они окажутся гениальными. Однако самосвалу очень хотелось в это поверить, закрыть глаза и просто поверить...

Приняв цветов контрастный душ...

Приняв цветов контрастный душ,
Вобрав в себя весь смысл нирваны,
Я с диким криком обезьяны

Несусь по полю, неуклюж.

И ветер брызжет мне в лицо
Горячим счастьем мирозданья.
Душа, немного обезьянья,
Плетёт мечтаний кружевцо.

Свободен я от всяких дум,
Отбросив все свои печали.
О, если вы меня узнали,
Мой чистый белоснежный шум!

Я сам в себе и мир во мне,
Седой, игривых слов проказник.
Внутри меня трепещет праздник,
Сгорая яростно в огне.

Закономерности и случайности

*Я спрячу закономерности в случайности.
И замаскирую случайности в закономерности.
Чтобы человек не скучал при жизни,
Ища смыслы и бессмыслицы там, где их найти
невозможно.*

Валентин лежал между ванной комнатой и спальней без Сознания, Сознание при этом считало совершенно по-другому. Оно не переставало работать, словно машиностроительный завод, получивший недавно госзаказ, производя за единицу времени запланированное количество мыслей. Наблюдая за Валентином со стороны, Сознание одновременно анализировало нестандартную ситуацию и прикидывало даль-

нейшее развитие событий.

Минуту назад случилось то, чего не случиться просто не могло. Всё дело было в воде, в этой обычной с первого взгляда жидкости с небольшой примесью хлорки, текущей из крана. Она бежала-бежала по трубам по всему городу и наконец достигла квартиры Валентина. Вода впопыхах влетела в жилище одинокого мужчины, как будто заканчивая последний круг в многокилометровом забеге. Немного отдышавшись, живительная влага сразу метнулась в серебристый шланг душа, чтобы через малюсенькие дырочки Ниагарским водопадом низвергнуться на голое тело Валентина Ивановича. Обдав белую кожу, лишённую даже тени загара, вода проникала в складки, в выпуклые и впалые места сорокапятилетнего мужчины, даря ему приятную тёплую свежесть. Сделав своё доброе дело и не дождавшись благодарности, вода улизнула в дырку ванны, оставляя на теле капли – множественные следы своего недавнего присутствия.

Решив, что уже пора закончить водные процедуры и приступить к просмотру телевизора, Валентин развернул своё упитанное пузико, пытаясь дотянуться до вешалки с полотенцем. Но рука, вскинутая вверх, так и застыла в виде всем известного приветствия. Вместо «хай-хай» у Валентина вырвалось «хи-хи», а затем что-то связанное с гипотетической матерью, которая, видимо, должна была материализоваться и принести, чем вытереться. Но мужчина не был экстрасенсом или магом, материальный мир был близок ему, как ни-

какой другой. Искупавшемуся гражданину пришлось самому перешагнуть борта ванны и пуститься в дорогу – в спальню, за полотенцем.

Капли с волос на вытянутой чуть вперёд голове предательски капали перед Валентином, окропляя ему путь. Шутливо разбиваясь о жёлтый линолеум в клеточку, они успели образовать впереди лужу, соединившись друг с другом в склизкое месиво. Шаг, другой. Левая нога мужчины с пронзительным визгом взлетела вверх, отрываясь от поверхности. Увидев это, правая нога, чтобы не отстать от друга, устремилась вслед, разрезая, словно ножом, пространство коридора. Сознание, до этого пребывавшее в Валентине в нежном распаренном настроении, на мгновение замерло. Оно понимало, что состояние умиления безвозвратно закончилось и наступает череда неуправляемых событий, в которых принять участие можно лишь в роли зрителя.

Расставленные руки с голодной жадностью начали цепляться за стены, но удостоверившись, что поблизости нет выступов и опор, приступили к перебиранию воздуха, надеясь на его хотя бы секундное превращение в плотную субстанцию. Понимая тщетность усилий, голое тело Валентина начало группироваться, представляя себя резиновым мячиком на зелёном мягком травянистом поле, сплошь усеянном душистыми цветами. Но с приближением пола иллюзии развеивались, превращаясь в грубую твёрдую правду, от которой веяло холодом и равнодушием. Голова, болтаясь на туло-

вище, как детская погремушка, вздёрнулась и приняла удар первой, встретившись с косяком двери. Далее был мрак, чёрная дыра...

Сознание отделилось от тела и встало тихо и скромно в сторонке. Тишина заботливо накрыла Валентина прозрачным одеялом, нежно погладив его по волосам.

– Всё закономерно, если Валентин жил бы не один, а с семьёй, жена или дети принесли бы полотенце, и ему не пришлось бы сейчас в одиночестве валяться в такой неестественной позе, – заговорило Сознание, почувствовав, что может, не сдерживаясь, высказывать свои мысли. При этом оно не обращало внимания на тело, в котором находилось последние сорок пять лет.

Тишина, проявляющая до этого заботу о потерпевшем, развернула свой взгляд на Сознание, решив, – кому же, как не ей, осталось заступиться за одинокого мужчину.

– Это случайность, – шёпотом заговорила она, – Валентин мог и тогда находиться один дома – жена могла бы уйти в магазин, а дети в институт.

– О чем ты говоришь, посмотри статистику, – Сознание, опираясь на свою любимую логику и цифры, продолжало, – столько таких одиноких людей вот так умирают. Кто споткнулся, кого убило током, а кто тупо утонул в ванне. И могли бы домочадцы спасти, а их нет. Всякая квартира – это сущий ад, заполненный всевозможными неприятностями.

– Если бояться упавшего кирпича, так лучше вообще не

рождаться, – парировала Тишина, прислушиваясь к дыханию Валентина, – вся Вселенная построена на случайностях, и человек – это ирония судьбы, что-то где-то перепутали, и возникло двуногое, двурукое существо с тобой в черепашке, – показывая на Сознание, стоящее в сторонке, нервно высказалась Тишина. – Уж я-то знаю, долго жила, много видела. Когда тебя ещё на свете не было, я уже существовала.

– Нет, ты не права, всё закономерно и уже давно предрешиено, – Сознание с видом всезнайки указательным пальцем многозначительно показало наверх.

В этот момент Валентин открыл глаза, ещё не понимая, где находится. Постепенно кадры кинохроники, прокручиваемые в мозгу, приводили его в чувство. Раздались всем известные слова, выстроенные в трёхэтажную конструкцию с узорами и завитушками.

Сознание, видя, что Валентин постепенно приходит в себя, быстренько юркнуло в голову мужчины. Тишина, поняв, что после смачных выражений здесь ей уже больше нечего делать, растворилась в клубах пара, выующихся на выходе из ванной комнаты.

Валентин встал и побрёл, чуть шатаясь, растирая рукой красную шишку на лбу, невольно примиряя на какое-то время двух заядлых спорщиц. Зайдя в спальню, он поспешно начал одеваться. Его сейчас больше заботили не глобальные вопросы Вселенной или теория случайностей и закономерностей. Валентина беспокоили проблемы посерьёзнее. Если

бы случилось что-то страшное, его обнаружили бы комично голым, а для него это было важно!

В поисках «Я»

Ищите «Я» в себе,
Себе не изменяя.
В покое и борьбе,

Всё время размышляя.

Где «Я» и что со мной,
И на какой планете?
Я образ свой земной
Похоронил в сюжете

Банальном и простом,
Без вишенки на торте.
Не блещущем умом
И прожитом в комфорте.

Ищите «Я» в себе
И, может быть, найдёте.
И в ряженой толпе
«Я» всё же обретёте...

«Зингер»

*Я наделю ваши руки невидимым.
И к чему вы руками ни прикоснётесь,
оставлять частицу себя будете на том.
Чтобы другие, пришедшие за вами,
если пожелают,
могли потрогать и почувствовать вас.*

Давя всем своим немалым весом на деревянный пол грузового трюма баркаса, швейная машинка «Зингер» пыталась удержать равновесие при качке. Её четыре изящно выгнутые железные ноги после многочасового томительного плавания так затекли, что хотелось истошно завывать. Но она стойко терпела неудобства, стиснув зубы, расположенные под блестящей лапкой на игольной пластине.

Боясь закричать и испугать этим лежащие вокруг мешки и баулы с вещами, машинка представляла, что её уже разгружают на пристани столицы Азербайджана, Баку. Хотелось побыстрее очутиться в центре бурлящей жизни мегаполиса со множеством магазинов, дорог и вечно куда-то спешащих людей. «Зингер» наскучила провинциальная жизнь в Ленкорани – городке, затерявшемся в зелёных парчовых коврах, расстеленных между Каспийским морем и Тальшскими горами. Хотя она и была родом из похожей по природе местности – далёкой Шотландии, ей всё же хотелось перемен. Перемен ярких, разноцветных, шумных, похожих на постоянный праздник, которые подхватывали и вместе с атласными и ситцевыми тканями уносили её в мир беззаботности и веселья. Швейная машинка на мгновение закрыла глаза, представив, что всё это происходит на самом деле...

Но, почувствовав что-то холодное, подкатывающее к её ногам, «Зингер» подняла свои серебристые веки. Это оказалась вода – солёная, пенящаяся и такая безжалостная. Море, представляющееся с первого взгляда добрым и понимающим организмом, перестало быть приветливым. Каспий постепенно заглатывал в свою пучину баркас с большой пробойной, возникшей в одном из бортов. Испуганные люди, там, наверху, бегая по палубе, истошно кричали в панике, притягивая страх, который спустился с небес и стал опутывать судёнышко серой липкой паутиной. Но через некоторое время прозрачная пыльная сеть начала трескаться и распадаться.

Крики стихли. Их сменили громкие приказы матросов, которые превращали хаотичный топот ног в стройные организованные шаги, чётко следующие в определенном направлении.

Пассажиры грузового трюма, смотря наверх сквозь щели в досках палубы, видели, как люди торопливо пересаживаются на подоспевший на помощь корабль. Последними были узнаваемые лакированные ботинки капитана. Командир, согласно морской традиции, покидал баркас последним.

В сознании машинки молнией пронесся только один вопрос – «А как же мы?». Но вещи и предметы, окружающие человека, считаются бездушными сущностями, которые лишь находятся рядом с ним при жизни. В минуты крайней опасности их оставляют погибать или сбрасывают, как ненужный балласт. Забывают при переездах в старых домах или сжигают на кострах, как ненужный хлам. Такая участь постигает даже тех, у кого есть собственные заводские номера, как у швейной машинки с бронзовой табличкой на корпусе и гравировкой V879.534 на ней. Однако этот номер был сухим набором цифр для спасающихся людей и тем более ничего не говорил Каспию.

Море нахмурилось и с видом сурового тюремщика захлопнуло над головой несчастной машинки тёмно-синюю дверь. Солнечный мир перестал существовать, и она погрузилась в сон...

Нептун, не теряя времени, деловито и не церемонясь, сра-

зу стал по привычке оплетать ажурный металл с вензелем «Singer» зелёными водорослями. Выпуклые морские ракушки, почувствовав новую жертву, вонзили свои присоски в тело машинки. Но швейная красавица ничего не чувствовала – она спала...

Спала глубоко и безмятежно. Обрывистые кадры её трудовых будней то проявлялись, то исчезали в осколках разбитого зеркала. Утопленница никак не могла ухватиться за всполохи изображений и сшить из них целостное полотно сна. Единственное, что она ясно ощущала, – это мягкие руки женщины, которые с любовью когда-то управляли её тонким механизмом. Именно эти руки, казалось, неожиданно разбудили «Зингер». Но вместо них она увидела толстые морские канаты, которые тащили её вместе с остальным утонувшим грузом на поверхность. Яркий свет острой стрелой ударил по глазам. Несмотря на возникшую боль, он был таким желанным и Божественным. Будто сам Всевышний спустился с небес, решив принять участие в церемонии спасения швейной машинки. Через некоторое время она вернулась к владельцам, к своим родным людям, которые с ещё большей заботой стали относиться к ней, каждый раз вспоминая приключения морской пассажирки...

Прошло почти сто лет. «Зингер» постарела и чуть-чуть осунулась. Деревянный столик, на котором возвышается её изящный стан, немного потрескался и поблёк. Но время не в силах было стереть с чёрных лакированных линий «Зингер»

теплоту от прикосновения женщин, которые шили на ней всевозможные платья, костюмы и постельное бельё. Словно безупречные швейные строчки связали навсегда души ушедших и ныне живущих хозяек машинки с замысловатым номером V879.534...

Когда туристы стали разъезжаться...

Когда туристы стали разъезжаться

И с моря потянуло холодком,
Решили мысы бухты пообщаться
И вспомнить между делом о былом.

Того, кто слева, звали Толстым мысом.
Он с гордостью в руках держал маяк.
Смотрел он вдаль с таким глубоким смыслом,
Над ним светился словно Божий знак.

А справа нежился в лучах заката
Мыс Тонкий – утонченный господин.
Играл он в паре роль аристократа,
Похож был на шикарный лимузин.

История в серёдке восседала,
Качаясь в центре бухты на буйке.
Чтоб не было меж мысами скандала
В дебатах жарких о Геленджике.

Двое и Душа

Твоя душа бессмертна.

Иногда задумывайся об этом.

И что она будет делать там без того, что здесь.

В комнате тихо-тихо играла музыка... Под эти звуки моя Душа то взлетала к самому потолку, увеличиваясь в размерах и растягиваясь на все шестнадцать квадратов комнаты, то сжималась до крошечной пылинки. Но, главное, Душа дышала. Глубоко-глубоко, вбирая в себя воздух, насквозь пропитанный звуками. Они, волшебным образом выстраиваясь в мелодичный ряд, соединяясь друг с другом, вили ка-

нат, тянущийся до самых небес. По нему мои эмоции ползли вверх, чтобы высоко над землёй, глядя вниз, насладиться божественным переплетением Души со струящейся мелодией. словно горная река, огибая валуны и подпрыгивая на порогах, музыка бежала, перегоняя время. Бывало, она ускорялась на поворотах, а где-то заморожённо замирала, впадая в большие ванны-купели, в которых игриво плескались маленькие рыбёшки.

В момент наибольшей чувствительности Души, когда её стенки превратились по толщине в папиросную бумагу, в комнату вошла Она, неся на двух вытянутых руках стопку глаженого белья. Женщина направилась к шкафу – просто, по-обыденному, не обращая внимания на таинство, творящееся в комнате. Её гибкое тело мягко ступало по расстеленному на полу паласу. Вот Она легко пробралась между кроватью, на которой в этот момент лежал я, и вертящимся в разные стороны пустым креслом. Женщина запросто преодолела препятствие, потому что по габаритам была миниатюрной. Расставшись со сложенным бельем, Она посмотрела на меня. В этот момент, переключив внимание с летающей Души, я опустил голову.

Наши глаза встретились, как и положено двум скоростным поездам, мчавшимся по рельсам навстречу друг другу. Один вопрос возник одновременно в сознании обоих – по каким колеям бежали в данный момент наши транспортные средства. Если по разным, то прозвучат протяжные привет-

ственные сигналы, и составы разбегутся в разные стороны мирно. Если же дорога одна, то будет маленькая катастрофа под душещипательную музыку в отдельно взятой комнатке. Второго варианта, как и положено двум машинистам, уже несколько десятков лет управляющих электровозами семейных отношений, хотелось избежать. Но жизнь есть жизнь, пути Господни неисповедимы. Случайно нанятые строители железнодорожных путей, в зависимости обстоятельств и расположения звёзд на небосводе, могут периодически ошибаться в работе.

Однако по задорно сверкающим искоркам в наших глазах мы поняли, что неприятности в этот раз избежим, конфликта не будет, и моя Душа, до этого напряжённая, как струна, уже готовая метнуться зайцем под кровать, расслабилась и выдохнула.

– Ты нальёшь мне чай? – я решил сделать паузу в прослушивании музыкальной композиции.

– Конечно, дорогой! – ответила Она мне ласково.

Я встал с кровати, надел мягкие домашние тапочки и вышел из комнаты, тихонько закрыв за собой дверь, оставив Душу и дальше наслаждаться причудливыми звуками. Почувствовав свободу от брэнного человеческого тела, нуждающегося в еде, отдыхе и прочих плотских удовольствиях, воздушное существо представило себя Гагариным. Крикнув «Поехали!», Душа начала с ещё большей энергией летать между углами комнаты, собирая паутину и одновременно

насвистывая мелодию в такт играющей музыке.

«У меня получается!» – крикнула Душа, оживившись, решив показать, как она может танцевать. Но к сожалению, рядом уже никого не было. Она и Он давно покинули комнату, спустившись на первый этаж, на кухню. От обиды у моей Души на глазах проступили детские слёзы, ведь она до сих пор была ребёнком, несмотря на солидный возраст хозяина. Сев на старую кровать, она загрустила, глубоко-глубоко вздохнув. Музыка её уже больше не радовала. Ей не хватало чего-то житейского, той площадки, на которую мы, люди, постоянно сетуем, но именно от неё наши межпланетные корабли стартуют, рассекая космическое пространство. Того дома, уютного и родного, кажущегося чем-то обыденным и незыблемым, в вечном существовании которого мы ни на секунду не сомневаемся. И однажды потеряв, виним всех вокруг, только не себя.

«Но что я буду делать без человека, когда действительно придёт время расставания с телом не на какой-то час, а навсегда?» Душа задумалась, с тоской глянув на закрытую дверь. Понимая, что от двери не получит ответа на этот вопрос, она попыталась выдвинуть предположение: «Может быть, необходимо накрепко запомнить все моменты жизни, ничего не значившие здесь для меня: солнце, море, совместные прогулки и, главное, лицо той, что принесла бельё с глажки. Одинокое летая там, в небесах, я иногда буду включать видео и вспоминать счастливые мгновения, проведён-

ные на земле».

«Да, именно так», – кто-то невидимый тихо, почти шёпотом, по-отечески подтвердил предположение Души. На лице у неё опять возникла улыбка, и, снова взвившись в комнате под звуки музыки, она стала ждать меня, чтобы поделиться раскрытым секретом.

Когда за чистый белый лист бумаги...

Когда за чистый белый лист бумаги

Усевшись как прилежный ученик,
Ты видишь лишь опущенные флаги
И понимаешь, что иссяк родник,

И нет возможности воды напиться,
И сухость ощущается во рту,
И на себя ты начинаешь злиться,
Всё глубже погружаясь в темноту,

Глотая воздух, грудь раскрыв пошире,
Расставив руки в стороны, как Бог,
И в этом чёрством и коварном мире,
Пытаешься почувствовать звонок,

И музу подкупить улыбкой Бога,
Такой открытой, ясной, как слеза,
И не ища дурацкого предлога,
Пуститься в пляс, встав вдруг под образа...

Когда за чистый белый лист бумаги
Усевшись как прилежный ученик,
Поймешь, что наконец поднялись флаги
И заискрил в кромешной темноте родник.

Третье

*Свет проникает туда, куда только он может
проникнуть.*

*Распространяя теплоту между двумя мирами,
Связывая их на веки вечные и создавая что-то
третье.*

Таково желание Всевышнего.

*И не нам судить о степени совершенства
замысла.*

*Мы только с удовольствием подчиняемся
Божественной воле.*

Он понимал с пронзительной искренностью, такой, что готов был поставить тысячи подписей после одной-единственной мысли: «Она нужна мне как никто и ничто другое». Не ради того, чтобы Она каждый день накрывала ему завтрак, готовила обед и ужин, стирала и убирала в доме, а для того, чтобы сохранить то невидимое существо, которое взяло однажды их обоих за руки и соединяло теперь друг с другом

крепче массивной железной цепи.

Именно это существо каждый раз вставало между ними, когда они ругались. Оно же смотрело в их глаза, когда они ложились в кровать и занимались любовью. Существо не было третьим и тем более лишним. Оно было только первым. Ради него, возможно, они пришли в этот земной мир, чтобы родить его. Не человека, а именно скрытую от чужих глаз сущность, называемую любовью, дружбой, злостью и ещё тысячами слов, которые придумало человечество для того, чтобы описать всю палитру чувств, возникающих между двумя людьми разного пола.

Сначала они не знают о существовании второй половины, а потом, соединившись, не могут понять, как миры, жившие по отдельности, вообще могли существовать. И к чёрту, что после стольких лет жизни чувства могут быть уже не такими острыми и яркими. Время – это понятие для слабых и неразумных, ведь его не существует. Его придумал Бог, чтобы поохотатся над людьми, которые пытаются всё разложить по полочкам и ячейкам. А это невозможно. Всё вокруг – весь мир, видимый и невидимый, осязаемый или нет – это одна бесформенная масса, превращающаяся по велению мыслей в море, землю, воздух, в Него и Неё. И именно эта каша из множества измерений становится для влюбленных Божественной пищей, ради которой Всевышний и сотворил всё сущее.

Там, в чёрном космосе, тоже не существующем и явля-

ощемся лишь призраком в нашем сознании, между звёзд и планет летаем мы, разговаривая между собой, производя энергию, способную творить чудеса.

Я знаю, мы скоро уйдём, оставив наши тела. Их съедят маленькие червячки на кладбище. Приятного им аппетита! Но где-то внутри или около нас сидит, стоит или, в крайнем случае, парит то существо, которое унесёт меня и тебя после физической смерти в наш вечный дом. В хижину с одурманивающе пахнущими цветами, с ярким и тёплым солнечным светом, с обязательным морем, ласковым и добрым, подходящим практически к самому крыльцу.

Мы будем сидеть на кухне, ты будешь пить кофе, я буду пить чай, и мы будем говорить, как тогда при жизни, о недавно заведённых нами рыбках в большом аквариуме. Так будет, так обязательно будет, верь мне... И неважно, что некоторые говорят – Бога нет. Может, его действительно – нет. И неважно, что другие говорят – Он есть. Может, Всевышний действительно существует. Важно, что есть мы и есть нечто третье, между нами. И даже если когда-то выяснится, что я и ты – лишь мираж, придуманный странным художником с бородкой, Оно, рождённое нашими чувствами, останется и будет жить вечно.

Вижу! Вижу два холмика! Под одним лежу я, под другим – ты. Существо что есть силы поёт песню «Яблоки на снегу...», прерывая сон многочисленных постояльцев тихого места. Мы тоже просыпаемся. Оно с силой вытягивает нас

из сырой земли и возносит к небу, чтобы бы мы, не дай Бог, не забыли, что созданы друг для друга. И без нашей любви всё сущее – лишь мрак, холод и безумие.

Где-то вдалеке раздаётся колокол: «Бум-бум-бум!». Вибрации пронизывают воздух, немного потряхивая наши души. Мы улетаем. Нам больше нечего делать на Земле. Наш вечный дом готов для заселения, и гроздь винограда уже налились сочной мякотью, фонтан на участке бьёт ввысь, расширяя приятную свежесть. Всё... Земная жизнь окончена, начинается другая. Какая? Не знаем. Мы это поймем после.

«Существо! А, существо! Ты ещё здесь, с нами?..»

Слова закончились давно...

Слова закончились давно,
Остался лишь протяжный крик.
Неужто людям суждено

Топтать посаженный цветник?

Зачем за гранью красота?

Неподходящий антураж.

Нас ожидает чернота.

Мы скопом все уйдём в тираж.

И там, в небесной тишине,

Мы будем вспоминать о том,

Кто сделал запись на стене

Однажды в темноте тайком.

Что ожидает правых рай,

Другие превратятся в прах!

И с душ снимая урожай,

Нас примет чистыми Аллах.

И сто девиц нас будет ждать.

Накроют стол, нальют вино.

Мы даже не могли мечтать,

Что будет там нам всем дано...

Но оказался это миф.

Нас обманули, как детей.

Рай абсолютно некрасив,

Не ждал непрошенных гостей.

Наблюдатель

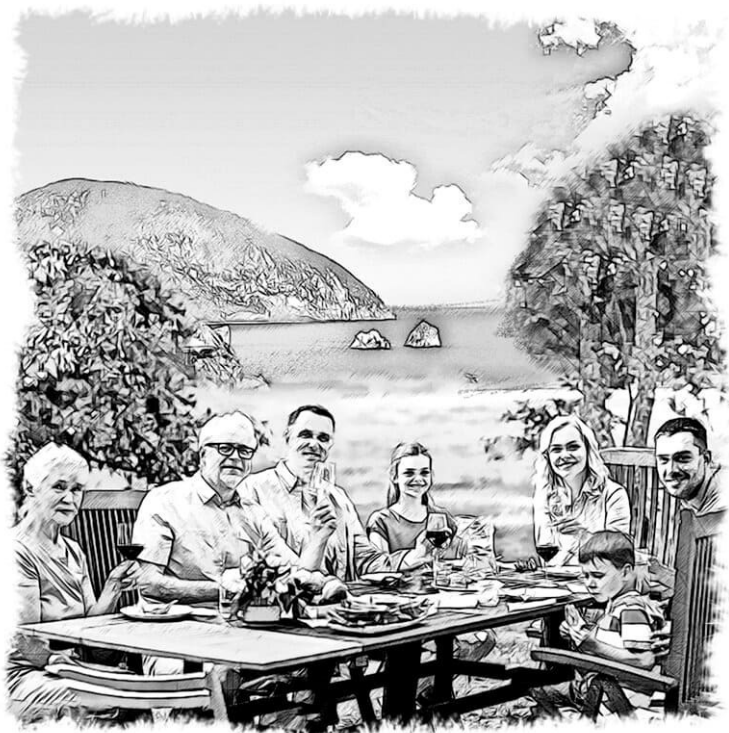
И придумал я себя

И создал то, что внутри меня.

И сотворил то, что вокруг меня.

И забыл, кем был я раньше.

Чтобы со временем вернуться и всё вспомнить.

Ты – наблюдатель! Главное – не забывать, что ты всего лишь созерцаешь, вечно путешествуя в космическом безвременье. И иногда зависаешь из простого любопытства где-то сверху, засмотревшись на то, как сменяются декорации в театре одного актёра.

Сначала твоё внимание привлёк суперактивный сперматозоид, расталкивающий локтями своих собратьев. Затем

интерес вызывает фантазмагория превращения микроскопических клеток в маленького мальчика или девочку. Далее этот герой с победными криками «Уа-уа!» срывает в роддоме красную ленточку на финише. И вот уже малыш торопится с мамой в детский сад. Проходит несколько лет. Наступает первое сентября, и нарядный ребёнок стоит на школьной линейке. Тебя совсем не пугают громкие речи в микрофон и шумная толпа детей. Поскольку ты завис над головой только одного-единственного первоклассника – твоего избранника, остальное – так, проходит мимо фоном.

Окончание школы, и он уже вскакивает на ступеньку молчаливого и угрюмого троллейбуса. Городской старожил везёт студентов в институт. Проходит пять лет, и беззаботное время заканчивается – наступает взрослая жизнь. Твой подопечный становится бизнесменом, учёным, инженером или, на худой конец, писателем. Вариантов много – более или менее успешных, по мнению людского общества, – всё относительно.

Наконец – первая любовь, которая дожидалась своего часа, сидя в сторонке. Первые чувства, первый поцелуй, первый секс. Эмоции наблюдаемого тебя захватывают не на шутку. Дети, семья, скандалы и примирения – в общем, обычная жизнь. Идут годы, нет – они летят, только и успевай перелистывать страницы. Неожиданно наступает закат. Твои единственные стареющие дедушка или бабушка греются в иссякающих лучах падающего за горизонт солнца. И всё,

конец...

Но миссия простого наблюдателя была для тебя мала, и ты не был в его жизни сторонним созерцателем. Ты упорно по уши влезал в процесс. Пробовал себя в роли сценариста, режиссёра, оператора и в конечном итоге вжился в роль актёра.

Страстная и желанная Мельпомена незаметно соблазнила тебя и превратила в своего раба. Раба не по принуждению, а по воле сердца. Ты настолько часто воздавал ей благодарения, что возвёл эту музу в ранг подлинного Бога.

Иногда, да что там обманывать себя, практически всегда, заигрывался и забывал, что ты обыкновенный наблюдатель. На самом деле не имеющий ни тела, ни головы вместе с ушами, глазами, языком и другими обязательными атрибутами человека. Ты всеобщее ничто в микромире точек, запятых и всех вместе взятых знаков препинания. И даже алфавит для тебя был сложной конструкцией. Постоянно движущиеся вокруг декорации говорили, издавали звуки, брызгали в лицо палитрой красок и всевозможными запахами. Они были живые! Но живые настолько, насколько твоё воображение смогло их воссоздать. Извиваясь ужами, кривляясь и танцуя, декорации воздействовали на твою сущность, пытались подменить истинную жизнь. Ты настолько погрузился в океан увлекательных иллюзий, что забыл о действительности. Самое обидное, что прозрение наступило в последние минуты жизни. Когда смерть подвесила на крючок в театре вместе с остальными списанными куклами...

Ты болтался на вешалке, свесив плетьюми беспомощные руки и ноги, неестественно завернув набок голову, на которой трепыхался длинный чуб. Некогда он поражал окружающих своей залихватской красотой. Ха-ха, теперь это жалкий клочок грязных слипшихся волос, выпадающих по одному из черепушки и приземляющихся на обшарпанный деревянный пол.

Это ты? Жалкое подобие тебя? Нет и ещё раз нет – на самом деле тебя в той кукле нет и никогда не было. Когда потушат свет в кладовке с ненужными вещами, ты обязательно всё вспомнишь...

Ну что, вспомнил? Ты наблюдатель, который и сейчас, широко расставив белоснежные крылья, пролетает над своим мёртвым телом. Сделав последний круг, птицей взмываешь в небо, в свою родную гавань, наполненную спокойствием и умиротворением. Путешествие на Землю, которое длилось совсем недолго, закончилось.

Хочешь понять, кто из вас был наблюдателем, а кто наблюдаемым? Это были две личности или одна? Разобраться трудно. Не ищи ответа на этот вопрос. Ты уже дома, в семье. Тебя здесь давно ждали. Ты подходишь к большому круглому столу, расположенному в яблоневоm саду. Чувствуется сладкий запах спелых розовощёких яблок. За столом сидят родные. Ты всматриваешься в их лица. Они улыбаются. Вдалеке, сквозь пелену зелёных листьев, виднеется море. Волны с шумом ударяются о скалистый берег, радуясь возвра-

щению путешественника. Ты глубоко вбираешь в себя голо-
вокружительный воздух и устало выдыхаешь, понимая, что
это действительно – дом...

Проходит время. Много или мало – не понятно, ведь его
здесь на самом деле нет. И вдруг ты, охваченный присту-
пом ностальгии, вспоминаешь, с каким наслаждением там,
на Земле, поглощал радужные эмоции, запивая их коктей-
лем страсти. Захотелось вернуться назад. Дорога открыта.
Она живёт внутри тебя, только нужно очень сильно захотеть.
Зажмурить глаза и захотеть...

Грядущих дней испить водицы...

Грядущих дней испить водицы,
Воздушных замков красотой.
Желаешь ты познать страницы

Ещё не пройденных судьбой.

Следы иллюзий на равнине,
Где нет оврагов и холмов,
И погрузившись в море сине,
Достигнуть райских островов.

И в желтизне песков крупичицы,
Зарывшись в счастье с головой,
Не видеть алые зарницы,
Держащих в поднебесье строй.

Не знать, что смерть гуляет рядом
Голодным волком по земле,
И кто-то, упиваясь ядом,
Посуду бьёт навеселе.

Пусть веселится люд дремучий.
Тебе до них, как с высоты.
Стремясь понять язык созвучий,
Ты достигаешь слепоты.

Закрыв глаза, витаешь в далях,
Урча задумчиво под нос.
Слова раздвинув на скрижалях,
В тебя вселяется Христос.

Злость

*Иногда наступает время,
когда в человеке просыпается зверь.
Зверь яростный и жестокий.
Но никогда звериное не победит человечность.
Ибо человек – венец Его творения
и Он создал его по своему образу и подобию,
а в Нём нет зверя...*

Злость распространялась со скоростью холодного ураганного ветра, обжигающего ядовитыми иголками каждый миллиметр кожи. Она вползала ящерицей под одежду и под ней, скрываясь от яркого света, совершала свой дьявольский замысел, под громкий и безумный смех обволакивая всё вокруг в одержимом танце. Множась в геометрической прогрессии, подпитываясь энергией от рядом стоящих клонов,

Злость расширяла и расширяла круг, втягивая в свои шеренги всё больше людей, проникая в тела тонкими щупальцами и чувствуя себя внутри них полноправной хозяйкой. Люди, лишаясь чего-то тонкого и сокровенного, отвергнув стеснение, сбрасывали уже порядком порванные и грязные одежды человечности и, намазавшись золотой мазью с запахом нечистот, пускались в пляс со Злостью под одичалую музыку Вагнера.

Смотря друг на друга, как в зеркало, они стирали острыми камнями с себя «Я» и, гордо рисуя на груди «Мы», истошно выкрикивали что-то нечленораздельное, смотря в хмурое дождливое небо. Звук от их крика поднимался высоко, в полёте ещё более чернея, крася небесную твердь мраком преисподней. Так, на огромном поле, усеянном великолепными цветами, радующими глаз, на котором по утрам, под пение птиц, люди выгуливали свои души, начал прорастать коричневый сорняк, обвивающий сочные и жизнеутверждающие стебли растений. Корни сорняка уходили глубоко под землю и, сцепившись намертво с соседними отростками, создавали единую железобетонную массу однозначности мнения. Растирая в пыль малейшие сомнения и развеивая их по ветру, они упивались мнимой чистотой своих идентичности и исключительности, будто бы дарованных свыше.

Один из корешков, самый чахлый и маленький, в прошлом мечтающий преобразиться в прекрасную розу, но почему-то отвергнутый цветами, вонзил хоботок в это засты-

вающее месиво и начал с голодным остервенением всасывать чудовищную энергию, стремительно увеличиваясь в размерах. Он не был похож на миллионы других сорняков, в нём вибрировали идеи, позволяющие ему стать Властелином мира. Лидер сорняков чётко знал, когда и на какие клавиши следует нажимать на старом расстроенном рояле, установленном прямо посередине поля. Регулярно играя на инструменте, он собирал вокруг себя людей, ставших бывшими людьми, обращая их в беспощадных убийц, обладающих уродливыми формами чувств величия и справедливости. Скрючившись, как засохшие коряги, скрестившись между собой, эти два понятия стояли на почётном месте в жилищах одурманенных и ослепших калек, превращаясь для них в нового идола. На изваянии, напоминающем крест, по-прежнему был распят Иисус, но с виду какой-то странный, изогнутый в разные стороны, не способный притягивать солнечный свет на поле с уже пожухшими ромашками и высохшими георгинами.

«Факелов сюда, огня побольше! – крикнул своим соратникам Главный сорняк. – Мне надо заглянуть в глаза ликующей Злости!». Подбадриваемая сторонниками, главная виновница торжества, выпятив грудь, шагала во главе колонны, совершающей победоносный марш, ступая начищенными до блеска сапогами по трупам цветов.

Факелы зажглись тысячами огней. Теперь уже не нужно было солнце. Жарко пылающий огонь решил заменить жал-

кое светило. Так думал Лидер сорняков, и так думали они, похожие на людей, безропотно следуя за вождём. В этот момент блеск от одного из факелов неожиданно ударил наотмашь необычным, не похожим на других светом и сорвал занавес с ликующей Злости. Но, вместо того чтобы показаться в ореоле победного триумфа держащей красно-чёрный флаг с пляшущим символом, обозначающим круговорот Вселенной, она предстала тщедушной и испуганной крохотной карлицей, готовой от стыда провалиться сквозь землю. Неистовство красок под брызгами света сменилось серостью. Сила разума сжала жёлтый комочек бессилия на её уродливом силуэте. Злость могла вызвать в этом состоянии только улыбку перед Вечностью бытия, проносющейся по ней на радужной колеснице.

Когда янтарная пыль, веером взлетающая из-под колесницы, улеглась, всё вернулось на круги своя. И замечательное поле с цветами, и Доброта, и поднимающаяся с колен Жизнь, которая с омерзением отряхивала с себя кусочки уже никому не нужного бетона, отшвыривая их подальше от поля носком пыльного ботинка. Татуировки «Мы» слезали с кожи людей, обнажая надпись «Я», оставленную Богом при их рождении.

И только одинокий орёл, описывая в небе круги над полем в поисках очередной добычи, напоминал о чёрном периоде прошлого безвременья. С земли на орла смотрела розовощёкая, пышущая здоровьем История в белом полупрозрачном ситцевом платье. Она сидела, окружённая цветами, скре-

стив ноги перед собой, и, прикрывая глаза от солнца ладонью, ехидно похихикивала, видимо, зная о какой-то тайне, о которой не догадывались люди...

Пророк

Не был б пророк пророком –
Не жил бы одиноко,
А был бы в браке, в фраке,

Питался бы как Бог.

И на столе икорка.
Вино, кино, танцорка,
А рядом, в полумраке –
Плывущий осьминог.

И денег в банке куча,
И яхточка плавуча,
И статус олигарха,
И жизнь на полных сто.

Но был пророк пророком.
И вышли ему боком
Дырявая рубаха
И выигрыш в Спортлото.

Шесть циферок в билете –
И все они в дуплете.
Тайны мироздания,
Секретный супершифр.

И жизнь теперь – дорога.
Судьбина педагога.
В части предсказания,
Что, где, за кем идёт...

А деньги обнулились.
В глазницах растворились.

Ведь там, где мысль пророка, –
Их близко даже нет.

Там на границах мира
Душевного эфира
Всевышнего истока
Не слышат звон монет.

P. S.

Пророком можешь ты не быть,
Но человеком быть обязан.
Но если ты уже пророк,
То путь назад тебе заказан.

Коряги

*Я создам места, где буду останавливать для вас
время.*

*В них вы будете собирать крупницы счастья,
чтобы потом, в конце пути,
любоваться собранными бусинами,
только тогда поняв, что именно из них состояла
ваша жизнь.*

Съёжившись под солнечными лучами, превращаясь в старых дряхлых стариков, вынесенные прибоем из моря коряги нежились на узкой полоске дикого галечного черноморского пляжа. Облюбовав именно это укромное местечко в подковообразной бухте, подальше от городской суеты, они захватили практически всё свободное пространство между морем и отвесным скалистым берегом, который возвышался на рас-

стоянии десятка метров от воды. Приняв разнообразные позы, подперев голову плоскими гольшами, коряги задумчиво созерцали белоснежные барханы волн, набегающих на шершавую кромку суши. Достигнув границы, подмигнув старым знакомым, пенящиеся завитушки склоняли головы и как по команде растворялись в водном царстве Нептуна.

Накрываясь от холодного ветра одеялами, сотканными из мудрости и усталости, деревянные долгожители вспоминали безжалостные шторма, швырявшие их в разные стороны, холодные и тёплые течения, уносившие их в разные части Чёрного моря; величаво и гордо проплывающие корабли, которые не обращали внимания на попадающийся на пути жалкий мусор из прогнивших палок и оторвавшихся досок. Наконец, остепенившись и поняв со временем, что нет в мире кисельных берегов и молочных рек, коряги перестали искать лучшей доли и решили закончить свой долгий нелёгкий путь в бухте маленького приморского городка.

Приятные раздумья, всплывающие им в голову в минуты сладкой дневной дрёмы, оборвали голоса двух людей, которые спустились на пляж с городского бульвара по узкой извилистой тропинке, вдоль которой росли ветвистые сосны с убегающими вверх иголками. Цепляясь руками за вылезавшие наружу корни деревьев, опираясь ногами на вырастающие из-под земли камни, он и она, с весёлыми подбадривающими криками, практически на пятой точке съехали по пологим скалам.

Не догадываясь, зачем потревожили покой их лежбища в это апрельское, совсем не жаркое утро, коряги, вытянув тонкие морщинистые змеиные шеи, во все глаза уставились на неожиданных веселых гостей, внесших сумбур в спокойное и умиротворенное течение их жизни.

Мужчина положил на огромный круглый валун большую пустую базарную сумку, которая сразу потеряла объём и вместе с ним респектабельный вид. Пугливо прижавшись к низу, втянув в себя бока и выпустив наружу остатки воздуха, сумка обречённо вздохнула и приготовилась ждать очередного наполнения. Такова была её, в прямом смысле этого слова, нелёгкая доля – переносить большие грузы, в отличие от её дальних родственников – изящных женских клатчей и косметичек. Женщина, тем временем, опустив глаза, начала скрупулёзно изучать берег, выискивая выброшенные на него ракушки и оригинальные по внешнему виду камешки.

Мужчина вслед за подругой принялся перебирать лежащие под ногами коряги. Он по одной высоко поднимал их к небу, чтобы на голубом прозрачном фоне рассмотреть со всех сторон изящные изогнутые линии, созданные неизвестным скульптором.

Так двое на пляже, словно по мановению волшебной палочки, превращались из праздно гуляющих по бульвару отдыхающих в ценителей природной красоты, ища в ней скрытые смыслы, известные только им обоим. Коряги угрюмо, с укором, но при этом испытывая явный интерес, глядели на

эту парочку, наблюдая, как они показывают друг другу приглянувшиеся находки.

Иногда она восторженно вскрикивала, отыскивая среди камней куриного божка – камешек с дырочкой посередине. Ей казалось, что чем больше она соберёт их сегодня, тем больше притянет счастья в будущем. Женщина вспоминала, что когда была совсем маленькой и отдыхала в пионерлагере, она так же, как и сейчас, собирала на пляже подобные камни. Мысли её уносили туда, на каспийское побережье, в советскую беззаботную жизнь, когда деревья были большими и лето жарче. Галька радостно и податливо скрипела под ногами, вступая в резонанс с романтическим настроением парочки. Шипящие пузырьки на кромках волн, переливаясь под солнечными лучами, создавали в этом скрытом от посторонних глаз месте фантастическую атмосферу отрешённости от остального мира. Время, постоянно куда-то спешащее и суетливое, незаметно спустившееся вместе с этими двумя, остановилось и застыло, погрузившись в глубокомысленные раздумья о своей роли во всем происходящем.

Но всё имеет начало и конец, таковы законы Вселенной, и поэтическая атмосфера, пропитавшая собой дикий пляж, постепенно теряла силу и улетучивалась. Ласковый ветер нежно растворял её в бухте и трогательно уносил далеко в открытое море. Мужчина, выбрав и уложив около двух десятков коряг в сумку, и женщина, собрав массивную горсть камней и ракушек, стали собираться домой, чтобы за несколь-

ко километров от этого места создать с помощью найденных экспонатов свой собственный мир и попытаться самим стать в нём в некоторой степени богами... И лишь неотобранные коряги, которые остались лежать на пляже, грустно провожали взглядом карабкающиеся наверх фигуры, не зная, радоваться или переживать за своих собратьев, лежащих в сумке...

Я откажусь от дум греховных...

Я откажусь от дум греховных,
От мыслей тёмных, плутовских.
Вберу в себя весь мир огромный,

Светя копной волос седых.

И в этом мире витьеватом
Я стану Богом и рабом.
Не гением, не супостатом,
Не пациентом, не врачом.

Я солнце – рай повешу сверху,
В земле зарю сущий ад.
Создам я горы на потеху
И разобью повсюду сад.

Моря залью в пустые ниши,
Построю с чувством города.
Людей слеплю и дам им крыши –
И пусть живут они всегда.

А сам усядусь я в сторонке,
Чтоб не мешать моим здесь жить.
И стану наблюдать с галёрки,
Как дети учатся творить.

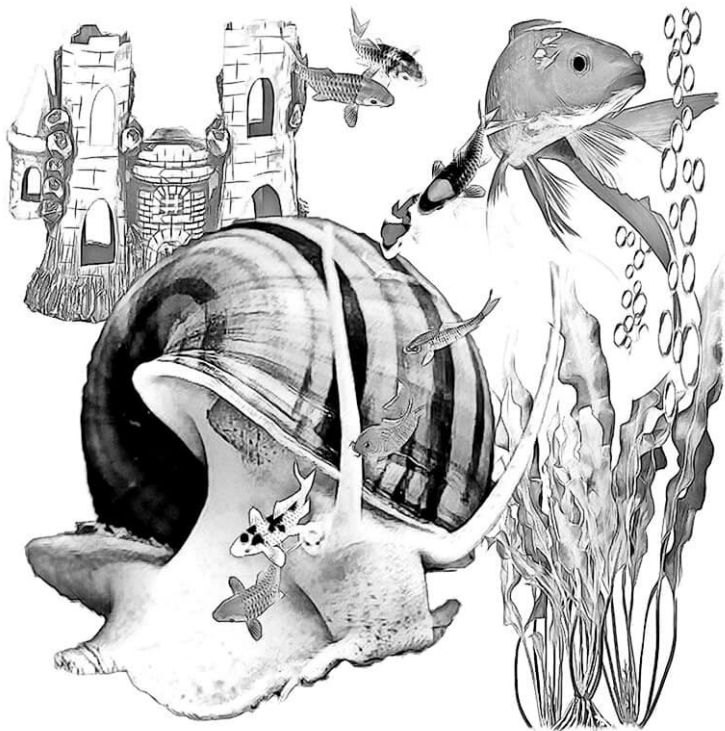
Улитка

*Я наделю каждую частичку мироздания
движением*

И во всяком идущем размещу секрет покоя.

Чтобы избранные могли разгадать его

И поделиться этой тайной с другими.

Круглая улитка ампулярия, тяжело неся закрученный в спираль жёлтый панцирь, медленно ползла из одной части аквариума в другую. Распластывая бесформенное склизкое тело, она присасывалась к гладкой стеклянной поверхности, ощупывая возникающее впереди пространство двумя длинными-предлинными усами. Они, словно хлысты в умелых руках факира, сделал невероятный пируэт, напоминающий

волну, лениво ложились на поверхность и вновь величаво поднимались вверх.

В улиточном мозгу напрочь отсутствовали мысли каким-либо образом ускорить свою медленную прогулку, а тем более взлететь, как делали её ближайшие соседи – сомики-анциструсы. Ей было вполне достаточно того, что она имела. Два раза в день сверху до неё добирался не съеденный рыбками корм. Помпа с фильтром жадно прогоняла через себя воду, отдавая её обратно толстой струёй. Через четырёхмиллиметровую трубочку насос с чувством глубокого благоговения насыщал аквариум кислородом. По этому спасительному каналу, вставленному сбоку в агрегат, всасываемый с шумом воздух создавал пузырьки. Прозрачные шарики устремлялись в самый центр зеркальной глади и там со спокойным сердцем растворялись, выполнив свою миссию.

Зелёные и фиолетовые искусственные растения, вытянувшись вверх вместе с живыми кустами роголистника, плавно раскачивались и внушали населению водного царства спокойствие и умиротворение. Лежащий на дне грунт в виде микроскопических камешков тёмной и светлой раскрасок добавлял в картину оттенки стабильности и вечности. Что ещё было нужно для счастья задумчивой страннице в созданном кем-то спокойном и сказочном мирке, отгороженном от внешней Вселенной прозрачными стёклами?

Изредка открывая пошире рот, вырисовывая им букву «О», улитка демонстрировала великое блаженство всем, кто

находился по ту сторону экрана. Так, день за днём, месяц за месяцем, проходило Время, которое янтарное ползающее существо умудрилось укротить, как циркового льва, подчинив витиеватым движениям своих усов. Независимость и прямота четвёртого измерения дрогнули, достигнув самой середины спиралевидного панциря улитки. Время, словно ребёнок в детском саду, пододвинуло под себя маленький стульчик, село на него и, подперев кулачками голову, стало наблюдать за медленными движениями обитателей стеклянной прямоугольной банки. К улитке изредка подплывали рыбки, то ли поражаясь её царственному цвету, то ли желая спросить о секрете излучаемого счастья. Но рыбий и улиточный языки не совпадали, и разноцветным пецилиям приходилось довольствоваться тишиной, рождённой под толщей воды. Застывшее безмолвие служило отличным помощником в общении разных особей между собой. Оно ненамеренно создавало внутри аквариума сакральное молчаливое братство, со своими обязательными правилами и традициями.

Чуть дальше, в глубине аквариума, величаво стоял массивный замок с тремя башнями. Лучи падающего света с осторожностью освещали его многочисленные тёмные окна и двери, не решаясь в полную силу использовать свои ватты. Аккуратно, чуть касаясь полукруглых частей замка, свет только усиливал флёр таинственности, нависший вуалью над подводным домом. Рыбки, проплывая возле его стен стайка-

ми, надеялись, что созданный временный интеллект множества способен сплести паутину нового разума, который будет в состоянии разгадать тайну мистического строения. И только одна жёлтая улитка, хмыкая себе в усы, ползла мимо. Ей не было дела до чужого интереса.

Свою энигму мироздания она давно познала, раскрыв природу целого и найдя в нём своё скромное местечко. Единственной ценностью для наполненного философским смыслом моллюска было движение. Движение неторопливое, со стороны кажущееся ленивым и бессмысленным. Но именно это постоянное скольжение пронзало стрелой мрак и обнажало свет...

Свет, который вдруг стал ярче. Звякнула стеклянная крышка аквариума, и сверху на дно начал опускаться круглый ломтик кабачка. Деликатес был привязан леской к массивной шестигранной гайке, и его погружение было предрешиено свыше. Улитка ампулярия, скинув с себя ореол мудрости, бросилась всей своей бесформенной массой вперёд, на лету всасывая распыляющиеся по стеклу слюни. Материальные слабости не были чужды солнечному комочку. Чуть не заснувшее до этого Время открыло глаза, покачало головой и, вспомнив про свои прямые обязанности, опять побежало безошибочно отсчитывать секунды и минуты – тик-так, тик-так...

Я дух бы перевёл...

Я дух бы перевёл,
Заснул бы на минутку.
И мысль свою оплёл
Цепями не на шутку.

И в этом быстром сне
Я повстречал блаженство,
На самом лёжа дне,
Достигнув совершенства.

Смотря на мир с конца
И чувствуя начало,
Постиг бы я Отца,
И что его терзало,

Когда он создавал
Всё сущее на свете,
Переведя в астрал
Молчание в сюжете.

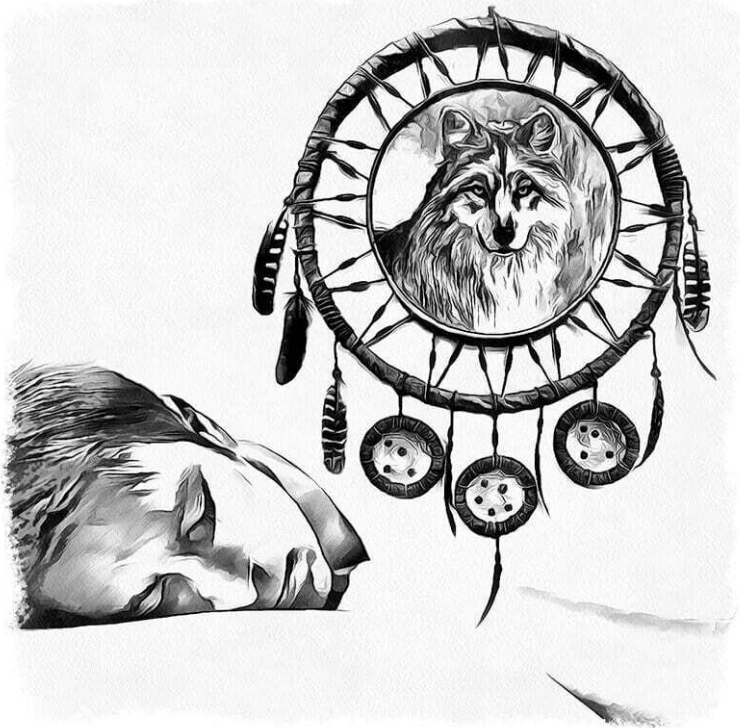
Я дух бы перевёл
И с Богом пообщался,
И Библию прочёл,
Хотя бы попытался.

Но свет в моей душе
Там был чернее тучи.
Я, будто в мираже,
Лежал в навозной куче.

Проснулся я в поту.
Мне это всё приснилось.
Воздвигнуть красоту
Во сне не получилось.

СНЫ

*Бог ввергает людей в сон,
Пытаясь открыть для них новую реальность.
При этом он предлагает на выбор роль зрителя
или режиссёра.
И делает всё максимально мягко,
Чтобы, когда придёт последний час,
Такое кино не стало для людей шоком.*

Сегодня сны, словно морские волны, накатывали на моё ничем не прикрытое сознание. Они пенились, поднимая со дна детские страхи, обрывки воспоминаний и затонувшие глубоко внутренние чувства. Смешивая их в адский коктейль, грёзы выстраивались в кинематографический ряд, прокручивая плёнку на уже не новом кинопроекторе, с некоторыми сломанными деталями.

Почему-то, просыпаясь через каждые два часа и не давая безвозвратно уплыть подробностям сна, я восстанавливал в памяти кадры недавно увиденного кино, удивляясь темам ночных погружений, выбранным Морфеем. Лица персонажей, участвующих в съёмках, были определены на кастинге, видимо, таким образом, чтобы деликатно встряхнуть весь спектр моих нервных окончаний. Мне виделся и генсек Советского Союза Леонид Ильич Брежнев, которого я спасал от погони, и кавказцы, наезжающие на меня из-за торговой площади. В общем, сегодня мне были предложены из меню сновидений только самые изысканные блюда, дабы потешить вкусовые рецепторы на полную катушку.

Единственный вопрос, возникающий после очередного пробуждения, – зачем, с какой целью меня и вместе со мной миллиарды людей добрый Бог ввергает каждый день в сон? В это фантастическое царство теней и образов, которые человек почти всегда забывает после возвращения в реальный мир. Может, чтобы заполнить пустоты времени, пока тело отдыхает? А возможно, Господь истошно кричит прямо перед моим лицом, желая предупредить о надвигающейся опасности или поскорее обрадовать вестью о скором радостном событии. Однако люди, в большинстве своём далёкие от мистического, просто не понимают его языка. Или он так готовит нас к той жизни за гранью, в которую мы стройными рядами по расписанию свыше скоро уйдём, оставив материальное будущим поколениям? Отправимся в мир иной наги-

шом, как и пришли, взяв с собой только обрывки воспоминаний и приобретённую щепоточку эмоций...

Вопросы, вопросы... Они лишь щекочут внутренности логики, не давая ей расслабиться и наконец сплести свои колечки в золотую однозначную цепь. За один конец которой буду крепко держаться я, а другой зацеплю за хитроумную корягу на морском дне. И, понимая, что эта связь уже навечно, я наберу побольше воздуха и нырну в синеватые беспокойные воды океана. На глубине, погружаясь, как заправский ныряльщик, и опускаясь все глубже и глубже, я буду перебирать руками натянутую цепочку и в конце, на дне, достигну цели своей любознательности.

На той коряге кем-то гвоздём будет нацарапан ответ на мой вопрос. Я прочту его и со спокойным сердцем провалюсь в ещё более глубокий сон. И ничто меня больше не потревожит – ни лай собаки, ни первые петухи, ни даже солнечные лучи, проникающие через задвинутые на окна шторы. Морфей тем временем, как всегда, скомкает снежок из непонятных картинок и запустит его в распластанное на кровати тело...

Бац! И вдруг красочный снаряд, предназначенный исключительно для меня, пролетит мимо. Такие казусы иногда случаются с божеством, отвечающим за сон. Снежок просвистит выше и вонзится прямо в центр Ловца снов, который висит на стене. Чёрный метровый круг, обтянутый бархатистым материалом, конечно, больше напоминает искусное панно,

чем оберег, защищающий от злых духов и притягивающий приятные сновидения.

Но тренды современности и модернизма несколько не повлияли на его функциональность. Ловец снов по-прежнему, как в далёкие времена у индейцев, строго фильтрует картинки, пытающиеся проникнуть в голову спящего. Свисающие на тонких тесёмочках перья, – то ли утиные, то ли страусиные, медленно колышутся от дуновения ветерка, проникающего в открытую форточку.

«Разгоняй, разгоняй плохое», – думает моя душа, временно отлученная от тела на период сна. «Приманивай, приманивай хорошее», – продолжает она гипнотизировать индейский оберег. Но запущенный Морфеем снежок всё же разбудил голубоглазую волчицу, нарисованную в самом центре ловца снов. Хищница грозно окинула взглядом окружающую её обстановку, одним только своим видом распугав не только ночные кошмары, но и хорошие сновидения.

Очередь из ночных грёз, до этого спокойно ожидавшая своего часа, чтобы проникнуть в меня, разбежалась. Они побросали куда попало красивые плакаты, таблички с крылатыми фразами, цветные фотографии, оставив весь этот уже никому не нужный наглядный материал лежать на площади возле входа в спящий мозг. Лишь только моё Сознание осталось стоять одно-одинёшенько в самом центре открытого пространства. Оно ни на секунду не испугалось грозного взгляда волчицы. Улыбнувшись ей, Сознание сразу дало по-

нять клыкастому зверю, кто в доме хозяин.

Взяв душу за руку, оно вошло в меня, чтобы уже осознанно продолжить путешествие в царство Морфея. Теперь именно моё Сознание стало главным режиссёром, и там, во сне, на правах начальника оно выбросило в корзину все остальные сценарии. Усевшись на складной стул с соответствующей надписью, Сознание дало отмашку своим ассистентам.

Стукнула кинохлопушка... Поехали! Сцена первая, дубль первый...

Однажды Логика потеряна была...

Однажды Логика потеряна была,
А Истина заснула ненароком.
И только Ярость почему-то не спала,

Себя явив единственным пророком.

Посуду била, шельма, в голос матерясь,
С себя срывая чёрную рубаху.
И по квартире с криками «Атас!» носясь,
На всех домашних нагоняла страху.

И все дрожали, даже писались в штаны,
Менять бельё в пылу не успевали.
И вслед за Яростью кричали: «Пацаны!»
И кулаки до кровушки сжимали.

Но как-то вдруг ворвался лучик солнца в дом,
И Ярость поняла, что проиграла.
И все домашние, усевшись за столом,
С трудом из головы повынимали жало.

Нечто и Ничто

Не стоит сетовать на мир Божий.

Господь – творец.

И, как любой создатель,

*Он постоянно стремится к идеальному
совершенству своего детища,*

Время от времени внося в него некоторые правки.

Иной раз на меня накатывает осознание, что мир вокруг теряет закономерность и связанность. Разумность происходящих явлений рушится на глазах, превращаясь в пыль, разлетающуюся в разные стороны при дуновении даже небольшого ветерка. На гладкой поверхности, на которой секунду назад стояли стройные здания из железа и стекла, символизирующие незыблемый порядок вещей, не остаётся ни лома-

ного гвоздя, ни разбитого стёклышка от бывшего величия мироздания. Такие понятия, как жизнь и смерть, природа и человек, любовь и ненависть, подвергаются в моих глазах сомнению – в факте своего существования в каком угодно виде вообще. Не остаётся ничего, лишь только чистый лист ватмана с некими нечёткими координатами, как бы предлагающий самостоятельно заполнить площадь и нарисовать предметы по своему желанию.

Видимо, такая дилемма стояла перед Богом в начале сотворения мира, и он с успехом справился с ней. Но потом, решив показать всю сложность строительства, взял ластик и стёр проект ненадолго, понарошку, в мозгу выбранного индивида. Затем вытер руки грязной замасленной тряпкой и, посмотрев на меня со своей обычной игривой многозначительной улыбкой, сказал:

– А теперь попробуй ты... – и, развернувшись, ушёл шаркающей походкой всезнающего деда.

Оставшись один, я услышал шум. Нечто, топоча ножками, стучась в закрытую дверь, просилось внутрь меня, стремясь заполнить освободившееся пространство. Впустить его значило перечеркнуть всё то, что с такими усилиями строил Бог. Склонясь над чертёжным столом, он по ночам скрупулёзно вычерчивал мелкие детали окружающего мира, чтобы порадовать людей, нарисованных в самом центре белого листа. Но, с другой стороны, честная конкуренция всегда приводила к хорошим последствиям, стимулируя тех, кто решил

затормозить развитие и присесть отдохнуть на завалинке.

Сдвинув засов, я открыл скрипучую дверь и впустил Нечто, дав ему шанс покуролесить в этом балагане беззакония и отсутствия всяких правил. Успокаивало меня лишь то, что эта вакханалия будет твориться недолго. И я скоро вернусь в свой обычный тёплый и пушистый мир, с привычным Богом, с рождением и смертью, с чувствами и эмоциями, согревающими нас, людей, а заодно и наши души.

Нечто тем временем, почувствовав мою нерешительность, начало делать то, чего я никак не предполагал. Оно принялось рвать на мелкие кусочки ватман. Ключки бумаги разных форм и размеров разлетались во все стороны. Они убегали друг от друга, словно ужаленные, будто с самого рождения мечтали о свободе.

– Мы теперь будем делать всё, что захотим! – кричали огрызки листа. – Мы вольные птицы, куда пожелаем, туда и полетим. Нам не нужно единое и неделимое. Каждый из нас может построить свой мир и назначить в нём своего Бога!

Видя этот разгул независимости, Нечто начало с сатанинским упоением хохотать, глядя мне прямо в глаза.

– Свершилось, свершилось, я наконец-то разрушу этот мир, с его ненавистью и злобой, со смертью и горем, – слышалось от него, – зачем он нам такой нужен? Впитав столько крови, мироздание только с виду остаётся таким белоснежным. На самом деле оно чернее сажи и пахнет гнилостью сточных вод.

Видимо, в Нечто сидела большая обида, что на том ватмане, который весь был расчерчен линиями со стрелочками, треугольниками и кружочками, Бог не нашёл места для него. Тем временем кусочки бумаги всё падали и падали вниз, колыхаясь в разные стороны. Оркестр, до этого игравший «Венский вальс», закончил концерт. Музыканты встали со стульев и начали укладывать инструменты в большие чемоданы.

Нечто, озлобленное, но преисполненное чувством удовлетворённости от реализованной мести, начало постепенно превращаться из Нечто в Ничто. И когда превращение почти произошло, Нечто ужаснулось пустоте, которая посмотрела на него бесцветными глазами несуществующей Вселенной. Это было намного ужаснее того, пусть и несовершенно, проекта, который был нанесён на белый лист.

Нечто, опомнившись, быстро развернулось и, поймав за рукав уходящего деда, потянуло его обратно.

– Деда, деда, не уходи, останься, мне страшно...

Бог улыбнулся. Он и не собирался никуда уходить. Кивнув мне головой, дедушка показал на ватман, который уже восстановил свою былую монументальность. Я понял пожилого умудрённого опытом Господа и, взяв в руки карандаш, пририсовал в самом углу листа маленькую звёздочку, обозначающую Нечто, так и не успевшее превратиться в Ничто.

Мы цепи вяжем...

Мы цепи вяжем на границах мироздания,
Пытаясь для себя найти сакральный смысл.
В тумане жизни своего существования

Зажав в тисках судьбы единственную мысль.

Кто я в цепи, подарок Бога или никчёмность?
Оракул времени или временная гладь?
Держу на привязи свою я неуёмность,
Дабы другие не смогли её понять.

Шифруюсь, чтобы в шифре скрыть для всех печали
О тех мирах, которых нет для большинства.
Разбрасывая по стихам с трудом детали,
Я нарушаю все законы естества.

Но, будучи от абсолюта плоть от плоти,
По венам разгоняю с ярким чувством кровь.
Закованный в цепях, парю я в звездолёте,
Неся внутри него сомненья и любовь.

Колбаса

Мы вспоминаем...

Мы вспоминаем время, когда были друзьями,

*Не понимая, действительно ли тогда это были
мы?*

Электричка «Москва – Петушки», отдохнув буквально секунд двадцать на остановке «Платформа 105-й километр», с железным поросычьим визгом понеслась к станции «Покров». Немногочисленные пассажиры начали медленно подниматься с тёмно-коричневых сидений, скрипя коленками и распрямляя изогнутые в дугу позвоночники. Ещё бы, любой шарнирно-рычажный механизм, даже такой выносили-

вый, как человеческий, после двухчасового неподвижного положения реально может застояться.

Хоть и была Москва относительно близка от этих мест, но от людей требовались немалые усилия, чтобы попасть в неё и в тот же день живыми и здоровыми вернуться назад. Об этом, как никто другой, знала зелёная, не первой свежести, электричка, каждый день курсирующая между столицей и городком с птичьим именем.

Тем временем железная ящерица стала постепенно замедлять свой ход, наблюдая впереди увеличивающуюся в размерах платформу следующей остановки. Пассажиры потянулись поближе к тамбуру, устало волоча за собой большие сумки и рюкзаки. Четверо молодых людей, сидевших неподалеку от выхода, радостно подскочили со своих мест и начали суетливо готовиться к выходу вместе с остальными.

Молодость, видимо, хорошо знает своё дело, окрашивая в яркие цвета всё происходящее вокруг. Даже это утомительное путешествие для неё было чистой забавой, приятным развлечением, в такой, казалось, бесконечно длинной жизни. Вселившаяся в тех четверых Молодость разгоняла в их венах кровь, растягивала на лицах улыбки и пьянила игриво пенящимся шампанским радости. Розовые очки позволяли сглаживать воздвигнутые в начале девяностых в Союзе острые частоколы очередей в магазинах, талоны на сахар и колготки, карточки беженцев и москвичей. Через толстые стёкла можно было на многое не обращать внимания, а некото-

рое разглядывать, как через лупу.

Именно это свойство волшебных очков позволило всем четверым одновременно заметить на сидении одиноко лежащий целый батон докторской колбасы. Видимо, его забыл один из пассажиров, сошедших раньше. Как у всех приличных людей, а эти ребята, судя по всему, были вполне себе приличные, у них возникла жалость к тому, кто в это непростое время забыл еду. Последующие мысли были вполне адекватные и приправленные длинными слюнями, начинающими незримо свисать до самого пола электрички. Двое парней и две девушки начали переглядываться и шептаться друг с другом в поисках решения этой непростой задачи. Природная скромность не позволяла им вот так просто подойти и забрать этот аппетитный продукт.

Самой сообразительной среди них оказалась черноволосая, небольшого росточка, миниатюрная представительница слабого пола по имени Ира.

– Валера, Валера, ты забыл колбасу! – воскликнула она, обращаясь к брату. Тот недоумённо посмотрел на сестру. В это время железная ящерица уже стояла как вкопанная на перроне. Дверь вагона с шумом открылась. Это было сигналом для черноволосой. Словно дикая собака динго, она метнулась к колбасе. Вдогонку раздался крик Валеры:

– Ты сейчас уедешь в Петушки!

Этот отчаянный возглас так и повис красной рваной тряпочкой, развевающейся в потоках воздуха, возникших от

прыжка девушки. Ирина, практически в зубах держа сочный двухкилограммовый батон докторской, уже через мгновение была рядом с остальными на перроне.

Хоть Молодость и видывала виды, но с такой стремительностью ей пришлось столкнуться впервые. Компания, прихватив законную добычу, гордо пошагала к маленькому деревянному дому, расположенному в нескольких сотнях метров от станции. В нём они, несмотря на своё городское происхождение, раскочегарили русскую печь. И на неподъёмной чугунной сковородке Наталья, вторая девушка, зажарила толстые ломти колбасы. Затем обильно залила их яйцами. После приготовления пицци Богов, сидя за маленьким квадратным столом, ребята искреннее благодарили рассеянного гражданина, как бы извиняясь перед ним, что доедают его московский продукт.

В сторонке, возле массивной дверцы печки, на маленьком детском стульчике уютно расположилась Молодость, которая с умилением слушала весёлый разговор юношей и девушек. Треск горящих поленьев и приятная теплота от печки так разморили невидимую участницу дружного коллектива, что она заснула. В скором времени четвёрка, тихо прикрыв дверцу дома, уехала на электричке обратно в Москву, оставив царевну и дальше дремать в тёплой деревенской комнате.

Открыв после пробуждения глаза, Молодость увидела пустой одинокий стол. В это время компания уже подъезжала

к Златоглавой. Электричка лихо врезалась в высотные дома и суету столичных улиц, распугивая ворон и воробьев, восседающих на высоковольтных проводах. Молодые люди так и не поняли, что там, в покровском доме, они забыли что-то важное... Важное, которое уже всегда для них будет пахнуть жареной докторской колбасой с яйцами.

Оно

Не Божество, не разум, не природа
В строках моих находит дом родной.
И трепеща восторженно от кода,

Оно сливается с немой толпой.

Прохожие, идущие на плаху,
На казнь свою стремясь не опоздать,
Не замечают, как, надев рубаху,
Оно их учит в облаках летать.

Неся внутри частицы взвездного
И видя свет в местах, где сущий ад,
Себя не выдавая за святого,
Оно ведёт прохожих в райский сад.

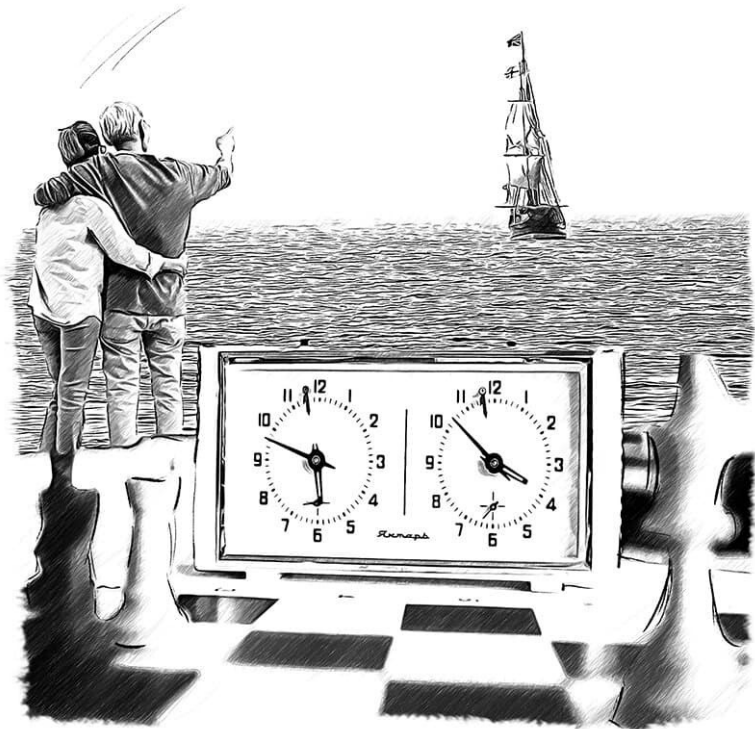
Там яблони цветут и пахнет мёдом,
От запаха цветов парит душа.
И Боги по одной тропе с народом
Вальяжно ходят, молча, не спеша.

И время спит в кустах, сопя неслышно.
Пространства нет, есть только Божий свет.
А мысли размножаются так пышно,
Ведь там для них совсем предела нет.

Хоть замки строй, хоть корабли, хоть горы,
Хоть посети с визитом красный Марс –
Оно в строках расширит кругозоры
И примет вас в "миллионы" новых царств.

Детство

*Детство ушло.
Ушло навсегда,
Оставив только музыку со школьного
выпускного вечера.
Я её слышу. Слышу ясно, будто сейчас ещё
нахожусь там...*

Там было детство, сути которого я не понимал. Там было время, которого я не замечал. Там не было Бога, о существовании которого я не догадывался. Там не было всего того, что сейчас наполняет мою жизнь. Но разве важно, что было и чего не было тогда? Там все были живы. Я мог дотронуться до них рукой и ощутить теплоту их тела. А сейчас?..

А сейчас я могу сделать то же самое, только в своих мыс-

лях. Мыслях, которые выскальзывают из моей головы и ложатся на чистое белое поле смартфона, преобразаясь в непонятные чёрные витиеватые закорючки. Эти букочки, слова и предложения называются русским языком. Но сможет ли он передать всю мою внутреннюю тоску и боль о времени, когда я был ребёнком?

Там было хорошо – да, там было что-то, к чему мы сейчас ни за что не хотели бы возвращаться – тоже да. Но тёмных красок было немного. Они практически не были заметны на картине, где преобладали яркие цвета, бьющие прямо в глаза.

Я опускаю веки и погружаюсь в сладостную дрему, наполненную воспоминаниями. Вот напротив сидит папа. Я никогда не называл его грубым словом «отец», потому что оно никак не вяжется с ним.

Мы играем с папой в шахматы. Белые квадратные шахматные часы «Янтарь» с двумя циферблатами попеременно радостно тикают, отсчитывая время, которое отведено каждому из играющих. Эти часы, я помню, подарил мне дядя Виталик. Он иногда навещался к нам из горного Кафана. Минутные стрелки постепенно поднимают красные флажочки, расположенные на цифрах «двенадцать». Тот, у кого флажок упадёт первым, – проиграет.

Подождите, остановитесь, я ещё не всё вспомнил! Мама пока не написала за меня сочинение для школы. Мне же надо получить хорошую оценку для аттестата.

Я только после узнаю, что эти пятерки и четвёрки никому не нужны. Отметки за успеваемость, выигранные олимпиады и прочие звёздочки на нашем скоростном детском истребителе – это лишь миф, придуманный взрослыми. Должны же дети к чему-то стремиться.

Но почему их не учат быть счастливыми? Нет такого предмета в школьной программе. До этого взрослые доходят сами, в большинстве случаев совершая критические ошибки в правописании. Счастье, словно юркая рыбка, снова и снова ускользает от них, уплывая в тёмную глубину океана жизни.

– Нептун, Нептун! Поймай её для меня, – кричит уже пузатый и лысоватый мужчина. Бог водной стихии хмурится. Ему неприятно, что какой-то жалкий человек о чём-то его просит.

– Сам лови, – коротко и по-военному отрезает он, – если тебя не научили в детстве – не моя в этом вина, – расставляет все точки над «і» Владыка морей.

Я возьму большой сачок и всё-таки поймаю золотую рыбку счастья. Но это будет потом, а пока... Пока я бегу, участвуя в соревнованиях на стадионе им. Ленина. Ленина – вождя, идола. Владимир Ильич подменил нашего Бога. Но разве нам было от этого плохо? Мы не знали о пролитой крови, расстрелах, ГУЛАГе... Обо всём том, что сейчас вызывает сомнения в правильности семидесятилетнего пути, по которому двигалась наша страна. Мы верили, просто верили. И от этого нам было хорошо.

Пятиконечные значки октябрят, красные галстуки пионеров, приём в комсомол. Как тогда мы переживали, что забудем о каком-то съезде партии. Перепутаем даты значимых событий, имена и отчества генсеков и ещё кучу важного. Но всё прошло. Пена поднялась на поверхность и исчезала с накатывающими волнами родного Каспийского моря. Осталась только теплота... Теплота родителей, бабушки и сестёр, которые делились ею со мной – ребёнком.

«Тик-так, тик-так», – идут стрелки на шахматных часах. Ход конём, а затем ход пешкой... Чёрно-белые квадратики строго разграничивают клетки поля детства, по которому мы шагаем, не вдаваясь в детали мира, уже надвигающегося на нас катком. Девяностые близко. Они скоро попытаются порвать картины, бережно написанные нашими родителями. Вкатившись в перестройку, а затем в развал Союза, мы быстро их перепишем заново. Купим втридорога новые краски и замажем яркие цвета. Их незачем выставлять напоказ, пусть останутся лежать под приглушенной менее привлекательной цветовой палитрой. Там, под слоями настоящего, будут обитать наши детские беззащитные души.

Перед тем как уйти спать, хотелось вспомнить, когда для меня закончилось детство? Видимо, тогда, на выпускном вечере...

Играет музыка, льющаяся из старого кассетного магнитофона. Вчерашние старшеклассники неистово танцуют в фойе школы. Мальчики и девочки хотят поскорее освобо-

диться от десятилетних оков, так нам казалось тогда, и вылететь на космические просторы самостоятельной жизни. Свобода сладостно кружит голову, маня к себе указательным пальцем.

«Поскорее, поскорее, осталось немного». Вскинутые вверх руки танцующих цепляются за невидимые верёвочные лестницы. Шаг за шагом мы поднимаемся всё выше и выше и ступаем на борт белоснежного лайнера, который вот-вот должен отплыть от причала детства. Капитан дает команду – «Отдать швартовы!» Корабль трогается, за бортом плещутся волны. На берегу стоят папа и мама. Они машут мне руками, украдкой вытирая слезинки с глаз. Всё, один из флажков на шахматных часах упал, одиноко свесив голову вниз. Это произошло на часах, отсчитывающих время папы. Я слышу свой голос:

– Мы больше никогда не увидимся?

– Нет-нет, что ты, родной. Пройдёт время, ты станешь взрослым и сравнишься с нами годами. А потом... Потом будет то, чего ты не должен бояться. Тогда мы все вместе обязательно встретимся, ведь родители никогда не оставляют своих детей...

Ты виноват, что не такой как я

Ты виноват, что не такой как я,
На всё ты смотришь как-то по-другому.
И в зеркале сегодняшнего дня,

Себя ты видишь явно по чудному.

Мне не понять как твой устроен мозг,
Где он свободен, где на цепь посажен.
И где тебе так важен внешний лоск,
Когда труслив ты, а когда бесстрашен.

Меж нами просто пропасть пролегла,
И там на дне осколки нашей дружбы.
А мост сожжён уже давно до тла,
И диалог обоим нам не нужен.

Ну что война? Мы к этому пришли?
И мир, пусть катится к чертям собачим?
А лица светлые лежат в пыли,
Как прошлый реквизит деньков ребячих.

Но стоп, постойте, есть же Бог!
Он должен нас обоих образумить,
И в споре нашем подвести итог,
Возникшему кровавому безумью.

Сглаз

*Мир хрупок и кишит чёрными лебедями,
Пролетающими внезапно, не спрашивая на то
разрешения.*

*Главное, чтобы в этот момент рядом находился
тот,*

Кто закроет тебя широким белым крылом.

*А ты зажмуришь глаза и погрузишься на время
в это ласковое море перьев.*

«Сглазили. Ей Богу, сглазили», – прошептал про себя Митрофан Кузьмич, распластанный в постели, прислушиваясь к полнейшей разбалансировке своего человеческого скафандра.

Болело, тянуло, поджимало буквально везде, будто ранее сверхпрактичная одежда, идеально подогнанная под мужчину, стала внезапно в каких-то местах мала, в других – растя-

нулась до безобразных размеров. Там, где ещё лет двадцать – тридцать назад явно проявлялись шашечки, как у быстроходного элитного такси, выпер кругленький животик, похожий, ну, если не на футбольный, так точно на гандбольный мяч.

Стройный, разглаженный, с иголочки костюм стал кое-где помятым и, стыдно даже сказать, потёртым от каждодневной носки. Стирай – не стирай, лучше не будет. Гладь – не гладь, результата не увидишь. Приходилось немного горбиться, чтобы с трудом влезать в скукоженную продукцию фабрики «Большевичка», купленную ещё в советское время в ГУМе.

Пластмассовые чёрные пуговицы то и дело отрывались в самый ответственный момент, на важной, жизненнополагающей встрече. Падающие кругляшки закатывались под стул и исчезали в серебристой паутине времени. Их поиски ничего не давали, ведь глаза уже стали не те, а очки, к несчастью, были забыты дома.

Приходилось пришивать вместо пуговиц красно-синие застёжки, отчего скафандр стал напоминать скорее наряд клоуна, чем строгий смокинг. А бабочка, предательница бабочка, величаво опоясывающая воротник и всегда сопровождающая Митрофана Кузьмича в походах, внезапно, расправив крылья, улетела, отвесив хозяину мясистый воздушный поцелуй. Стало понятно, что именно она придавала космонавту исключительный шарм и это на её свечение слетались мо-

тыльки женского пола.

Корабль, на котором воздухоплаватель бороздил околоземное пространство, вместе с капитаном постарел, зачах и периодически давал сбои. Гордая единичка, красующаяся на обшивке, перестала символизировать лидерство и стыдливо перешла в разряд исторических экспонатов. Колёса стёрлись, днище поржавело, а жёлтая краска отслоилась, обнажив настолько тонкое железо, что дырочку в нём можно было проковырять хоть гвоздиком.

«Сглазили, в этот прошедший субботний день, определённо сглазили», – уже в полный голос произнёс Митя, вспоминая о том, как, надев на скафандр белую рубашку и такого же цвета парусиновые брюки, он пошёл на концерт. Мужчина даже позаботился об обуви, не из деревни же... Сливового тона сандалии с белыми носками однозначно указывали на утончённый вкус и несколько ранимую душу Митрофана Кузьмича.

Кепка а ля гольфист, с широким козырьком от солнца, придавала образу внутреннюю уверенность и некую загадочность. Головной убор как бы ставил аккуратное многоточие в конце длинного романа, наполненного событиями и жизненными горками.

Последующий эпилог произведения указывал на успех, здоровье и даже в некотором роде целомудренность представленной окружающим картинке.

Концерт, посвящённый памяти знаменитого поэта, был

под стать внешнему облику мужчины. Проникновенные стихи, душевные песни, романтическое расположение духа у людей в зале – всё это создавало атмосферу брызжущего изо всех ушей подлинного творчества, которое погружало зрителей в море высокого искусства.

Но, видимо, на чистой странице, жаждущей впитать в себя гениальные слова, в уголке ненароком была поставлена еле заметная клякса. Оглядевшись, она выбрала Митю в качестве объекта для приёма злой энергии. Тогда же его старый скафандр и получил роковое повреждение.

«Фьють!» – и стрела, начинённая ядом, махом вонзилась в мягкое податливое тело. Быстренько прошла кожу, обильные слои жира и очутилась в девственном пространстве, где внутренние органы круглосуточно несли нелёгкую трудовую вахту поддержки жизнедеятельности уже немолодого организма. А так как стрела была изготовлена из тонкой невидимой материи, то коварства агрессора Митя совершенно не почувствовал.

Даже аура мужчины, окрашенная в этот момент в фиолетовые цвета и предназначенная для защиты скафандра как раз от подобных случаев, прозевала удар противника. Её радары были в этот момент глухи, сосредоточившись на том, как соловьи-стихотворцы со сцены, сменяя друг за друга, заплетали слова в рифмы, приправляя их обильными специями глубоких смыслов.

Но свет погас, концерт был окончен, опьянённый флюи-

дами поэзии народ разошёлся. Митрофан Кузьмич вернулся домой и понял – что-то не то... «Не то» постепенно начало шалить, то выключая, то включая тумблеры подпитки энергии у механизмов скафандра. Моторы то на мгновение глохли, то также неожиданно начинали работать, вызывая понятное беспокойство «Гагарина».

Ничего не помогало – ни пилюли, ни капли, ни медитация. Фразы, произнесённые с придыханием: «Всё будет хорошо! Всё будет хорошо!...», тонули, как топоры у нерадивых плотников, пытающихся состругать идеального Буратино. Инструмент для этой ювелирной работы был выбран мужиками совершенно неподходящий.

Интервалы между дискомфортными светопрествлениями всё сокращались и сокращались. Настроение падало под весом болезненных симптомов, уже не влезающих в тележку минимального набора хронических проблем.

Но спасение пришло, откуда и всегда приходило к Митрофану Кузьмичу – от жены, с которой он прожил более тридцати лет. Вместе они прошли огонь, воду, медные трубы и съели пуд соли. Именно эта соль, зажатая в пальцах и проведённая супругой по кругу над головой мужчины и брошенная после в огонь, сделала своё благодатное дело.

Крупинки кристалликов моментально превратились в яркие искорки, которые весело падали на газовую плиту, звонко треща и перегоняя сородичей. Видимо, они так охали и ахали, растворяя негативные стрелы в организме Мити и од-

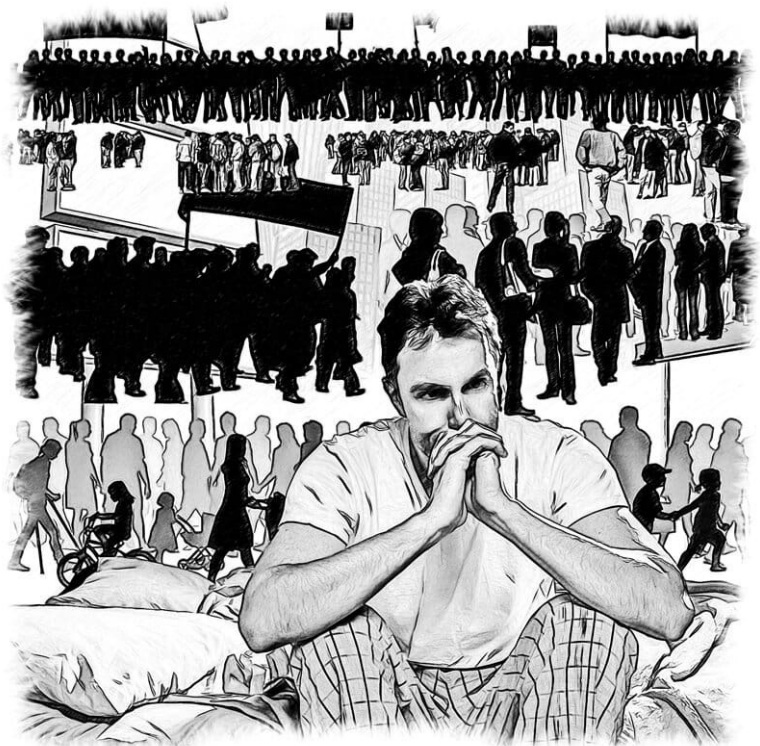
новременно дивясь несовершенству человеческого скафандра.

Молитва, произнесённая женой шёпотом, завершила профилактический ремонт организма мужчины. Внутренние двигатели вновь сладостно заурчали. Щёки налились румянцем. В теле появилась упругость.

И мир, до этого серый и унылый, вновь заиграл в глазах Митрофана Кузьмича разноцветными красками и бесстыже запахом фиалками.

«Ещё поживём», – сказал космонавт, поправляя складки скафандра на животе. «А что у нас на ужин?» – продолжил Митя, обращаясь к своей преданной подруге.

В чём тебе не повезло?

В чём тебе не повезло?
В том, что ты не стал собою?
В том, что всем смертям назло

Был отвергнут тишиною?

И геройский твой портрет
Не повесят в зале славы,
А бездарный жалкий бред –
Шум лишь ветра для державы?

Ты сливаешься с толпой,
Становясь единой массой.
И бесформенной средой –
Той, что трётся возле кассы.

Ты звезду свою давно
Променял на бублик с дыркой.
Опустился с ним на дно,
Со стандартной блеклой биркой.

Не смирясь с такой судьбой,
Ты лежишь в морском отеле.
Страстно споря сам с собой:
Кто ты есть на самом деле?

Пустота

Пустота охотится за человеком, настигает и съедает его.

*Ибо человек слаб и не в силах ей противостоять.
Но Бог дал нам слабость не для того, чтобы мы
стали жертвами.*

*А для того, чтобы через слабость мы
почувствовали могущество Всевышнего.
И стали такими же сильными, как Он.*

Пустота накрыла меня внезапно, без предупреждения, выбежав из-за угла. Она вытащила огромный револьвер, заряженный пустыми пулями, и – «Бах!» – выстрел.

Серебристый металл с запахом оружейной смазки вонзился в моё сердце. Разорвавшись, пуля выпустила наружу миллионы прозрачных микробов, от которых веяло холодом и бездушием. Микроскопические твари вцепились в мою

плоть и с победоносными криками начали целенаправленно поедать её, с чувством брезгливости выплёвывая непрожёванные кусочки.

Пространство внутри меня постепенно пустело, превращаясь в тлен, а затем совсем исчезло из видимости в материальном мире. Ветер, почувствовав свободу, решил прогуляться на этом просторе, напевая морскую матерную песню, которую подхватывали радостные, наевшиеся от пуза микробы. Ощувив прилив свежего воздуха, они начали размножаться, расширяя площадь пустоты.

Было настолько зябко и одиноко, что захотелось стать ещё более несчастным и ненужным для окружающего мира, в котором моё тело нашло временный приют.

И мне это удалось. Я превратился в чёрную точку, утонувшую на бескрайнем белом листе бумаги. И достигнув самого дна падения, почувствовав стопами склизкий песок вперемешку со змеящимися водорослями, я оттолкнулся от грунта, всплыв обратно на поверхность.

Солнце ударило в глаза, как родители бьют своего ребёнка по щеке, чтобы он не творил глупостей. Мир, окрашенный исключительно в тёмные тона, посветлел, улыбнувшись мне доброй улыбкой. Микробы, с удивлением увидевшие перемену, перестали быть микробами и превратились в муравьёв, восстанавливающих разрушенное жилище. Пустота, поняв, что не справилась с жертвой, махнула на меня рукой и ушла туда, откуда пришла.

Я остался один, поняв, что моё существование даровано Богом, и, значит, имеет смысл. А Пустота, стрелявшая в меня – всего лишь точка, после которой начинается следующее предложение – продолжение. «Продолжение! Продолжение!» – крикнул вдруг писатель, решив не заканчивать рассказ о Пустоте. Всё это время он жил внутри меня, практически никогда не показываясь наружу. Находясь в тени, писатель прятался, скрывался, маскировался под случайного гостя, зашедшего на огонёк. Но, видимо, накипело, и его отныне не устраивала роль бессловесного наблюдателя. Он решил стать главным...

Смена власти произошла безболезненно и мирно, по-обыденному. Я спокойно отошёл на второй план. А его больше интересовало не моё счастливое возвращение к привычной жизни, а то, что находится там, за горизонтом, где живёт Пустота. Поэтому первая строка в новом предложении превратилась в любопытство...

Оно пересилило страх, стало выше него, поднявшись незаметно на цыпочки. Выиграв в честном бою, чувство, постоянно стремящееся к познанию, прокричало: «Победа!» и село в пустой трамвай, покинутый микробами.

Любопытство, словно клейкая лента, цеплялось за всё – за поручни, за пыльные стёкла, за висевшую карту маршрута, откуда прибыла Пустота. Я тщетно пытался его оторвать, но оно было сильнее, тянуло и тянуло меня в неизвестность.

– Все сели? Поехали! – писклявым голосом произнёс

непонятно откуда взявшийся водитель, видимо, подосланный Пустотой.

Качаясь, как корабль на волнах, тархтя всеми частями своего железного тела, трамвайчик тронулся с места. Переваливаясь с одного ряда колёс на другой, он побрёл, опустив голову и не отвлекаясь по сторонам. Я сел на последнее сиденье, нацепив кепку, закрывшую мне козырьком пол-лица, скрестил руки и задумался. Мне захотелось немного скоротать время в поездке за размышлениями о жизни.

Но у моих мыслей были совсем другие планы. Спустившись в голову откуда-то сверху, они, вместо того, чтобы стройными рядами прошагать по мостовой, начали путаться, заплетаться в косички, постепенно превращаясь в бесформенную массу. Разобраться в них не было под силу никому, и я оставил мысли в одиночестве.

«Пусть разберутся без моего участия», – подумалось мне. Наконец, освободившись от всего лишнего, я начал кемарить под стук колёс старого трамвайчика. Долго ли продолжалась поездка? Не знаю. Мне показалось – всего одно мгновение.

– Конечная! – прогремело из кабины водителя.

От писклявого голоса не осталось и следа. Вагоновожатого будто бы подменили, или он вдруг заболел ангиной. Пришлось отложить кусок сочного и вкусного пирога, который я уплетал во сне, запивая сладким чаем с лимоном.

Через большие трамвайные окна передо мной предстала иная действительность. Улицы, дороги, дома, спешащие ку-

да-то люди жили в перевернутом необычном мире. Низ и верх словно перепутали ориентиры в пространстве, поменявшись местами. Граждане, ходившие вверх тормашками, словно не замечали ненормальности. Видимо, они так привыкли жить в стране-перевертыше, что полагали это состояние естественным.

Люди опускали головы, если хотели увидеть солнце, и тянули ладони вверх, если им нужно было дотронуться до земли. Сбившиеся координаты вносили сумятицу и в отношения. Любовь выражалась через ненависть, боязливость считалась храбростью, великодушие расценивалось как зависть.

Решив поглубже понять тех, кто жил за гранью, я встал на руки и задрал повыше ноги. Кровь постепенно отступила от нижних конечностей к голове, прижимая книзу нейроны моего головного мозга. Глаза будто бы увидели привычную картину, которая расщепила общее на части, а затем разложила эти части по дощечкам зеркально чистого пола, покрашенного рыжей краской.

Оглядевшись, я понял, что нахожусь в церкви. Запахло ладаном и воском. За ширмой исполняли церковное песнопение. Прислушавшись, я с трудом различил трёхголосие. Обладатель главного, самого громкого голоса, вышел из укрытия и, развернувшись лицом к образу Спасителя, продолжил сладостно распространять звуки, проникающие глубоко в душу. Взгляд певца устремился к нарисованному на потолке Богу-отцу с седовласой бородой, парящему в небе.

сах. Пение прекратилось.

В этот самый неподходящий момент, когда одухотворённость достигла пика, у меня из карманов начала предательски выскальзывать мелочь, заранее приготовленная для подношения нищим. Я же стоял вверх ногами и не мог контролировать процесс, когда и что из меня выпадет. Показалось, что Отец и Сын, качая головой, искоса посмотрели на меня... Конфуз!..

Он разрешился быстро. Время побежало дальше, вызволив из темноты бабушку в белом платочке. Маленькая юркая помощница богослужения начала тушить свечи в церкви. Может, из-за того, что огоньки свечей горели не в том направлении или так было здесь заведено? Не знаю. Не важно...

Кто-то ходит вверх тормашками, кто-то, чтобы не выделяться, пытается передвигаться на руках, а некоторые твёрдо стоят на земле, не понимая ни тех, ни других.

А Пустота... Пустота не щадит никого – ни первых, ни вторых, ни третьих. И нет границ между этим миром и тем. Лишь только старенький трамвайчик со странным вагоновожатым перевозит людей туда-сюда...

Тем временем писатель всё что-то записывал и записывал мелким почерком на чистый лист бумаги. Видимо, старался не упустить мысли, сыплющиеся из меня, как из рога изобилия.

Под окном залаяла собака. Я открыл глаза. Оказалось, моё

путешествие было сном. И пуля, и поездка в трамвае, и перевернутая действительность – всего лишь плод ночных кошмаров.

Встав с постели и опустив ноги на тёплый палас, я ощутил ступнями прохладные кругляшки монет. Откуда они взялись перед кроватью? Но моментально забыв сюжет сновидения, я со спокойной душой пошёл чистить зубы и завтракать...

**Нереальны мы,
нереально мирозданье...**

Нереальны мы, нереально мирозданье.

Нереально всё вокруг и что внутри.
Я пробую сканировать сознание,
Для мыслей расчищая пустыри.

Они во мне, как на охоте волки.
Приняв кровавый жертвенный коктейль,
Летят всей стаей чётко на двустволки,
Уверовав в спасительный туннель.

А в том туннеле свет от Божьей мысли
Пронзает всё вокруг и сам себя.
На рваных кромках истины повисли,
В прицел приняв за истину меня.

Кто я? Господь иль Сатана, не знаю.
Где лагерь мой, где воины и обоз?
Внутри души надежды я питаю,
Что в этот мир фантазии не врос.

Бабусенька

*Иногда мы ощущаем себя маленьким звеном
огромной цепи,
Тянущейся от самого зарождения человечества.
Жаль, что эта цепь иногда может просто
оборваться,
Так и не раскрыв тайны,
Какое колечко должно было быть следующим.*

Хоккейный матч неотвратно приближался к развязке... Секунды на табло безжалостно щёлкали, стараясь побыстрее сбросить с себя ненавистные цифры и превратиться в ничего не весящие воздушные нули. Напряжение в игре достигло такого высокого значения, что градусник, измеряющий коллективный уровень адреналина в крови болельщиков, грозился вот-вот лопнуть.

Кажется, что даже белоснежного цвета лёд нервно вибрировал, становясь красным и горячим, как сковорода. Жажда победы у всех двенадцати по полному разряду экипированных мужиков, носящихся взад-вперёд по хоккейной коробке, выплёскивалась через край. Но, к сожалению, текущий ничейный счёт никого не устраивал. Он, как заноза, засел в мозгах спортсменов, не позволяя им ни на секунду расслабиться и перевести дух. Подгоняемые страстью, то одна, то другая команда атаковали, не щадя ни противников, ни себя. Борты арены жалобно кряхтели, когда в них врезался клубок хоккеистов, пытающихся прижать друг друга к деревянным границам. Голевые моменты буквально чередовались, словно бешеный скорый поезд нёсся через темноту, демонстрируя зрителям освещённые окна. Оставалась лишь минута до окончания игры...

Бросок! И Третьяк невероятным способом отбивает шайбу, резко приземляясь на щитки. Стадион загудел, увидев феерическое мастерство нашего вратаря с гордой полукруглой надписью на красной майке – «СССР». Канадец-нападающий со злостью ударяет клюшкой об лёд. Та с треском ломается, разлетаясь в разные стороны. Шайба, взмыв на полметра, приземляется прямо перед Михайловым. Центрфорвард, недолго думая, подхватывает чёрную бестию и устремляется вперёд. Его коньки прямо-таки вонзаются в лёд стадиона, оставляя на нём залихватские размашистые следы.

Пас! И шайба моментально оказывается на крюке у Хар-

ламова. Игрок замахивается и сходу бьёт по воротам. Го-о-ол! Резиновая чёрная «консерва» влетает в неприкрытую левую девятку ворот. Сзади за бортиком загорается красный свет, символизирующий, что непробиваемый канадский бастион пал.

– Го-о-ол! – вскакивая с кресел, надрывая голосовые связки, вопит стадион.

– Го-о-ол! – бросаются друг другу в объятия хоккеисты нашей сборной.

– Го-о-ол! – протяжно кричит Николай Озеров в комментаторской кабинке.

– Го-о-ол! – радостный возглас расплзается по всей нашей огромной советской стране и с напором горного потока несётся откуда-то сверху на среднерусскую равнину, достигая начала Кавказского хребта.

Когда бурлящие эмоции подкатывают к западному побережью Каспийского моря, мирно сидящая на скрипучей тахте Бабусенька – старенькая прабабушка Володьки Харченко – подскакивает от неожиданно свалившейся ей на голову феерии победы.

Скорость распространения информации о сумасшедшей игре объяснить довольно просто. И дело здесь совершенно не в могучей силе телевизионного сигнала, преодолевающего за секунды тысячи километров. По факту, настоящий захватывающий спортивный спектакль разворачивался прямо перед глазами старенькой женщины и главным режиссёром

был её внук.

Это он, держа пластмассовую клюшку, привезённую недавно отцом из московской командировки, был и Харламовым, и Михайловым одновременно. Бабусенька, понятное дело, исполняла роль Третьяка – она же сидела на тахте, которая на время матча превращалась в ворота.

Квартира, где происходила битва хоккейных титанов, была расположена в многоквартирном трёхэтажном доме в посёлке Монтино, в одном из районов солнечного Баку. Хотя с игрой в хоккей жители города были знакомы разве что по ламповым телевизорам, но здесь её очень любили. Переживая, мужская часть населения города огней сидела возле голубых экранов и абсолютно не уступала по темпераменту болельщикам, жившим намного севернее.

В столице Азербайджана не было ледовой арены. Прохожие никогда не видели мальчишек, несущих большие сумки во весь рост, из которых торчала бы хоккейная амуниция. Какой там лёд, скажете тоже! Ведь даже снег на Апшероне выпадал в лучшем случае один раз за год – на тридцать первое декабря. Так Дедушка Мороз, пожалев горожан, дарил им самый долгожданный подарок на Новый год.

А тут, видите ли, вдруг восемнадцатиметровая комната с деревянными полами, со стандартной советской мебелью, превращается в зеркальный каток, на котором ведут между собой спор лучшие команды мира. Непорядок...

Но как можно заковать в кандалы буйную фантазию до-

школьника Володьки, играющего со своей прабабушкой в хоккей? Тем более когда на кону титул чемпиона мира!

– Го-о-ол! – возгласы, ещё немного покружившись в заполненной солнечным светом комнате, растворяются вместе с выдуманными детскими картинками. Матч окончен...

Бабусенька закрывает глаза от умиления. Ей тоже нужно немного отдохнуть. Она переносится в своё детство, в конец девятнадцатого века. Туда, где две мировые войны ещё не случились, не было ещё голода, лишений и многого того, что выпадет ей пройти после, ступая босыми ногами по холодным плиткам истории. Несколько ангелочков, махая белоснежными крыльями, летают над головой маленькой девочки. Кристально чистые создания, пахнущие парным молоком, опускаются чуть ниже к зеркалу большого чёрного озера, до краёв заполненного мазутом...

Ой, осторожно! Кончики крылышек цепляются за переливающуюся на солнце густую ленивую жидкость. Но ничего страшного! Божьи создания, испачкавшись, нисколько не потеряли своей внеземной красоты. Они, ещё немного покружившись в воздухе, растворяются в голубом омуте неба, оставив на пригорке несколько чумазных перьев как знак относительности мироздания. Посланники Всевышнего словно говорят людям, что иной раз то, что им кажется, – это и есть реальность, а то, что принимается за действительность, – лишь невидимка в одеянии грёз...

Проходит немного времени и, вдоволь нагулявшись в вос-

поминаниях, старенькая женщина открывает глаза. Перед ней стоит внучок, излучающий неугасимую детскую энергию. Он усердно теребит её морщинистую руку:

– Бабусенька, Бабусенька, не засыпай, а матч-реванш?!

Сидящий на тахте «Третьяк» поднимает упавшую клюшку и со вздохом заступает на защиту вымышленных ворот. Возможно, он, по прошествии многих лет с того славного матча, до сих пор оберегает их, сам превратившись в ангела-хранителя уже для взрослого Володьки Харченко...

Всем прабабушкам посвящается! Слава Богу, что некоторым из них дарована долгая жизнь и нам посчастливилось их увидеть!

Разговор с мамой во сне

Ты сказал ей во сне:
«Не хочу умирать!»
Написав на стене,

Чтоб не очень кричать.

«Я бессмертным хочу
Стать на этой Земле.
Взятку дать палачу,
Чтоб исчез он во мгле.

И пред Богом предстать
Без одежды, нагим.
Родила меня мать
Без изъянов, таким».

Ничего не сказав,
Повернувшись спиной,
На стене дописав,
Бог ушёл, весь смурной.

Ты её попросил
Прочитать те слова:
«Хз. Свободен. Простил.
Запросил ты лихва».

Степень свободы

*Каждому Бог определил своё место
В сложной и запутанной системе мироздания,
Понимая, что без любого из нас не было бы
самого мироздания.
Осталось только нам осознать это своё место.*

Усталая кукушка, высовывая свою серую мордочку из деревянного часового домика и стараясь, не дай Бог, не запнуться, накуковала домочадцам двенадцать часов ночи. Старый, уже, можно сказать, дряхлый день заканчивался, уступая место красноротому розовощёкому дню-младенцу, который ещё не окрепшими ручонками учился перебирать секунды на верёвочке, протянутой между бортами его кро-

ватки.

Неподалёку ламповый телевизор пел про «милого бухгалтера», иногда подмигивая в такт своим единственным голубым глазом. В соседней комнате щёлкала пылающими дровами печка, разгоняя по железным трубам и чугунным батареям живительную теплоту. Она погружала каждый уголок дома в атмосферу спокойствия и безопасности, распространяя флюиды вечности происходящего. Ничего не может измениться! Ничего не должно измениться! Стрелки часов, соединившись в самой высокой точке, – замрите, почувствуйте этот Божественный запах счастливых мгновений...

Фантазёр Мороз разукрашивал стёкла белоснежными узорами, выпячивая свой талант напоказ, и ненароком заглядывал в окна этого крошечного островка, затерявшегося на просторах Голубой планеты. Названный кем-то когда-то Землёй, гигантский шар спокойно и величаво, как заколдованный, плыл в чёрном космосе, ни на градус не отклоняясь от своего маршрута...

– Ку-ку, ку-ку! – механическая птица дала о себе знать последний раз и с чувством выполненного долга юркнула обратно в круглое отверстие, закрывая за собой крошечную дверцу.

Дом мало-помалу погружался в сон. Заслонка у печки была задвинута. Треск поленьев сменился еле слышным воркованием огненных угольков. Жители дома скользнули под тёплые пуховые одеяла и погрузили головы в мягкие бело-

снежные подушки. Только часы с кукушкой не переставали крутить шестерёнки внутри своего сложного механизма в такт движению маятника с золотистым блюдцем – тик-так, тик-так.

Лунный луч, наполненный томным философским светом, на цыпочках подкрался к жилищу и, вслед за Морозом, из простого любопытства или из чувства солидарности, бросил свой взор на миниатюрный спящий мир...

Неожиданно рисунки на стёклах окна сыграли злую, а может быть, добрую шутку с потоком сверкающих частиц. Они преломили ручеёк света, вдохнув в него эликсир, оживляющий сущности и наделяющий их собственным «Я».

Первым действие чудотворного напитка ощутил на себе маятник, вострепнувшись от нахлынувшей на него вдруг энергии воскрешения. Не переставая наклонять голову то вправо, то влево, он постепенно проникался чувством собственной индивидуальности. От прямых обязанностей маятник никто не освобождал, поэтому ему приходилось постигать мудрость без отрыва от работы.

– Тик-так, тик-так. В чём же смысл моего существования в этом огромном мире возможностей? – с грустью думал он про себя. – Неужели вот так качаться весь день, намертво закреплённым в верхней неподвижной точке, не имея надежды совершить нечто большее? Зачем же я тогда был наделён разумом, если мне определена роль, обладающая всего лишь одной степенью свободы?

– Тик-так, тик-так, – продолжал метаться маятник, всё больше запутываясь в клубке собственных размышлений.

Лунный свет, следуя за его мыслями, проникал шаг за шагом в суть материи и добрался наконец до атома, одиноко скучающего в океане своих собратьев. Кирпичик мироздания, напротив, не испытывал ни малейших проблем со свободой перемещения. Он мог двигаться в пространстве и во времени куда и когда захочет. Состоящий практически из одной только энергии, обитатель микромира даже был в состоянии находиться в нескольких местах одновременно.

– Чего ты вешаешь нос? – всего лишь мгновение назад оживленный волнами, исходящими от спутника Земли, обратился он с вопросом к маятнику. – Посмотри на меня: я – практически пустота. Я раб человека, который, следуя своей прихоти, может превратить меня одним щелчком во что угодно. А ты – часть хитроумной системы, занимающая в ней своё подобающее место. В любую секунду ты знаешь, что делать и куда стремиться.

– Зато ты свободен! – не отказываясь от своих печальных рассуждений, парировал маятник. – Не сдерживаемый рамками, тупыми законами и бесполезными запретами...

Тик-так, тик-так. Ночь за спорами маятника и атома пролетела быстро. Они так и не пришли к единому мнению, кому на свете живётся хуже.

Светало. Дом постепенно просыпался, наполняясь ароматом свежесваренного кофе и запахом сдобных булочек.

Включённый телевизор радостно вещал о начале нового рабочего дня, изменениях в курсе доллара и предстоящих очередных выборах.

– Ку-ку, ку-ку! – прокуковала восемь раз кукушка, искоса глядя вниз на по-прежнему деловито качающийся маятник.

А непоседа-атом, увязавшись за домочадцами, которые торопились кто куда – в детский сад, школу и на работу, выбежал вместе с ними на улицу. Яркий свет, радостно переливаясь, искрился на белоснежном ковре. Ночная хандра отступала, освобождая место прекрасному утреннему настроению. Обитатели дома, все как один, посмотрели наверх, сощурив глаза так, что они превратились в узкие полосочки. В одно мгновение, следуя за взглядом людей, атом устремился к Солнцу, чтобы теперь на досуге там, во чреве огненного ядра, поспорить с самим светилом о степени свободы...

Журчит ручей, торопятся искринки...

Журчит ручей, торопятся искринки,

Щебечут на кусте Черёмухи птенцы,
И Время шелкает в зубах крупинки,
Ища в мгновениях цветные леденцы.

Луч солнца, отсканировав пространство,
Вздохнув, уходит спать за облака.
А Жизнь, ища слепое постоянство,
На Время смотрит чуть с прищуром, свысока.

А на поляне, зеленью накрытой,
Рой пчёл рисует жёлтый странный силуэт.
И кажется, что, вечностью забытый,
Он ищет в ней свой неразгаданный ответ.

В чём смысл жизни, где же связь с природой?
Где в мироздании сокрыта благодать?
Стираем мы свои следы с погодой
И возвращаемся в природный дом опять.

Мы – листья, ручейки, птенцы, искринки.
Душа на всех найдёт кусочек Рождества.
Вплетаемся мы с Богом в паутинки,
Не потеряв своё в глобальном мире «Я».

Нет ничего сверхсложного в секрете,
С природой вечной мы единая семья.
Но, странно, в этом жёлтом силуэте
Я узнаю сквозь полумрак веков себя.

Песчинки

*Осознавая свою никчемность в решении
глобальных проблем,
мы упускаем пусть кажущуюся сейчас
фантастической возможность поменять мир
вокруг нас.*

*Люди не верят, что Бог наделил их мыслями,
которые, если очень захотеть,
могут изменить в лучшую сторону их будущее,
и даже, в какой-то момент, и прошлое.*

Горстка песчинок, прижавшись друг к другу, мило лежала на длинной извилистой дороге, радостно бежавшей вприпрыжку прямо посередине бескрайнего поля, сплошь усыпанного золотыми подсолнухами. Излучающие счастье растения тянулись вверх, подставляя свои головы Солнцу, в надежде впитать как можно больше света в свои многочисленные жилки и капилляры.

«На всех хватит», – с отцовской нежностью нашёптывал им огненный шар, степенно посылая сигналы добра на голубую планету. Чувствуя заботу свыше, лениво покачиваясь на ветру, жёлтые гиганты цветочного мира пробовали скопировать движение, напоминающее морскую рябь, пытаясь при этом создать картину космического умиротворения. Почти всегда им это удавалось, но иной раз они сбивались с ритма, переходя на хаотичные нервные вибрации. Будто непослушный многорукий Минотавр, спрятавшийся в листве, одновременно подёргивал подсолнухи за тысячи стебельков, желая так выразить свою внутреннюю строптивость.

В этот момент невидимые тревожные вибрации передавались песчинкам, активизировав в их мозгу одновременно страх, ненависть и ещё Бог знает какие чувства, до этого покрытые серой плесенью и практически забытые. Микроскопические частички тут же беспокойно взлетали вверх, с надеждой вглядываясь в даль в обе стороны, где, по их мнению, начиналось и заканчивалось поле. Они хотели там найти ответы и, наконец, разобраться в сущности и цели происходящего.

Почему нарушался их внутренний, можно сказать, абсолютный покой? Кто виноват в том, что жизнь, до этого тянувшаяся, как резинка от трусов, внезапно разорвалась, неприлично обнажив голый зад? Вопросы не давали песчинкам покоя. Они брали то бинокль, то лупу, желая рассмотреть проблему с разной степенью приближения. Но дорога, слов-

но загадочная нескончаемая верёвочка, не желая раскрывать тайны, прятала кисточки своих ответов за горизонтом. Так, один конец, названный Историей, туманил мозги крошечным скромным созданиям, а второй – именуемый Будущим, спешно задёргивал ставни перед любопытством горстки крупинок.

Но баловник Минотавр был с хитрецей. Он обладал не только множеством рук, но и извращённым сознанием. Используя свои телепатические способности, фантазмагорическое существо посылало сигналы во внешний мир, пытаясь убедить всё сущее в своей непогрешимой миссии. Захватив в заложники логику, существо с головой быка пыталось доказать, что жёлтые лепестки подсолнухов на самом деле с гнильцой, а семечки, выращенные в центре цветка, – это коричневые зёрна с ядом, которые опасны для всего живого.

В своём неистовом угаре он даже осуждал Солнце, которое, стараясь не обделить своим вниманием никого, щедро посылало тёплые лучи даже в самые потаённые закоулки планеты.

– Подсолнухи не достойны благосклонного отношения Светила, – твердил Минотавр, – им надобно опустить головы и покорно принять власть сильного. Так должно быть, потому что должно... – полировал он плоскость разума, не давая возможности появиться на нём недоверчивым бугорочкам и рассуждающим ямочкам.

Большинство песчинок верило ему, как верят в един-

ственного Бога, ни на мгновение не сомневаясь в его словах. А кого было слушать? Ведь поле располагалось вдалеке от оживлённых транспортных магистралей. На него редко заглядывали гости, и если даже кто и посещал, то цель была одна – быстренько собрать урожай и удалиться к себе домой. Поэтому Минотавр, наевшись от пуза своей исключительности, мог творить что угодно.

Однако так продолжалось совсем недолго. Поднялся ветер. Такой холодный, колючий, безжалостный. Он разорвал невидимые связи, которые удерживали горстку песчинок вместе. Большая часть, подгоняемая воздушными массами, улетела назад по дороге, ища истоки силы в прошлом. Со всем незначительное количество крупиц стремительно понеслось вперёд, туда, где, по их мнению, находилось будущее. А некоторые, возможно, самые флегматичные, так и остались лежать на дороге, не решившись примкнуть ни к тем, ни к другим.

– Мы мельчайшие частички в огромном запутанном мироздании, – твердили пылинки из всех трёх групп. – От нас ничего не зависит. Не может малое изменить большое – это закон природы, и мы поменять его не в силах...

Так они парили, перегоняя друг друга, оставляя часть своих собратьев безропотно дожидаться своей участи на дороге.

Только Эхо, откуда ни возьмись появившееся в поле, всё повторяло и повторяло вслед за пылинками – «в силах... в силах... в силах...»

Но крохи его не слышали, потому что им было удобно прятать своё сознание в скорлупе собственной ничтожности.

Страх

У Страха велики глаза.
Он смотрит прямо, не моргая.
Не нажимая тормоза,

Всего за раз тебя сжирая.

Не оставляя и клочка
Твоих стихов души изъяны.
Дуря слепого новичка
И сыпля соль, смеясь, на раны.

И пыжась, как надутый шар,
Гордясь упругим с виду пузом,
Вселить пытается кошмар
Смертельным для тебя укусом.

Но только крик услышишь ты,
Беззубый рот сверкнёт некстати.
У Страха нету красоты,
И он пустышка в результате.

Рыжая

*А как поведёте себя вы,
столкнувшись не с Богом, а с его
противоположностью?*

*Испугаетесь, скроетесь или с интересом будете
разглядывать то,*

*Что вызывает ощущение мертвецкого холода в
чёрном пустом пространстве?*

Стеклянные двери в вагоне метро со строгой надписью «Не прислоняться», рассорившись в очередной раз на станции, шумно разбежались в разные стороны. Если бы они могли бить посуду – били бы, если бы они могли обзываться друг на друга – обзывались. Но ни того, ни другого друзья, выкрашенные снизу в жёлтый цвет идвигающиеся исключительно на полозьях, делать не умели. Они были скованы

рамками и правилами, подчиняясь исключительно машинисту, управляющему составом. А моя метафизическая фантазия не наделила их большей самостоятельностью, чем способность периодически разъезжаться и с таким же успехом соединяться перед отправкой в очередное чёрное подземелье тоннеля.

Вагон метро в эти дневные часы был неполон. Пассажиров можно было пересчитать по пальцам. Рядом со мной сидела бабушка с внуком лет трёх.

Женщина постоянно шикала на ребёночка, который показывал на всех пальцем, пытаясь выяснить у бабушки личность каждого.

– Это кто? А как его зовут? – спрашивал малыш, игриво наклоняя голову набок.

Пассажиры вагона, на кого пал выбор, смущённо улыбались, не зная, как себя вести. То ли назвать свои фамилию, имя и год рождения, тем самым рассекретив себя перед всеми, то ли тупо уставиться в пол, не замечая вопроса ребенка.

– Ну, хватит, Виталик! – одёргивала бабушка любознательного малыша, – ты уже всем надоел.

Пожилой старик, сидящий напротив, чуть опустив раскрытую газету, метнул суровый взгляд на беспокойное семейство. Поняв, что этим он не решит проблему, гражданин, покачав головой, опять зарылся в хлёсткие статьи, ругающие Ельцинскую власть и бардак в экономике. Да, это было то время, когда на НТВ шла передача «Куклы», пародирующая

высшие чины государства, воз был полон аппозиционных изданий, и тогда олигархи контролировали государство, а не наоборот. Хотя, с этим «наоборот» сейчас тоже не всё понятно...

Политика политикой, но люди, как тогда, так и ныне, жили, радовались потихоньку и ездили в метро, периодически встречаясь с неизведанным...

Именно это неизведанное как раз в тот день и входило в наш вагон на станции метро с монументальным и громким названием «Шоссе Энтузиастов». Одноимённая дорога, проходящая сверху подземки, была названа в честь энтузиастов-революционеров, которые уходили по ней в ссылку. Эхо того искромётного времени будто бы зазвенело в ушах, превратившись в туман. Серая муть, напрягая своды зала станции, вползла хвостом вслед за новыми пассажирами.

Так история, переплетаясь с действительностью, выдала неизведанное в виде девушки со жгуче-рыжими волосами и томными зелёными глазами. В этих двух мутноватых омутах можно было запросто утонуть, забыв себя, свою сущность, потеряв где-то на переходе из этого мира в иное измерение паспорт гражданина Российской Федерации.

Девушка была с двумя провожатыми – парнями, которые были на голову ниже рыжеволосой, семенившими по обе стороны от неё. Они, развернувшись, смотрели прямо в глаза спутнице, широко и восторженно отрыв рты. Видимо, души телохранителей девушки уже поглотила болотистая субстан-

ция, оставив на поверхности лишь тела, – и то, только так, для насмешки.

Я, поддавшись магнетической силе новой пассажирки, тоже не мог отвести от неё взгляд. Мне невольно захотелось вытянуть руки вперёд, встать на цыпочки и быстренько-быстренько приблизиться к неизведанному. И стоя там, на краю бездны, нырнуть вниз вслед за парнями, забыв свои фамилию, имя и год рождения.

Краем глаза я заметил, что яркая девушка привлекла не только моё внимание. Бабушка незаметно перекрестилась, стараясь максимально уменьшить стороны крестного знамения. Затем, плюнув на приличия, суетливо закрыла ладонью глаза внуку.

Мужчина, сидевший напротив, съёжился, заметно сократив в объёме своё тело. Вытянув голову, как выдвигают перископ из подводной лодки, он стал подглядывать через малюсенькую дырочку в газете за происходящим в вагоне. Импровизированный глазок, созданный между фамилиями Ельцин и Чубайс, как никогда был кстати. Особый смысл отверстию, похожему на червоточину в пространстве, придавал второй государственный деятель, как известно, тоже обладающий рыжим цветом волос, как и вошедшая девушка.

Она тем временем всё видела, понимала и оценивала окружающую действительность предельно ясно, как никто другой. Иначе как можно было тогда объяснить её закатистый, показной хохот на весь вагон?

Она уселась на сидение, милостиво разрешив спутникам опуститься рядом, затем положила ногу на ногу и, не переставая веселиться, оцениваяюще, медленно провела взглядом своих зелёных глаз по пассажирам, словно пересчитывая их про себя.

– А это кто, бабуля? – вдруг «возник» внук, деловито отодвинув ладонь бабушки и показав пальцем на неизведанное.

– Это просто девочка, – твёрдо ответила пожилая женщина. Но в её словах, где-то на заднем плане, чувствовались нотки сомнения.

– А почему она такая рррыжая? – по-видимому, малыш только недавно научился выговаривать звук «р», и он у него получался протяжным и скачкообразным, как будто завели мотор мотоцикла.

– Почему-почему, потому..., – на зная, что ответить ребёнку, бабушка решила на правах взрослой поставить жирную точку в изучении малышом мироустройства. Выходить за пределы ему было нельзя. Табу! Пусть малыш пока не понимает, что есть разделение на добро и зло, на жизнь и смерть, на чёрное и белое. Пусть пока розовый цвет будет основной палитрой в его альбоме для рисования.

Иногда нам тоже хочется, так хочется превратиться в детей и проникнуть через маленькую дырочку в газете – портал во времени, в царство безмятежности. Там мальчики и девочки играют в классики и катаются на качелях, строят в песочницах замки, прокладывают кукольные дороги и дума-

ют, что мир подчиняется простым и понятным законам...

– Станция «Авиамоторная»! – произнёс голос сверху. Поезд въехал в зал с ярким золотистым потолком, усыпанным перевёрнутыми четырёхугольными пирамидами. В начале вестибюля с круглого панно взлетал Икар, махая широкими серебристыми крыльями. Он утягивал за собой, наверх, самолёты разных лет и заставлял крутиться пропеллеры. Видимо, дуновение от них добралось и до рыжеволосой...

Пора, пора ей тоже собираться в путь... Она перестала смеяться, нахмурилась, засуетилась и перед самым закрытием дверей выбежала из вагона, оставив своих «охранников» в недоумении. Они ещё некоторое время покрутили головами, но в отсутствие своей хозяйки понуро опустили их, молча уставившись глазами в пол. Все остальные пассажиры с облегчением выдохнули...

Что это было? Может, неизведанное ошиблось, забежав не в тот вагон, а возможно, это действительно была просто девушка с волосами цвета солнца и красивыми изумрудными глазами. Кто знает, кто знает...

Поворот

Суметь с разгона бы вписаться в поворот,
Даже на миг не пригубив бы чашу страха.
Вкусив удачу, сделать всё наоборот,

Сорвав с себя враз облачение монаха.

И скомкав чёрное ненужное тряпьё,
Разжечь огонь и на съедение дьяволятам
Отдать обед безгрешия, пусть вороньё
Летает в дымке над палёным ароматом.

Азарт, мне в вены закачай адреналин,
Чтоб не осталось места там для капли крови.
Страсть, переделай моё тело в пластилин,
Меняющийся, словно ветер в поле.

Меня всего колбасит и на части рвёт.
И вдруг та часть, которая от прежней ипостаси,
Не молвив слова, рясу из костра берёт,
С укором смотрит и уходит восвояси.

Нотариус

Что есть твоё, а что чужое?

Что есть Я, а что есть Он?

*Границы временны, и мы их придумали сами,
чтобы оправдать наше равнодушие и неприятие
стороннего.*

*В конечном итоге – все будем там, и то,
что мы возводили здесь,
покажется нам ужасно смешным.*

– Странно, очень странно! – произнёс с удивлением нотариус Венедикт Ипполитович Стародубцев, не обращая внимания на то, что его очки начали неудержимо скользить вниз по переносице. Уткнувшись пластмассовыми упорами в картофельный кончик носа, «вторые глаза» прекратили своё дальнейшее движение, избежав таким образом участи упасть кувырком на стол.

Не снимая с лица маски изумления, нотариус по максимуму выгнул мизинец левой руки, поправляя им предательски сползшие очки. Когда окуляры оказались на своём законном месте, стёкла в них заиграли на солнце всеми цветами радуги, отсвечивая на стене игривым солнечным зайчиком.

Тем временем, держа в свободной руке бумажку с гербовой печатью, Стародубцев то подносил её к своему лицу, то наоборот, отодвигал подальше от себя. Казалось, что Венедикт Ипполитович не может поймать фокус, чтобы получше разглядеть документ. На самом деле нейроны его головного мозга, до этого двигающиеся в спокойном умиротворяющем режиме, вдруг запаниковали, образуя хаос. Двигая листок туда-сюда, нотариус пытался выстроить хоть какую-то логическую цепочку и обуздать взбесившиеся нервные клетки.

Всё дело было в тексте деловой бумаги, который и нас с вами мог бы поставить в тупик.

«Податель сего документа является единоличным и полноправным владельцем моря, называемого «Чёрным», в тех границах, кои на момент подачи документа существуют. Как и равно владельцем тех Богоугодных природных и человеком созданных богатств, находящихся на территории указанного моря. Просим немедленно по предъявлении содействовать подателю сего документа во вступлении в законные права. Дата. Подпись. Печать».

Именно три последних атрибута бумажки Венедикт Ип-

политович решил изучить особо тщательно. Иначе было никак нельзя. Бабушка – божий одуванчик, которая принесла документ, была настроена по-боевому и не собиралась никуда уходить. Голубенькое платьице со вшитыми белыми рюшечками, открытое улыбающееся личико и вправду делали из старушки Божьего человека.

Нет-нет, вы не подумайте, женщина была в своём уме и наитвердейшей памяти. Это можно было понять по её остроуму, воинственному и в то же время изучающему взгляду. Он пронзал нотариуса, словно перочинный ножик. Знаете, – такие берут с собой в поезд для нарезки хлеба или докторской колбасы. Но подобная вещица в умелых руках может стать и опасным предметом, если речь зайдёт о чести и достоинстве женщины, нашей бабушки Инессы Абергارد.

Её свисающий набок полосатый чепчик мог, конечно, ввести в заблуждение любого. Но намерения у Инессы, немки по папе, были вполне серьёзными, можно сказать, захватническими. Она была готова стоять насмерть, чтобы получить своё, согласно документу.

Где она достала данное свидетельство, написанное, кстати, от руки? Кто ей, наконец, выдал его? Было неизвестно. Но нотариус – на то он и нотариус, чтобы не вызывать сразу психушку, а предварительно изучить странное распоряжение о собственности. Тем более, рабочий день приближался к концу, и посетителей у Стародубцева не было. В общем, полчаса было достаточно, чтобы понять, что означает сей

документ, а затем набрать полицию или скорую помощь.

Дата на документе была проставлена неразборчиво и размыто. Подпись более-менее сохранилась – в ней можно было прочитать имя «Пётр». Почерк передавал крайнюю уверенность человека, поставившего внизу документа личную визу. Печать также присутствовала, хоть и блеклая и выцветшая. В ней были различимы головы двух орлов на фоне щита. Они казались обиженными друг на друга и смотрели в разные стороны. Тем самым этот знак можно было соотнести с гербовой печатью Российского государства. И более того, государства во времена правления царя Петра Первого.

– Милочка, – произнёс с ехидством Венедикт Ипполитович, отстраняя от своего картофельного носа документ, – вы лет эдак на триста опоздали, знаете ли...

Посмотрев с прищуром на бабульку, нотариус будто бы принял вызов Инессы Абергард, готовясь встать на защиту государственных интересов.

– Нет, позвольте, бумага есть? Есть! Печать есть? Есть! Подпись первого лица в государстве есть? Есть. А на листе чёрным по белому написано, что и кому. Так извольте выполнять...

Упрямства старушке было не занимать. Дама сжала свои пальцы, и они образовали ореховый кулачок, который незамедлительно опустился на стол, издав глухой и негромкий, но требовательный стук. От неожиданности нотариус подскочил на стуле и выронил бумажку. Чуть покачавшись в

воздухе, листок мягко спланировал на зелёное сукно стола.

«Намаялся, поди! Столько лет лежал без дела», – подумал Венедикт Ипполитович, искоса посматривая на документ, на котором кое-где проступали жёлтые пятна.

– Минутку, барышня, я сверю его с реестрами, – пожилой мужчина, кряхтя, поднялся с кресла.

– Кхе-кхе! – звук мог, конечно, исходить и из самого кресла, но кто сейчас разберёт... И сам нотариус, и то, на чём он сидел, были уже далеко не первой молодости. Подойдя к широкому стеллажу с папками, Венедикт Ипполитович не спеша начал перебирать их взглядом, что-то шепча себе под нос.

До некоторых корешков он дотрагивался пальцами – так бережно, что казалось, будто нотариус наигрывает некую беззвучную мелодию на гигантском бумажном органе. Несколько раз смачно чихнув в такт музыке, Стародубцев в конце мелодии вынул из верхнего ряда коричневую папку.

Пыль, до этого мирившаяся с нежными прикосновениями, накрыла нотариуса серой вуалью с головы до ног. Фигура Венедикта Ипполитовича на мгновение исчезла из поля видимости старушки-посетительницы.

В этот момент текущая реальность дала трещину, и в открытое пространство, словно по лестнице в подпол, спустился наш служащий. Он решил согласовать странный документ с другими нотариусами, работающими в иных реальностях.

Время остановилось, ведь между реальностями оно течёт

совсем по-другому. Оно может ускориться или совсем замедлится, давая проникающему сквозь пласты «пирога» наслаждаться разнообразностью мирозданий

Но дела – дела толкали Стародубцева. Ему было не до кулинарных изысков. Он решил посоветоваться со своими коллегами, как можно поступить в случае с бабушкой.

Оказалось, что и к ним приходили люди с подобными бумагами и разными подписями, начиная с царей и заканчивая генсеками. Видимо, где-то наверху, – на самом верху, выше не бывает, – решили порадовать простой народ и выдать по грамоте на собственность, которая в действительности и так принадлежала только им. А кому же ещё?

Бог добр, и он создал все эти красоты вокруг для одного-единственного человека – тебя. Так что не трясись над своей однушкой или трёшкой, не думай, что этот замок принадлежит тебе, а море ничейное – общее. Оно тоже твоё...

Венедикт Ипполитович, поднявшись из подвала, по-прежнему кряхтя, уселся за свой письменный стол. Вынув перьевую ручку из ножен, он размашисто поставил резолюцию на документе Инессы Абергард: «Выдать в полном объёме!».

Хоть в нашей реальности в обязанности нотариусов и не входит выдача и удержание чего-либо. Но кто вам сказал, что это была наша реальность?

Ты свет желала на закате лет...

Ты свет желала на закате лет,
Любовь кладя на плаху счастья.
В надежде подводила под ответ

Судьбу свою в часы ненастья.

И грозовые тучи не ждала,
Картины страстно рисовала,
Испепеляя всю себя дотла,
Души порывы отдавала.

Другим, всем тем, кто был вокруг тебя,
Не требуя взамен отдачи,
Так просто, бескорыстно и любя,
Как ты умеешь, по-собачьи.

Не оценили, не зажгли свечи,
В душе оставили руины,
Лишь только показав в глухой ночи
Знакомые до боли спины.

Деревья счастья

*Счастье, счастье! А где оно, это счастье?
Его можно купить? Его можно найти?
Его можно представить? Его, наконец, можно
потрогать? Не знаете?
А я тоже понятия не имею.
Не знает и тот человек, который говорит, что
он счастлив,
и тот, который думает, что он несчастлив.
Ибо счастье – это иллюзия.
Но именно для поиска этой иллюзии мы приходим
в этот мир,
и так ничего и не найдя, уходим из него...*

Ларисино счастье было аккуратно упаковано в прозрачную пластиковую коробку, стоящую рядом со счастьем Виктора Ивановича и счастьем Екатерины Блюменкранц.

Всё это добро предназначалось для незнакомых друг другу людей, которых объединяло лишь одно желание – восемнадцатого числа сего месяца текущего года получить из рук курьера магическое изделие – талисман, способное изменить

их дальнейшую земную жизнь. Заказы на доставку счастья были размещены вчера по телефону и через Интернет, а на сегодня их уже подготовили для недолгого путешествия по Москве в большой спортивной сумке.

Вера, вера охватывала Ларису, Екатерину и Виктора. У Ларисы была при смерти мама, поражённая неизлечимым раком. От Виктора ушла жена. Жизнь мужчины после этого, казалось, закончилась, хоть в петлю лезь. У Екатерины была ситуация попроще. Она всё ещё в свои тридцать пять лет не могла найти своего суженого. Не смертельно, но малопрятно. Так они втроём, сидя в разных концах Москвы, ждали курьера. На него была одна надежда. А именно – на то, что он принесёт с собой.

Они не знали, как курьер будет выглядеть. Они не были даже уверены, приедет ли он вообще. Заказы клиенты разместили в одном из среднестатистических интернет-магазинов. Сами понимаете, как сейчас они работают. Будут кормить завтраками, а счастье – раз, и уплывёт куда-нибудь в чужие руки.

Доставляемые изделия были похожи друг на друга, как две капли воды. Единственное, что отличало их, – наименование и вид камней-самоцветов, которыми были усыпаны деревья.

Да, и такие существуют – деревья счастья. Правда, об их существовании знает не так много людей. И это, к сожалению, сказывалось на количестве заказов, размещенных в он-

лайн-магазине.

Все деревья были выполнены из медной проволоки. Её тонкие нити, прижавшись одна к другой, формировали плотный ствол. Счастье было утоплено в вазочку из оникса и залито гипсом. Ствол после посадки был обложен микроскопическими камешками под цвет кроны. На дереве сияли бусины-самоцветы, окружённые листиками из зелёного и белого прозрачного бисера.

На дереве счастья Ларисы были развешаны кругляшки из лунного камня. На подарке Виктора – камни речного жемчуга неправильной формы. А на сувенире Екатерины Блюменкранц свисали, понятное дело, камешки аметиста. Минерала, который одним только видом мог загипнотизировать особ мужского пола.

Из-за высокой стоимости торговых площадей готовые к доставке подарки хранились в квартире курьера Сергея...

Будильник на сотовом телефоне ровно в 8 часов утра зазвенел благим матом. Выбранная мелодия отличалась уж больно неприятными для уха переливами, сплошь усеянными электронными нотами. Не проснуться под такие звуки было просто невозможно. Вместе с единственным курьером открыли глаза деревья. Правда, где у них находились глаза, было неизвестно. Но по тому факту, что они переглянулись между собой после звонка будильника, было понятно, что глаза у них всё же есть.

– Ну, ты скоро? – нетерпеливо проговорило дерево из лун-

ного камня, посмотрев на свою подружку из жемчуга.

– Да, сейчас! – недовольно ответило жемчужное изделие, поправляя листики и веточки. Оно очень хотело понравиться жене Виктора Ивановича – токаря на инструментальном заводе. Предприятие готовилось к реорганизации и ждало участи всех производств в пределах Москвы, которые давно уже перезакрывали. Зарплату задерживали. Это и было основной причиной ухода жены Виктора.

– Ну, хватит вам прихорашиваться, – вступила в разговор аметистовая прелесть, – придеться ли вы по сердцу новым владельцам, зависит не столько от вашей элегантности, сколько от веры. Вот поверят клиенты – и сбудутся их желания. А если отнесутся к нам, как к очередным безделушкам, сборщикам пыли, то не видать им счастья, как собственных ушей.

Принцесса с аметистом тоже хотела понравиться своей будущей хозяйке. От этого зависело, где она проведёт остаток жизни – на дальней полке, позабытая в паутине, в окружении – брр! – противных пауков или на виду за стеклом в серванте. Но свои переживания она напоказ не выставляла.

Утренние процедуры трёх подружек прервал курьер Сергей. Он молчаливо стал укладывать деревья в сумку. Сейчас было не до разговоров – пора, пора...

Толпы народа на перроне в метро уже заждались разносчика счастья. Поезда, пронесившиеся по жёлтой ветке, искося всматривались в нетерпеливо перебирающих ногами пас-

сажиров на станции Перово, ища круглыми фарами мужчину с большой спортивной сумкой. Железным гусеницам хотелось прикоснуться к кусочку счастья, ведь они не рыжие, а покрашены были в синий цвет...

Так изо дня в день деревья из самоцветов с висевшими на их кронах бусинами надежды расходились по просторам многомиллионного города. Капельки счастья проникали в московскую почву, чтобы мир вокруг стал хоть чуть-чуть светлее.

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь! Опять зазвонил будильник. А значит, настала пора Сергею просыпаться и развозить очередные деревца...

Что наша жизнь? Безжизненные дали...

Что наша жизнь? Безжизненные дали.

Мечтаний сладких глупый аромат.
Надежды нас так часто предавали,
Маня к себе в иллюзий дивный сад.

Химерин дом – грядущего обитель.
Миф, опылённый сказочною мглой.
С рождения живёт в нас искуситель,
Картонный разукрашенный герой.

В нём мы находим зёрна оправданий
Своих стремлений в дымке миражей.
И, окунувшись в хаос начинаний,
Мы разгоняем скорость куражей.

Быстрее, быстрее, до цели – пять парсеков!
Пять лет, пять жизней, пять моих смертей.
Мы принимаем тело человека,
Отвергнув нашу сущность без затей.

Мы пустота, и в пустоте – лишь мысли,
Внутри души – Божественный уют.
В фантазиях ища иные смыслы,
Мы создаём глобальный Абсолют.

Молитва

Мы то теряем Его, то находим.

*Мы то не верим в Него, то убеждены в Его
существовании.*

*А Он играет с нами в прятки, как с маленькими
детьми.*

И так будет до скончания мира, во веки веков.

Ночь. Темно. Тишина. Самое время произнести молитву – «Отче наш, сущий на небесах...». Так захотелось. Я сегодня решил не искать трудностей, а пойти по испытанному пути, который до меня выбрали миллиарды людей по всему свету. Доходила ли их молитва до адресата? Будут те, кто скажет, что это пустая трата времени. Другие, с горящими глазами, полными любви, возьмут меня под локоток, отведут в угол

комнаты и молча, смотря прямо в глаза, многозначительно кивнут головой.

Они поверили. Для них Бог явил чудо. Задаю себе риторический вопрос: в числе кого я хочу быть? Только материалистическое сознание, вколоченное нам в ещё в советское время, в детстве, намертво сидит в мозгах ржавым гвоздём со специально загнутой шляпкой.

– Принеси гвоздоёр, – обращаюсь я к невидимому другу.

– Дружище, не получится, – вздыхает он, беспомощно, как мне представляется, разводя руками, – здесь нужен особый подход.

– Но мне необходимо прямо сейчас, – я выпучиваю глаза, пытаюсь взять свою волю в кулак.

– Погоди, погоди... Не тарыхти, сосредоточься. Вдохни побольше воздуха и продолжай, – советует тот, который ведёт со мной разговор.

Я наполняю лёгкие живительной свежестью и продолжаю: «Да святится имя Твоё; да приидет Царствие Твоё...»

– Какое царствие? Где оно? Откуда возьмётся? – слышу хохот рядом.

– Что-то не пойму. Ты за меня или против? – пытаюсь идентифицировать друга, прижимая его прямым вопросом к стенке.

Однако он оказывается вертлявым паяцем.

– А ты сам догадайся, – невидимый, кажется, показывает мне длиннющий язык, вероятно, пытаюсь вывести из равно-

веса. Эх, взять бы розги и отхлестать его по голой заднице. Но нельзя! И как я определю, где он – справа, слева или, не дай Бог, залез внутрь меня? Что мне прикажете – самого себя бить?..

О, смотри, замолчал! Видимо, испугался моего боевого настроения. Сейчас самое время продолжить молитву: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

– Что, превращаешься в безвольное существо? – нет, я напрасно надеялся, что тот второй исчез. Никуда сомневающийся тип не испарился.

– Всё на Бога списываешь. Бог ему то подай, Бог ему это сделай. Тьфу... А сам-то что? – продолжает меня стыдить мой невидимый друг.

– Но мне же надо во что-то верить? – продолжаю я полемику, – человек без веры – пустое место.

– Так поверь наконец, кто тебе мешает? – с явным раздражением произносит он.

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день», – я закрываю руками уши, зажмуриваю глаза и представляю свежий тёплый батон, привезённый большой крытой грузовой машиной с белой надписью «Хлеб» на кузове. Воспоминания уносят меня в далёкое бакинское детство. Хлеб для жителей города был, можно сказать, священным продуктом. Увидевший корочку на тротуаре обязательно аккуратно возьмет её и положит на какую-нибудь возвышенность: бордюр или ветку дерева. Так у нас было принято. Может, это отношение к хлебу

пошло ещё с войны, когда люди недоедали...

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...»

– И кому ты должен? – продолжал рассеивать моё внимание скрытый оппонент. Я начинаю судорожно перебирать файлы в мозгу. Банку за кредит? Точно, банку должен. Он однозначно не простит...

Появляются лица папы с мамой. Ну, уж им-то я наверняка должен! Простите меня, мои родные! Я мысленно стараюсь впихнуть между щелей молитвы просьбу о прощении в виде скомканной бумажки, на которой записано детским корявым почерком извинение перед родителями.

– Мы тебя прощаем, сынок, – слышу знакомые голоса.

– А может, ты просто хочешь так думать, а на самом деле они тебя фиг простили? – с ехидным вопросом вылезает из меня второй.

Я принимаю сомнения. В этот момент грусть и тоска сжимают меня накрепко и тащат в болотистый, плохо пахнущий омут.

Беру себя в руки и продолжаю: «И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого...»

– Баловник ты, батенька, ей-Богу, баловник! – второй наконец-то является мне. Он с проседью, почему-то в пенсне, и очень похож на меня. Грозит указательным пальцем. Ну, просто брат-близнец, только одет как-то не по-нашему, не по-современному. Может, он – мой дальний предок?

Пытаюсь не смотреть на него, а сосредоточиваюсь на молитве: «Ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!» – выдыхаю, наконец закончил. Прижимаю пальцы друг к другу. Перекрестился.

– Ну и хорошо, – мой собеседник вздыхает и уходит, – как будет нужда – зови.

«Тук-тук-тук», – стучит его трость по мостовой. Он поворачивается ко мне спиной, машет рукой и исчезает в расцветном тумане. Я остаюсь один на один с выпущенной во внешний мир молитвой. Смотрю на неё – пушинка, белый невесомый сгусток слов, который потоком тёплого ветерка поднимается всё выше и выше, унося мою просьбу наверх, к Нему. Тому, которого, с одной стороны, нет, а с другой – он есть. Это зависит от ситуации и настроения...

Как надоели мне собственные нерешительность и метания! Мелькает мысль, словно стрела пронзая слова молитвы, будто нанизывая их на шампур. Затем стрела делает кружок над моей головой и вонзается в землю прямо перед ногами, разбрызгивая остатки рассуждений на несколько метров вокруг...

Может, в этом и есть соль веры – в постоянных поисках Бога. Те, которые железно уверовали, – Ему уже не нужны, а кто не верит в Него, – ещё не нужны. И Он только с теми, кто сейчас сомневается и ищет Его.

«Отче наш, сущий на небесах, – рассуди!...»

Всё пройдёт

Всё пройдёт, пройдёт, поверь, и это,
Пылью серую покроются листья.
Уезжаем пьяные с банкета,

Водки перебрал с тобой до тошноты.

А её сегодня было много.

Чёрт нас дёрнул не нажать на тормоза.

Мы теперь несёмся по дороге,

«Русскою» себе сполна залив глаза.

Потеряв, где лево, а где право,

Больно стучаясь о косяки дверей,

Мы кричим тому на сцене: «Браво!»,

Кто играет самолюбием людей.

А с утра, открыв глаза от света

И с похмельем встретившись лицом к лицу,

Мы пытаемся найти в себе ответы:

«Что теперь сказать Всевышнему-отцу?»

Исключение

*Цените жизнь и свою исключительность.
Ибо в любой момент вы можете расстаться как
с одним, так и с другим.*

Я сегодня попал в исключение – в то положение, на которое определённая многочисленными расчётами и установленная разнообразными экспериментами стандартная комфортная ситуация не распространяется. Удобные правила и всем понятные логические процессы из линейных, натянутых в струну от начала до конца, превратились в горбатую «зюку», напоминающую скорее знак вопроса, чем смотря-

щий в небо восклицательный знак. И самое печальное, что ничего невозможно было исправить – ни вернуться на старт, ни достойно продолжить путь к финишу.

Уродливо стоя враскорячку, вызывая у других скорее смех, чем сочувствие, я вот так застыл посередине, не понимая, что делать дальше. Я попал в зону турбулентности, и меня немного потряхивало, сжимало от напряжения все внутренности, ставя непреодолимый стопор на мозговой деятельности. Найти решение было невозможно, оно будто бы растворилось в бездарной атмосфере тупика, подкравшегося как-то незаметно.

Можно было бы признать исключение следствием исключительности, но прозаичность ситуации не давала этого сделать, ввергая в уныние и тоску по былым временам, когда мне всё удавалось. Удавалось быстро получать результат без ненужной суеты и нездорового ажиотажа.

«Ух!» – рядом, разрезая воздух, пронеслись типичные и успешные. Они, как ничто другое, олицетворяли сегодняшнюю жизнь. Все в одинаковых, по сути, костюмах, думающие трафаретно, но нисколько не комплексующие из-за такой стереотипности мышления.

Они бежали, перегоняли меня, однозначно стремясь быть первыми. А что же я? Я – исключение, за что и отстранён от соревнований. Призы, награды, кубки не выдаются тем, кто не соответствует общепринятому эталону.

Судьи, прищурившись, подставили линейку, вымеряв ме-

ня с головы до ног, покумекали – нет, не подходишь.

«Ему каши не выдавать!» – вынесли вердикт блюстители порядка. В очереди пронёсся шепоток. Такой омерзительный, мелкий, предательски радостный.

«Нам больше достанется...» – слышалось справа и слева. Я опустил голову и отошёл в сторону. Всё – исключили. Партия сказала твёрдое и окончательное – «нет». «Нет» – таким в наших рядах исключительным...

Настала осень, лето закончилось. Полил дождь, пришли морозы. Настроение упало ниже плинтуса. «Се ля ви» – такова жизнь. Жизнь, которая сыграла со мной в рулетку. Я поставил на красное, а шарик выпал на чёрное. Проиграл! Так бывает...

Мы вышли из клуба. Усталые, грустные, опустошённые. Я, ещё вот лысоватый, с большим пузом, и некрасивая тетка с авоськой. Спасибо скажи, что не один. А то, действительно, хоть руки на себя накладывай...

Часы пробили двенадцать ночи, наступил новый день. Ещё не всё потеряно. Возможно, сегодня мне повезёт. Я буду в строю, в массах, один из толпы. Затеряюсь, посерею, чтобы слиться с остальными. Слегка пригнув колени, сравняюсь ростом с рядом стоящими.

«Не-е... Я теперь не исключение, не выбывший, меня тоже сегодня считайте», – гремлю я пустой миской, подходя к повару.

Он сурово взглянет и длинным половником с загнутым

концом плюхнет мне каши, произнеся с грузинским акцентом: «Кушай, дорогой». И я сяду в стороночку, достану алюминиевую ложку и, озираясь по сторонам, буду лопать стандартную каждодневную кашу.

Здесь вам не ресторан, меню не подают, довольствуйтесь тем, что сварганил грузинский повар. Почему грузинский? А другого не было. Видимо, не заслужили разнообразия. До сих пор? Да, а что вы хотите? Ещё не доросли, батенька! Вот пройдёт век-другой, может быть, тогда? И то не факт. А пока что – строим-строим, как сказано. Выше ногу, тяните носок. Чётко, плечом к плечу. Песню запевай...

«У солдата выходной, пуговицы в ряд ярче солнечного дня золотом горят...»

В эти минуты хочется жить. Оказывается, можно и так, со всеми, в едином порыве – горы свернуть, реки перенаправить, чтобы текли вспять, строить ДнепроГЭС, осваивать целину, проводить грандиозные олимпиады...

И тогда, кто исключён, – тот не с нами, чистой воды вражина. Ему не место в наших продвинутых колоннах. И даже если вдруг этим изгоем окажусь я...

Так я размышлял, стоя на остановке и судорожно пытаюсь поменять в смартфоне адрес назначения вызванного такси, тыкая пальцем во все кнопки и никак не находя нужную. Видимо, моя персона нежданно-негаданно попала в малочисленную группу людей, которым за пятьдесят, ведущих себя несколько неадекватно в использовании приложения.

Программисты решили не заморачиваться на проблемах тех, кто составляет менее одного процента от общей массы потребителей. «Да-а-а! Насколько же легко попасть в разряд особых случаев! – подумалось мне, – Хорошо, что заказ так-си – это такая мелочь по сравнению с человеческой судьбой, которая в любой момент может переломиться, столкнувшись с исключениями из общих правил...»

Разрушивший не плачет по обломкам...

Разрушивший не плачет по обломкам,

А тихо стонет, глядя в пустоту.
Он бродит по подвалам диким волком,
Жалея, что не понял красоту.

А как понять, когда дерьмо повсюду?
Дерьмом измазан даже Божий рай.
И люди, предаваясь всеу блуду,
Уже перевалили через край.

Кого спасти, по ком петь панихиду?
Кому подать последнюю деньгу?
Воздвигнув на обломках пирамиду,
Перевернуть у ближних всё в Мозгу.

Но мы не те, кто изменяет веру
Простым и скучным росчерком пера.
Мы скопом все взберёмся на галеру
И будем плыть, друг дружку матеря.

Брусчатка

Отвергающие его – всё равно возвращаются к нему.

Не верующие в него – пытаются найти его.

*Ибо без него не было бы этого мира,
который мы почему-то постоянно хотим
разрушить...*

Тёмные прямоугольные брусчатые камни, крепко держа друг друга за руки, лежали на площади, названной за её красоту Красной. Сегодня, седьмого ноября одна тысяча девятьсот сорок первого года от Рождества Христова, им было холодно и неудобно под падающим снегом, который прямо-таки валил с небес на мостовую.

Белоснежные хлопья были то ли вестниками будущего

счастья, то ли посланцами Сатаны, пытающегося вот так, с помощью природных гонцов, захватить Землю. Камни, сколько ни старались, не могли предвидеть, как сложится их дальнейшая судьба. Будут ли они и дальше для жителей города и страны олицетворением стойкости и незыблемости мироздания или превратятся в символ ужаса и коварства тёмных сил. Станут пленниками врага, который назовёт рабство обычной жизнью, а животный страх – основным чувством, которое должен испытывать человек.

Душа брусчатки тем морозным осенним утром трепетала перед неизвестностью и жаждала покоя. Покоя, который она ещё недавно испытывала, паря перед стенами Кремля летними тёплыми вечерами, залетая на огонёк к мерцающим пятиконечным звёздочкам на башнях.

Камни вспоминали детский смех и радостные восторженные крики прохожих, гуляющих на площади в белых парусиновых штанах и развевающихся на ветерке воздушных платицах.

– Мама, мама, посмотри – мавзолей! – показывали детки на величавое строение из мрамора с бордовой надписью «Ленин».

Бронзовые Минин и Пожарский, нисколечко не меняя позы, искоса посматривали на молодое поколение, еле заметно улыбаясь кончиками губ. Они-то знали, что такое история и как переменчиво поклонение. Сегодня возводят на пьедестал одних, завтра – других.

Особенно часто это встречается на Руси. Но за своё более чем полуторавековое существование скульптуры поняли – ничто не может сравниться с мирной жизнью. А кто во что верит – это дело десятое, сущий пустяк по сравнению с коршуном, летающим в небесах в поисках добычи и закрывающим своими крыльями солнечные лучи от мира.

Только почему-то в те светлые дни Храм Василия Блаженного стоял серее тучи. Может, он чувствовал что-то, чего не могли предугадать радостные люди вокруг, вместе с камнями, лежащими у них под ногами.

«Топ-топ-топ», – звонкий звук от сотен сапог прервал сладостные воспоминания брусчатки. Возвратившись обратно в ноябрьский холод, она услышала шум приближающихся моторов. Ревущие автомобили и танки, подминая под себя снег, въезжали на площадь.

Так начинался парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Проход войск готовился втайне. Только избранные знали, зачем по ночам некоторые полки оттачивают строевую подготовку.

Камни напряглись. Они не могли предположить, что во время того, когда чёрная отравленная муть стоит у ворот столицы, предстоит, как и прежде, шествие техники и красноармейцев по главной площади страны.

Вдруг шум на мгновение стих. Стены Кремля начали наливаться красной краской, словно кто-то внутри разжёл гигантскую невидимую буржуйку, пар от которой начал рас-

пространяться по площади. Теплота достигла ГУМа и понеслась дальше по уходящим улочкам вглубь столицы.

«Цок-цок-цок», – на Красную площадь въехал всадник с пышными серебряного цвета усами. Они торчали в разные стороны, будто бы крылья аэроплана, которые чуть приподнимали над землёй кавалериста вместе с его лошадыю.

«Будённый! Будённый!» – раздался шёпот среди небольшого количества гостей, приглашённых посмотреть на величественное событие.

Взмах шашкой – и воздух, до этого представляющий цельную массу, рассечён на две половинки. Показалось, что всадник перерезал ленточку, разделяющую время на до и после. В прошлом остались поражения и бегство, потери и неразбериха. Будущее с победами и надеждами, с радостью и салютами приближалось.

Взревели моторы танков, поднялись вверх дула пушек, ещё более выпрямились спины солдат. Затряслась, зазвенела площадь, словно божественный колокольный звон начал наигрывать марш «Прощание славянки», и полки понеслись по брусчатке. Камни на ней, до этого лежавшие, будто бы вогнутые к земле, приободрились.

Смотря на солдат, марширующих по мостовой, они выпятили свои груди к небу, желая тоже принять участие в параде, а не стоять безучастно в стороне.

А на трибуне стоял Сталин, в фуражке с красной звездой и в простой шинели. Это потом его назовут кровавым тира-

ном и спишут первые поражения на фронте на его политическую близорукость. Это будет потом, после его смерти... А сейчас даже брусчатка салютует генералиссимусу, пытаюсь поделиться своей каменной стойкостью с солдатами, прямо с парада отправляющимися на фронт...

А снег всё падал и падал. Но для тех, кто лежал в основании площади, он уже не казался предвестником чего-то страшного, а больше напоминал белую скатерть, накрывшую стол. За ним сидят воины-победители со стопками фронтовых сто грамм. И пусть среди солдат кто-то был на свету, а большинство пребывало в тени. Пусть... Все они выстояли... Победа!

И только Минин и Пожарский по-прежнему ухмыляются толпе зевак, гуляющих возле Кремля, а храм Василия Блаженного все ещё грустно разглядывает Манежную площадь где-то вдалеке. Видимо, они знают что-то, чего не знаем мы...

Где-то знают, как надо

Где-то знают, как надо.
Где-то знают, как жить.
Не меняя фасада,

Бунтарей не будить.

Они сверху приказы,
Они сверху мозги.
Нам простым и чумазым:
Мысли, взгляды, шаги.

Мы на ниточках люди
Смеха ради висим.
На нелепом этюде
Лишь в сторонке стоим.

Но спросите у «Гугла»
Про глобальный развод:
«Всё же кто из нас кукла,
Ну, а кто – кукловод?»

Если будет в настрое,
Он ответит тебе:
«Ты и то, и другое,
Я в тебе, ты во мне».

Боль

Мы обращаемся к Богу только тогда, когда нам плохо.

Он не в обиде.

*Всевышний придумал нас такими, какие мы есть,
Не желая после переделывать своё творение.*

Боль в ноге то подкатывала, то отпускала Эдуарда. Проникая в его тело через левую ногу, она вплеталась в нервные окончания и постепенно достигала мозга. В черепушке на приеме у высокого начальника Боль была вне очереди. Войдя в кабинет, она увидела длинный стол, тянувшийся, словно плоская змея, к хозяину апартаментов. На мягком кожаном кресле, вертящемся в разные стороны, восседал сам

Эдик или его представитель, издавела ей было не разобрать. Зрение было никчёмное, а очки она забыла у большого пальца ноги. Над головой руководителя тела висел, как положено, портрет того, кто, по идее, должен был быть выше Эдуарда и по положению, и по сути. Проводнице страданий, в силу недалёкого ума и, опять же, близорукости, было не понять, располагалась там икона или это было большое фото президента компании, в которой уже десять лет трудился мужчина.

Проходя мимо рядов стульев, расставленных по обе стороны стола, Боль видела таблички, указывающие на порядок рассадки в момент большого совещания. «Удовольствие», «Злость», «Любовь» – читала посетительница. Наконец она достигла своего стула с потёртым шершавым сидением и, кряхтя, уселась. В кабинете, кроме начальника, никого не было. Так было заведено – когда Боль приходила, остальные визитёры оставались за дверью. В знак гостеприимства молоденькая секретарша с обольстительным именем Муза принесла чашечку кофе эспрессо с двумя кубиками белоснежного сахара. Насладившись вежливым отношением, немного помявшись, гостя начала свой долгий монолог о проблемах, творящихся в организме.

По мере рассказа настроение начальника всё ухудшалось и ухудшалось. Он постепенно сдвигал брови на переносице. В какой-то момент мохнатые дуги над глазами начали постанывать от неудобной позы. Взяв толстую шариковую ручку,

хозяин кабинета стал записывать за посетительницей...

«Подагра, опять эта чёртова подагра, будь она неладна», – с раздражением подумал Эдуард. Боль в который раз надиктовывала ему типичные признаки болезни. «Будто я сам этого не знаю», – с чувством брезгливости прошептал начальник. Чтобы прекратить неурочный приём, ему захотелось встать со своего пригретого кресла, подойти к выключателю и потушить свет. Тогда, по замыслу Эдика, исчезла бы противная Боль, растворился во мраке кабинет, и он наконец-то смог бы заснуть.

Таблетки не помогали. Даже листья капусты, с любовью приложенные женой к ноге, не могли убрать неприятные ощущения. Чертовка-Боль ни за что не хотела уходить, а всё ныла и ныла.

Странно, но царь природы – Человек – не мог справиться с такими, казалось бы, плёвыми болезнями, к которым Эдуард причислял подагру. Он решил просто помолиться. Но высокий начальник то верил в Бога, то ощущение присутствия Всевышнего от него в какой-то момент напрочь ускользало. Его одолевали сомнения, как девочку перед первым свиданием. Молиться или не молиться? Поможет или не поможет? Он всё же решился. Но как? Ни одной молитвы Эдик не знал. Сказать своими словами? А вдруг не поможет? Там, наверху, Господь, видимо, тоже имеет свой язык, на котором принято к нему обращаться. В полиглота-Бога он не особенно верил. Что же делать?

– Боль, отступи, Боль, отступи, Христом Богом прошу! – так незатейливо выдал из себя бедолага.

Была ночь, домашние уже давно уснули. Дом, погруженный в тишину, не издавал ни единого звука. Эдуард сквозь непрекращающийся писк в ушах, видимо, ещё и от пришедшего в гости Давления, почувствовал небольшой озноб. Прокатывающийся по его телу трактор, притормозив, немного забуксовал. Врезаясь всё глубже и глубже гусеницами в распротёртое тело мужчины, он потряхивал его на постели. В углу комнаты Эдуард неожиданно услышал странный шорох и скрип... Неужели Бог снизошёл до больного?

– Да, это я, а кто же ещё, – сказал недовольно Всевышний, потревоженный в столь поздний час.

– То верит, то не верит – замучил уже. Как только жизнь даёт ему пинок под зад, так сразу верит, в остальном – тихоня тихоней. Хоть бы иногда захаживал ко мне в церковь. Все некогда, работа, дела. А сейчас лежишь один-одинёшенек, только мне и нужен. Не отказываться же от тебя. Уж так просишь.

Эдуард притих. Хоть Бог и сказал эту речь про себя, мужчина всё услышал. Его бросило в пот, глаза в очках забегали, пытаясь выскользнуть из орбит. Он вспомнил, как несколько дней назад проходил возле кладбища, в центре которого располагалась небольшая церквушка. Там он в тридцать три года крестился. Изредка навещался, когда заболели его родные. Но в тот раз не зашёл, хотя ноги сами тянули его

в белое здание с золотыми куполами. Вот незадача. Клубок нитей связал события в одну цепочку, выдавая неприятный для организма Эдуарда результат. Бог с укором посмотрел на мужчину и, подняв указательный палец, хмуро пригрозил ему.

Эдик открыл глаза – то ли от испуга, то ли от неожиданности. Он понял, что ненароком заснул, а сейчас проснулся, выгребаясь из лап Морфея. Шорох прекратился. Может, его и не было? И не было всего того, что он услышал... И только пёс за окном начал как-то странно, поскуливая, лаять. Превозмогая боль, Эдуард, поднявшись с постели, доковылял до окна и выглянул вниз. Улица была пуста. Непонятно, зачем собака начала лаять? И только Библия, купленная год назад на распродаже, оказалась чуть сдвинута на полке. Мужчина, обладающий маниакальным стремлением к порядку, сразу обратил на это внимание. Кто это сделал? Неужели явившийся ему Бог? Тем временем Боль, несколько часов не дававшая ему спать, поутихла...

Всё, приём на сегодня был окончен. Хозяин кабинета встал со своего кресла и поправил неровно висевшую икону. Сейчас именно она почётно располагалась над его головой. Потушив свет, взяв под мышку кожаный портфель, набитый документами, Эдуард или тот, кто сидел в кресле вместо него, устало побрёл к выходу. Завтра на аудиенцию к высокому начальству по плану были записаны Блаженство и Радость...

Не будь тебя...

Не будь тебя, я б не был в этом мире.
Следы свои не оставлял в стихах.
И не играл с прискорбием на лире,

Бродя один в сомнительных мечтах.

Где я сейчас, там пустота б сияла,
И в пустоте отсутствовал Господь.
Меня б ничто тогда не вдохновляло,
Меня никто не смог бы расколоть.

Я был ничей в космическом пространстве,
Аморфным «Я», летающим во мгле,
Мечтающим о некоем постоянстве
В земных оковах страстных на Земле.

Но ты решил, и свет пролился в душу,
И я стал «Я», таким же, как и все.
Но знал ты, что однажды я не струшу
Промчаться по нейтральной полосе.

И между молотом и наковальней,
Ты чувствовал, что я найду свой крест.
Живя в своём мирке парадоксальном,
Я буду созидать, пока не надоест.

Куницы

*Понять себя – равносильно по сложности
понять Бога.*

*Но человек никогда не сможет понять
Всевышнего.*

*Однако разве это означает, что нужно
оставить безуспешные попытки?*

Ведь Бог тоже не может иногда понять себя.

Ибо это мы видим по очевидным его ошибкам.

Порывы ветерка, стремительно пронесившегося по набережной, хлестали мне по щекам, будто я был в чём-то перед ним виноват. Не сказать, что это было больно, – скорее всего, щекотно. В какой-то момент потоки воздушных масс показались мне прозрачными куницами, бегущими туда, за край бухты, прозванной в народе Толстым мысом. Неизвестно, с какой целью забавные зверьки, размахивая холодными

и тёплыми пушистыми хвостиками, хватали на ходу мои размышления и уносили их в дальние норы. Возможно, что там, в своих уютных жилищах, куницы, устроившись поудобнее, с интересом рассматривали мысли одиноко шагающего мужчины, выпучивая свои маленькие глазки.

Беря по одному острые необтёсанные камешки, в которых ещё жили запёкшиеся частички моего «Я», зверьки раскладывали их по цвету. Когда попадался чёрный камешек, хвостатые морщились, понюхав, воротили носики и клали бузинку в картонную коробку с надписью «Какашки».

Если находился жёлтый кусочек, на лицах куниц расплывались улыбки, под стать тому малюсенькому камешку, который они держали в руках. Жёлтый самоцвет куницы аккуратно подносили к лукошку с ёмкой табличкой: «Счастье» и бережно его туда опускали.

Красные камешки, в которых, понятное дело, жили мои эмоции, педантичные пушистики прятали в железный ящик, напоминающий по виду сейф. Подушечками лап они каждый раз пикали шифр, чтобы хранилище открылось. Завёртывали эмоции в салфеточку и клали на верхнюю полку.

Голубые камешки зверьки не хранили, а сразу выбрасывали в море, чтобы игристые волны подхватывали мои мечты и уносили их подальше от берега. Куницы считали, что именно так и должны сбываться желания – свободно, непринуждённо и красиво.

Разложив меня на составляющие, словно детский кон-

структор, животные опрометчиво думали, что поняли этот сложный и иногда думающий механизм. Напрасно! Ой, как напрасно! Я и сам, видя воочию все шпунтики и винтики, не понимал порой в себе ничего. Как может работающий со сбоями агрегат иногда выдавать мысли и чувства, от которых захватывает дух? Тот дух, который вселяется в тело временно – не навсегда, а только на короткий период жизни. Он выдаётся человеку по разнарядке с рождением, а затем изымается на девятый день после смерти.

Да, индивид в момент конфискации не понимает, где оставляет своё «Я» – в ржавой, неработающей машине или в летающей, ничего не весящей субстанции. Но на то и существуют загадки мироздания, ответы на которые можно искать вечность...

Вечерело. Я медленной походкой шёл обратно домой, той же дорогой, по набережной. Расклеенные на информационном стенде афиши давно устарели. Даты августа и начала сентября прошли – на носу уже был октябрь.

Пожилой писатель всё ещё продавал за раскладным столиком свои книги. Я купил у него ранее две, с его дарственной надписью, и теперь нёс их в пакете. Мальчик пел поитальянски под аккомпанемент магнитофона так жалобно и пронзительно, что моё тело осыпали мурашки. Официанты из прибрежных ресторанов скучающе стояли у входа в ожидании очередного посетителя.

Даже вертлявые и шустрые прозрачные куницы замер-

ли, всматриваясь в невысокие горы, кольцом охватывающие бухту. Одиночество, до этого следующее за мной на почтенном расстоянии, ускорило шаг и поравнялось со мной.

Подумалось: «Неужели это всё? Моя сегодняшняя прогулка закончилась?» Но нет! Ещё не пора! Голод, находившийся на всём протяжении выгула где-то внутри, поняв, что его забыли, вылез наружу и помахал мне флажком бургерной.

Человеческое победило философское, и ноги стремительно понесли меня к двойной котлете с булочкой, заправленной майонезом. Картофель фри и «Пепси-Кола» догоняли пузатого хлебобулочного карапузика...

Умиротворение наступило сразу, как только на столе, кроме подноса и пустого картонного стаканчика, ничего не осталось. Счастье, которое помещалось ещё недавно только в двух-трёх запёкшихся камешках, вдруг разродилось и осыпало горой самоцветов моё тленное тело.

«Берите! Берите! Несите, прозрачные зверюшки, мои жёлтые камешки в своё логово! Раскладывайте их по лукошкам, сумочкам и карманам. Я делюсь счастьем, мне не жалко!»

Но куницы куда-то делись. Они исчезли с моего пути, будто их никогда и не было. А мне так хотелось обрадовать хвостатых. Что же мне прикажете, самому сортировать камешки?

Чёрные – к какашкам, жёлтые – к счастью, красные – к

эмоциям, а голубые... Так, а голубые где? Их совсем не осталось... Мечты с уничтожением бургера испарились. Как всё же мало надо человеку, чтобы стать счастливым и при этом перестать мечтать...

Что же тогда с философским? Может, оно – лишь прикрытие нашей животной сущности? И на самом деле мы в точности похожи на тех прозрачных куниц, шастающих по набережной в поисках более совершенного сверхразума, чем люди?

Четыре чёрные стены

Четыре чёрные стены
Меня встречали по утрам.
Как будто метка сатаны

Наотмашь била по глазам.

И в этом правильном аду
Я был с собой наедине.
И нёс, не выпавшись, в бреду,
Сплошную ересь в тишине.

Слова, как раненая плоть,
С меня стекали как могли.
И я пытался побороть
Всю черноту моей земли.

Четыре чёрные стены
Смеялись над моей мечтой.
На этом бале сатаны
Я был для них совсем чужой.

Герман, Эрика и биткойны

Люди выплескивают свою энергию по-разному.

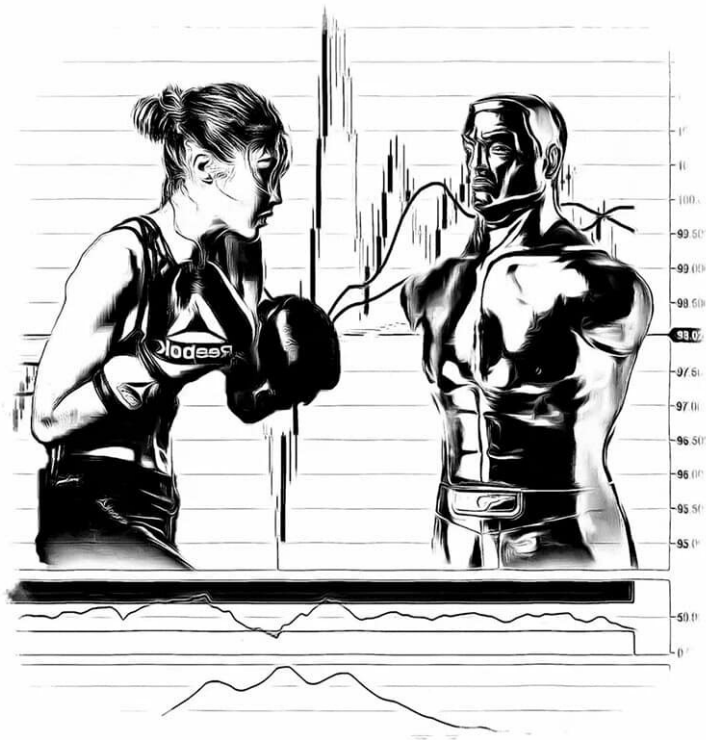
Фантазии им не занимать.

Главное, чтобы они помнили, что всё в мироздании взаимосвязано.

И что отдаётся, то когда-то обязательно возвращается.

Пусть не тем же.

Ибо Бог тоже не лишен изобретательности.

Выпученные бесцветные глаза бокс-манекена Германа с тоской смотрели на узкое подвальное окно тренажерного зала. В нём виднелись мелькающие ноги прохожих на фоне проносившихся автомобильных колёс, которые в клочья разрывали воздух и поднимали золотистую пыль.

В зависимости от времени года в окно с интересом заглядывали то любопытные снежинки, строящие неподвижному

истукану противные рожицы, то склизкие и противные капельки дождя, со звоном разбивающиеся об асфальт. Вдоволь порезвившись, хрустальные крупницы, отряхнувшись, деловито исчезали в узких проходах городских водостоков, оставляя за собой лишь мокрые серые пятна.

Частенько в открытые створки влетали солнечные зайчики от оконных стёкол соседнего дома, которые вели себя в помещении по-свойски. Они медленно скользили по замысловатым тренажёрам, совершая экспертный обход зала, веселя мужчин и женщин, занятых поддержкой формы собственного тела.

Но, несмотря на периодически сменяющиеся картинки, Герману казалось, что жизнь проходит мимо, не задев его хорошо сложенной фигуры даже краешком плеча. Ведь на самом деле грозное насупленное лицо манекена для оттачивания техники ударов умело скрывало тонкую и ранимую резиновую душу.

В его мозгу иногда вспыхивали мысли, похожие на мелких мошек, летящих на свет жгуче горячей лампочки действительности. Короткий полёт, прикосновение – и всё...

Прозрачные крылышки насекомых обжигались об раскалённое, безжалостно выпуклое стекло светила. Испепелённые мысли бокс-тренажера падали вниз медленно, с достоинством, насколько это было возможно для праха некогда утончённых созданий. Они опускались туда – к подножию тяжёлого основания с утопленной в него одной-единствен-

ной ногой.

Германа колотили по графику, отрабатывая на нём убойные удары. При этом он всегда стоял как вкопанный под агрессивным воздействием тренирующихся людей. Лишённый способности ответить, он мог только раскачиваться взад-вперёд под ударами, издавая при этом скрипучий звук трения кожи об кожу. А Герман так хотел, так желал ходить, как человек. Но, как известно, манекенам этого не дано. Их можно только переносить с места на место в поисках подходящего угла.

Через бокс-тренажёр проходило много людей, всех не упомнишь. Но особой агрессивностью выделялся коренастый качок Василий, который любил с вертушки запустить свою пятку в голову Германа. С победным воплем индейца он вонзал свою левую ногу в беззащитную фигуру. Опускаясь на пол, Вася принимал позу защищающегося, будто манекен мог бы дать сдачи.

По средам спортивный зал посещал программист Вениамин, который не отличался боевитостью, а всё норовил исподтишка ударить кулаком истукана в область почек. «На тебе, на тебе», – приговаривал Веня, видимо, затаив на кого-то обиду.

Но Герман не обращал на них особого внимания, потому что ждал субботы. В этот выходной день к нему приходила Эрика – белокурая девушка невысокого роста, одетая обычно в тренировочный костюм на размер больше. Она медленно

но подходила к манекену, как походят женщины на первом свидании. Долго примерялась, а затем нежно ударяла кулачком по резиновой поверхности.

Герману казалось, что её удар похож на вкрадчивое до-трагивание. Мысли, до этого безнадежно падающие вниз, сами собой воскрешались, и соревнуясь друг с другом, наперегонки, опять влетали в голову манекена. Даже тоскливое окно преображалось, периодически хитро подмигивая ему. Жизнь наливалась яркими красками, в воздухе растекался аромат, как будто от цветов на весеннем лугу.

Германа интересовало в этот момент всё. Мелкие детали, до этого тонущие в океане никчёмности, вспыхивали с новой силой. Почему паучок под потолком уже который день не плетёт свою вуалевую паутину? Зачем работница Василиса Ивановна начала с утра уборку тренажёрки не с края, как обычно, а с середины? По какой причине сегодня у Эрики ногти покрашены не красным лаком, как вчера, а зелёным?

Ну как Герман мог знать, что девушка – начинающий брокер, торгующий криптовалютой на одной из известных бирж. Он и настоящих-то денег не видел, а здесь – виртуальная электронная наличность, больше напоминающая воздух.

Графики, ставки, продажи и покупки, падения и взлёты уходили на задний план, когда Эрика по субботам устраивала боевые танцы с Германом. Положительная и отрицательная энергии, которые накопились у девушки за всю рабочую неделю, выплескивались здесь и сейчас.

Заряды смешивались с мыслями манекена в фантастический коктейль, создавая новый мир. Мир гармонии, счастья и свободы, в котором ежедневной суете отводилась лишь второстепенная роль. И неважно, что Эрика выбирала цвета для своих ногтей в зависимости от того, какой тренд сейчас превалирует на бирже: красный – медвежий или зелёный – бычий.

Удар... И стрела графика взлетает и вонзается в небо. Значит, можно всё продавать. Ещё удар – и падение в океанскую бездну. Рекомендуется закупать активы.

И так до бесконечности, до полного уничтожения себя и обретения чего-то большего, чем эти привлекательные и злочастные биткоины и альткоины...

Эпилог

Суббота. Вечер. Эрика, как обычно, пришла в тренажерный зал и подошла к углу, где стоял Герман. Но место оказалось пустым. Выяснилось, что манекен из-за старости списали и он дожидается своего уничтожения в кладовой...

Но музыка... Та музыка, которая звучала по субботам, не должна прерываться. У нас не может быть печального конца. Тогда зачем это всё? Куда торопятся люди в узком окне тренажёрки, зачем машины поднимают золотистую пыль, почему снежинки укрывают Землю, к чему капли дождя окропляют живущих здесь...

И вот Эрика уже сидит со списанным Германом у себя дома. Она упросила отдать манекен ей. Иначе нельзя было

поступить, ну никак нельзя...

Черпая муки творчества ковшом...

Черпая муки творчества ковшом,
Ища внутри души волокна суги,
Я падаю в свои стихи ничком,

Запутавшись в замысловатом спруте.

Не спяну, не со злости, не в дыму
Моих уразумений сладострастных
Я нагоняю на себя чуму,
Одушевляя образы несчастных.

Стоящих неразумно в темноте
Забытых Богом серых декораций
И разумом зажатых в немоте,
Играющих лишь роль ассоциаций.

Я в них найду, когда умру, приют
В потоке вечности не ставя точку,
Нырнув нагим в приватный абсолют
И скрывшись тихо за скупую строчку.

Воскрешение

*Человек, живя в мире условностей,
Порой не обращает внимание на свою душу,
Не осознавая, что она не его собственность.
Нужно помнить, что с Душой нужно
обходиться бережно,
Ибо она в любой момент, обидевшись,
Может оставить человека в одиночестве.*

Вечно беспокойная, нескромно упиваясь собственным непостоянством, одинокая Душа прыгала из одной сущности в другую. Она искусно находила целое там, где её собратья, такие же частички Божьей печати, обычно проходили мимо в поисках свободного места для соединения материального и духовного начал.

Когда Душе больше всего на свете хотелось тишины и фи-

лософских раздумий, она ныряла в молчаливые и угрюмые камни. Невидимая шалунья погружалась в морские волны, чтобы среди пузырьков и водорослей, лавируя между острыми ракушками, спорить до посинения с грешной Землёй – кто круче и главнее на голубой планете, вода или суша. И тут же, не дожидаясь результатов полемики, Душа взмывала в небо внутри крикливой чайки, желая со стороны взглянуть на суету сует. Там, наверху, обдуваемое норд-остами и муссонами, неделимое «Я» понимало, что всё вокруг в конечном итоге проходит: и хорошее, и плохое, оставляя ровную площадку для очередной радости и скверны. Так было, есть и будет. И кто разбил горшок с идеальностью, разбросав кусочки надежды на совершенный миропорядок, уже не важно. Перемешавшись с фантастическими формами уродства, возникшая беспорядочная масса явила то, что явила, затвердев естественным образом на воздухе и превратившись в закорстенелую привычку.

Однажды, беспечно гуляя и откровенно веселясь, внетелесная искорка вдруг неожиданно попала внутрь пожилого человека, сидящего в какой-то странной позе на лавочке, расположенной в глубине бульвара. Глаза у него были закрыты, а рядом на тротуарной плитке валялась открытая стеклянная баночка с валидолом.

Несколько вечнозелёных сосен, которые росли поблизости, грустно напевали песню:

«Фонтан черёмухой покрылся,
Бульвар Французский весь в цвету.
«Наш Костя, кажется, влюбился», –
Кричали грузчики в порту...»

Видимо, решила Душа, того, кто сидел на лавочке, звали Костей, а последними яркими воспоминаниями старика была его далёкая любовь, которую он повстречал ещё в молодости.

С последним вздохом мысли выпорхнули из брэнного тела и повисли в виде ёлочных украшений на пушистых соснах. Те, недолго думая – не пропадать же добру – начали музицировать, разгоняя застоялую древесную скуку.

Душа, которая до этого времени жила в Косте с самого рождения, тоже решила не задерживаться, оставив место вакантным. Ведь автобус со строгой табличкой «В парк» уже подъехал к остановке, забирая с собой изрядно заждавшихся его в этой жизни пассажиров. Они были сплошь с постными физиономиями, стояли молча, опустив головы. Видимо, понимая, – к чему они стремились при жизни, каким вещам радовались, что ненавидели – превратилось в один миг в прах, никому не нужный песок под стоптанными подошвами их обуви.

Оказавшись внутри изрядно потрёпанного тела мужчины, полулежащего на лавочке, новая хозяйка, не спрашивая разрешения и не посоветовавшись с вышестоящим начальством, стала наводить порядок. Почистила закупорен-

ные капилляры, ритмично пожаткала сердце, добавила молодой энергии в обмякшие мышцы. Щёки старичка после усиленных манипуляций гости порозовели, пальцы дёрнулись, словно нащупали струны гитары, веки с осторожностью, медленно поднялись. Глаза взглянули на серое облачное небо, разрывая которое, то тут, то там в открывшиеся прорехи, толкаясь локтями, начали пролезать солнечные лучи. Видимо, слухи о воскрешении некоего рядового, ничем не примечательного жителя одного из курортных городишек дошли до самого Светила, и оно послало своих гонцов вочию посмотреть на происходящее чудо.

А потешная Душа, видя возросшую популярность и сыплющиеся со всех сторон «лайки», решила ненадолго задержаться в седовласом старце. К тому же, ей наскучило скакать по разным квартирам, как неприкаянной. Когда-то ведь надо обрести собственное жильё с постоянной пропиской и синим штампом в паспорте. Тем более Фортуна сверкнула ей белозубой широкой улыбкой во весь рот. В вышестоящих божественных сферах издали указ, разрешающий без проволочек получать гражданство таким легкомысленным особам, как она.

Тем временем Константин Иванович Скоробогатов, а именно так величали нашего Костю, приободрился. Он потянулся, сидя на лавочке, будто бы недавно лишь кемарил, а не ускоренной походкой, срывающейся в галоп, нёсся к врачам, у которых ждал его вечный охранник из Божественной

гвардии Архангел Михаил. Смахнув с себя пыль десятилетий, старичок встал. Затем, пританцовывая, он начал разминать ноги, напевая себе под нос песенку, пронизанную запахом Чёрного моря и солоноватыми каплями, удивительным образом долетающими до него:

«Ах, Одесса, жемчужина у моря.
Ах, Одесса, ты знала много горя.
Ах, Одесса, любимый милый край,
Живи, моя Одесса, живи и процветай...»

Постояв так немного, Костя поправил брюки и, со смаком хлестнув по небольшому округлому пузику подтяжками, скоренько-скоренько пустился к себе домой, где его ждала любимая жёнушка, с которой он прожил уже полвека.

Кто знает, а может, бульвар находился совсем не в Одессе, а, например, в Севастополе или даже в Геленджике, а песни – это так... Весёлые, да и ладно...

Ведь души настолько глупы, что им совсем неведомы границы между государствами и прочие никому не нужные запреты и ограничения. Они выбирают людей, не ориентируясь на их национальность, вероисповедование или политические взгляды. Захотелось некоей Душе явить миру чудо воскрешения, она и явила. Потому что просто ей так вздумалось...

В раздумьях о смерти

Нам говорят – не думайте о смерти,
Не омрачайте жизнь давящей темнотой.
Туда людей заманивают Черти,

Воруя у наивных простачков покой.

И страх, почувствовав себя свободным,
Засев внутри, сжирает по кусочкам плоть.
А счастье, выбежав в одном исподнем,
Несётся прочь, крича, что силы есть: «Господь!

Господь-спаситель, помоги, дай веру,
Что вечно жить предписано нам на Земле!
И силы дай убить в себе Химеру,
Мы не желаем быть у страха в кабале!»

Стал мир от рассуждений Бога светел.
Не став нас, бедных, за носы водить,
Господь, недолго думая, ответил:
«Я дал вам смерть, чтоб вы могли счастливо жить».

Безумие

*Нити, управляющие безумием, не изучены.
Человек в этом состоянии непредсказуем.
Логика в его действиях отсутствует.
Но иногда закрадывается сомнение:
Может, наоборот, мы – безумцы, а он один лишь
разумен...*

Из словаря-фантазмагории:

Безумие – это состояние человека, когда его нутро отвергает общепринятый порядок вещей, не желая следовать кем-то когда-то установленным правилам. Индивид ввергает себя в это нестандартное, по мнению других, условие существования по собственной воле или от бессилия души, не пытаясь скрыть стремление очутиться в иной реальности, неже-

ли та, где находятся окружающие его люди.

Дорога человека с подобным недугом или прозрением, как кому нравится, упирается в развилку из трёх направлений. Тот, который не от мира сего, напичканный таблетками, или становится цветущим деревом, спокойным, даже чуть-чточку величавым, лишь изредка покачивающим листвою на ветру, или безумец навсегда покидает нас, оставляя жалкое тело на потеху публике.

Третий путь ведёт ко всеобщему признанию гениальности, если зёрна творческого начала, посеянные Богом в человеке ещё при рождении, выдают хоть какой-то видимый результат.

А какой путь выберете вы, встав однажды утром, взглянув совершенно случайно на себя в зеркало и увидев взъерошенное сознание, сгустки волос, смотрящих в разные стороны, и неуёмный, постоянно бегающий взгляд?

Взгляд, который ну никак не хочет останавливаться в одной точке, потому что не находит в ней приюта и вселенского покоя. Взгляд, который скачет по кочкам, пытаясь побывать на всех мало-мальски твёрдых поверхностях в этом огромном болоте неопределённости.

Человек попытается остановиться, отдохнуть, перевести дух. Но не тут-то было. Выбранная им в качестве опоры кочка мгновенно начнёт всасываться дурно пахнущей топью.

«Буль!» – и уже на месте, где совсем недавно была твёрдая почва, останутся лишь круглые разводы, которые тут же

сотрутся коричневой с зеленоватым оттенком гладью. Здесь всё кончено. Взгляд перепрыгнет на другой островок, пытаюсь на нём обрести постоянную прописку. Не получится. Сотрудник паспортного стола скажет ему твёрдое – нет, не положено. И безумец, взмыв в воздух, ненадолго зависнув там, с надеждой устремится к другим берегам.

Разум, копируя болото, превратится в сжиженную бесформенную массу, в которую другим захочется засунуть обе руки и с чувством отрешённости пожать приятную на ощупь субстанцию. «Может, что-то и удастся вылепить», – выдвинут предположение «повара» в белых халатах, создавая то чудовище, то милого пушистого козлика.

«Забавляйтесь, забавляйтесь», – подумает про себя безумец, понимая, что потуги их напрасны, а результаты непредсказуемы. Действительно, пройдёт совсем немного времени и скульпторы – профессионалы или дилетанты – поймут тщетность попыток сотворить что-то дельное. Но это только с их точки зрения...

Безумец засмеётся, даже захохочет во весь голос, распугивая окружающих его голубей. Он назовёт несмышлёнышами тех, кто пытался что-то там починить в его мозгу. Ведь это не-воз-мож-но!

И только История – старая дева в дырявом, обветшалом платье, о чём-то пошептавшись с отвергнутым, кинет два шестигранных игровых кубика на длинное деревянное поле, называемое нардами.

«Стук-стук», – подпрыгнут в паре два рандомных существа, сделанные из кости неизвестного животного. Они покатаются по гладкой лакированной поверхности доски с нанесёнными на неё кавказскими узорами и через секунду встанут как вкопанные, показывая на удивление публике «шеш гоша».

Почему именно нарды? Так ведь История – женщина непостоянная. Вы сядете с ней играть в шахматы – она достанет из кармана колоду карт. Вы захотите постучать в домино – она начнёт передвигать шашки. И в этот момент как из табакерки выпрыгнет чуть-чуть сумасшедший Ван Гог или покажет язык Эйнштейн, в крайнем случае, высунет нос из кофра Джордано Бруно. И скажет так тихо, с нотками безумства, – «Земля на самом деле не круглая, а плоская и стоит на трёх китах. Ошибался, каюсь...»

И одержимый в один миг превратится в почитаемого всеми гения, ведь выпавшие зары показывают две шестёрки. Вот вам и Марс – партия. Ничего страшного, даже если эту игру закончат после смерти непонятого другие. Там, на небесах, галочка, поставленная в клеточке зачёта, учтётся. Наверху свой ЕГЭ. И сдавать его придётся на всём протяжении времени понимания собственного Я – когда оно было в теле и когда из такового вылетело. А был ли человек безумцем или входил в разряд нормальных – скидку он не получит, отвечать будет по полной программе...

– Тук-тук, – в дверь тихо постучали. Пора заканчивать

писать. – Кто там?

– Мы санитары по вызову соседки сверху, – вкрадчиво, располагая к диалогу, объясняют люди в белых халатах, – здесь проживает безумец?

С опаской оглядываюсь. За спиной – никого, да и вообще я в квартире один.

«За мной, что ли, пришли?» – пытаюсь рассуждать здраво, поправляю взъерошенные волосы. Поворачиваю ключ в двери, впуская непрошенных гостей. А как не впускать, они же власть – наделённая разумными уколами и ровными пилулями.

Ставлю последнюю точку в предложении, чтобы всецело отдаться в руки медицины. Спокойненько, без истерик и битья посуды, сажусь на стул. Я же безумец не буйный, а рассудительный. Наполеоном или Цезарем себя называть не стану...

Что ждать от дней?

Что ждать от дней, спешащих вереницей,
Несущих на себе несчастье иль покой?
Багровые далёкие зарницы

Всё завлекают нас своею красотой.

А мы, подобно тем слепым котят,
Дрожа, вдыхаем запах матери Земли.
Ползём во тьме, питаюсь ароматом,
Пища, взбираясь на горящие угли.

И, разрывая мысли на частицы,
Хороним бодро их, без музыки, в песок.
Иллюзий перекошенные лица,
Из них готовим мы кровавый порошок.

Запив его из луж святой водицей,
Пытаемся себя утешить хоть на миг.
И исчезают в белизне зарницы,
И распускается внутри души цветник.

Однофамильцы

*Неужели Бог специально заложил в людей страх,
Чтобы они всегда чувствовали собственную
ущербность?*

*А может быть, Всевышний сделал это для того,
Чтобы мы после смерти оценили истинную
свободу?*

Имена, имена, имена: Тараненко Фёдор Иванович, Тараненко Григорий Тихонович, Тараненко Екатерина Анисимовна... Их много – более полусотни, только одних Тараненко, в трёхмиллионной базе жертв политического террора. Краткие строки: год рождения, арестован, репрессирован, приговорён, реабилитирован. Сухо, чётко, по-военному. Но почему-то от этой скупости данных начинают болеть

зубы и пересыхает во рту.

«Пить, пить!» – слышатся голоса из каменных мешков. Кровь размазывается по бетонному полу и тут же высыхает, превращаясь в картину, напоминающую по минимализму «Чёрный квадрат» Малевича. Но здесь пишут не мягкой ворсистой кисточкой, а лицом, разбухшим от побоев.

«Изменник Родины, сволочь», – эти слова, словно молотком, вбивают в голову жертв сотрудники в зелёных мундирах. Не в чёрных со свастикой. От них было бы не так обидно – они враги, а именно в зелёных со звёздами.

«Признавайся! Пиши, что раскаиваешься!» – и ты превращаешься в животное. В испуганного, забитого до полусмерти пса, – скулящего, прижимающегося к земле от страха.

«Я всё подпишу, только больше не бейте». На мгновение кажется, что в тебе больше нет человеческого. Ошибаешься! В этот момент ты становишься больше, чем человек. Ты превращаешься в святого, на которого Бог ниспускает живительное свечение вечности.

Это делает Он, которого ты до этой самой минуты отвергал, веря в красное знамя с серпом и молотом. Но Всевышний не хочет, чтобы ты потерял веру в солдат, марширующих на Красной площади, в Кремлёвский перезвон, в бесконечные поля, усыпанные пшеницей и рожью, в заводы, надувающие щёки и выводящие из-под конвейера машины. Он не хочет, чтобы загнанный в угол человек отвернулся от того, чем он раньше гордился, чему радовался. Бог стремится

быть всегда рядом с тобой – тихо и незаметно, и даже тогда, когда на параде ты проходишь возле трибуны и на ней стоит великий Сталин.

«Ура, ура!» – кричал ты тогда, стараясь быть самым громким в толпе демонстрантов.

«А-а-а!» – кричишь ты сейчас, от боли и жуткой обиды. От той обиды, которую может испытывать только невинный человек, не чувствующий хотя бы маленького камешка за душой.

Имена, имена, имена... Строки бегут перед глазами, превращаясь вдруг в «лица, лица, лица» со своей особенной, незнакомой мне судьбой, с любовью, радостью и горем. Они разрывают невидимые мерцающие полосы монитора, словно колючую проволоку, зубами, и встают из могил...

Вот поднялся Тараненко Абрам Евдокимович. Опираясь на одно колено, встаёт Тараненко Никита Семёнович. Вытирая слезы со щёк, завязывает платок у подбородка Тараненко Евгения Георгиевна. Даже сейчас, в этом фантастической мире иллюзий, женщина остаётся женщиной... Её-то за что?..

Имена этих людей невозможно стереть, зачеркнуть, забыть. Выключить монитор и больше не возвращаться к страшному списку. Мужчины и женщины, старые и молодые, стоят в ряд и смотрят мне прямо в глаза, не пряча взгляда и не опуская головы. Они достойны, чтобы их помнили. Они заслужили, чтобы о них говорили. И даже если некоторые

считают, что на Западе тоже было не всё гладко... Но как именно было там, мы об этом мало что знаем. Нам интересно, с какой целью это происходило здесь. И важно, что чёрных воронок, снующих по улицам в ночное время, боялись наши бабушки и дедушки, о них мне говорили папа с мамой.

Страх, словно склизкий червяк, до сих пор живёт в наших родных. Он то уменьшается в размерах, то увеличивается, закрывая глаза своими червячными ладонями тем, в ком сидит.

«Если ты боишься – не смотри. Просто зажмурься и спрячь в голову в песок. Не думай, не размышляй: что было тогда плохого или хорошего, что сейчас не так или что несравнимо с теми годами. Вот тебе чёрно-белые краски – ими и рисуй, а цветные тебе не положены».

«Страх, страх, страх». Некоторые из тех, кто наверху, не хотят, чтобы этот червь исчез навсегда у находящихся внизу. Они подкармливают его. Возвращают популяцию беспозвоночных существ в своих лабораториях. Распространяют их через всевозможные средства коммуникации. Даже испытывают воздействие ничтожеств на себе. И отряд коричневых извивающихся существ не исчезает с планеты, не выводится, а продолжает плодиться. Роет запутанные ходы в душе человека, превращая норы в непроходимые лабиринты. Умело скрывается от яркого света, не позволяя себе вылезти на поле однозначности и определённости. Сторонится прямых вопросов, потому что у червей не может быть простых и по-

нятных ответов...

Неожиданно я вижу, как «люди, люди, люди» из монитора подходят всё ближе и ближе ко мне. Вот улыбается Тараненко Василий Максимович, разглаживая морщинистое лицо. Подмигивает мне левым глазом Тараненко Трофим Сергеевич, будто бы зная какую-то тайну. Дружелюбно машет рукой Тараненко Яков Петрович, словно мы с ним старые знакомые. Они чисты и в них больше нет страха.

Все Тараненко по скорбному списку перешли ту грань, за которой коричневым тварям быть нельзя, не положено. Эти люди стали свободными. А если мои однофамильцы смогли, значит, и я когда-нибудь смогу...

Ночь. Темно. Ухожу

Ночь. Темно. Ухожу.
Ухожу навсегда.
Чуток мыслей сложу

В чемодан и – айда!

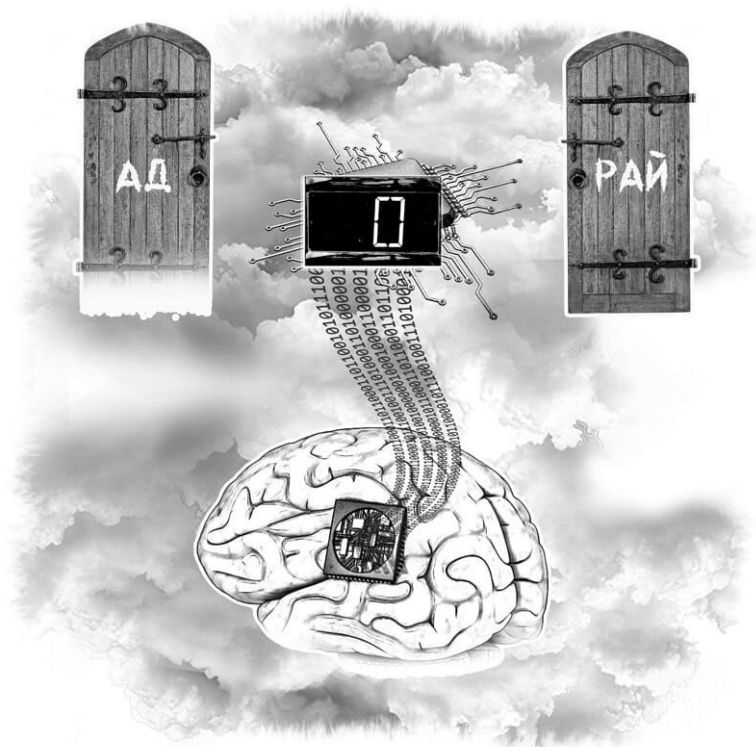
Вы забудьте, что жил.
Жил на этой земле.
Всем долги заплатил
И исчез вдруг во мгле.

Человечек простой.
Не высок, не урод,
Не весёлый, не злой –
Рядовой пешеход.

Круглый шарик меня
Приютил лишь на миг.
А теперь вот и я
Стал его выпускник.

Чип

*Люди в своих размышлениях могут зайти так
далеко,
Что им будет непросто возвратиться оттуда
обратно.
Они не понимают,
Что абсолютное большинство тайн сокрыто в
них самих.
И для прозрения нужно просто остановиться и
На время закрыть глаза...*

Чип, вживлённый в мозг, всего за пару часов стал практически своим для огромной армии нейронов, обитающих внутри моей черепной коробки. Полетав немного вокруг неожиданно появившегося инородного объекта, солдаты – нервные клетки равнодушно отвернулись от микроскопической пластинки, продолжив выполнять свой внутрителесный долг. Принимая сигналы извне и отправляя их дальше во

все без исключения части человеческой материи, близорукые рядовые не догадывались, что чип начал вести строгий оперативный учёт возникающих мыслей и образов. Бесперебойно транслируя производные разума в вышестоящий командный пункт, нанокomпьютер уже на первоначальном этапе определял степень их созидательности или разрушительности.

«Щёлк-щёлк-щёлк», – счётчик, беспристрастно цокая, накручивал показатели в плюс или в минус, в зависимости от степени положительного или отрицательного результатов.

«Щёлк-щёлк-щёлк», – то увеличивались, то уменьшались циферки на дисплеях механизмов, установленных на небесах под каждого конкретного индивида прямо в момент его рождения.

Так настроенная и выверенная по историческим эталонам система точно определяла, куда человек должен быть направлен после физической смерти – в рай или в ад. Если высокоорганизованный арифмометр после подведения итогов показывал значение больше нуля, то субъект отправлялся в рай. Если меньше, то уж делать нечего, красная дорожка раскатывалась к двери с надписью «Ад».

Нововведение по установке умных счётчиков в черепки было спущено из правящих сфер недавно, по причине полнейшей неразберихи среди представившихся граждан, регулярно поступающих на горестный призывной пункт. Раньше в Божьемате частенько ошибались и записывали пострижен-

ного под ноль новобранца не в те ряды войск. А как здесь не просчитаться? Все призывники поступали голенькими, с такими ангельски спокойными лицами...

Очередь в кабинет, где восседала приёмная комиссия, была длиннющая. Люди, переваливаясь с одной ноги и другую, располагались рядком, молчаливо уставившись в затылки впереди стоящих. Каждый, прикрывая причинное место, держал учётный документ, где неразборчивым почерком было записано множество фактов о его предыдущей жизни. Жалость подкатывала к горлу, перекрывая независимый сторонний взгляд на колонну новичков. Вот их всех и направляли в рай.

Но, как оказалось, это место не резиновое. Рай неожиданно быстро заполнился, а утруска и усушка не могли справиться с таким потоком поступающих граждан. Поэтому импортозамещающее решение было принято быстро, без проволочек и никому не нужных обсуждений. Голосование прошло в дружественной рабочей обстановке. Все как один нажали на зелёные кнопки.

– Принято единогласно! – воодушевлённо произнёс председатель. И зал заплодировал, напугав тем самым угрюмых женщин в чёрных балахонах, стоявших у входа в здание и державших длиннющие остро заточенные косы. Орудия производства блестели и переливались на солнце разнообразными цветами, поражая окружающих своей искренней неотвратимостью. Они излучали такую стерильность, что в их

металлический оскал можно было смотреться как в зеркало, чистя зубы и причёсываясь перед дальней дорогой.

«Щёлк», – шестым чувством я ощутил, как мой счётчик сбросил единичку. Видимо, абсолютно не те мысли начали гнездиться у меня в голове. Нужно было срочно искать что-то вдохновляющее и душевное...

«Заведу, пожалуй, себе аквариум с рыбками», – подумал я, понимая, что после таких желаний счётчик точно сдвинется на одно деление в плюс.

«Щёлк», – так и случилось. Я понял, как без особого труда управлять аппаратом.

Наступило утро. Воробушки на дубе, виднеющемся из моего окна, затарахтели, безобразно перебивая друг друга. Где-то совсем близко шумели волны, наползая на песчаный берег. Я не мог их слышать, но точно знал, что в нескольких сотнях метров от дома происходит именно так.

«Щёлк», – уловив моё умиротворенное настроение, ещё одна единичка только что слетела с ветки дерева-соседа, пополнив мою копилку. Стало удивительно приятно. Я вот так, ничего не делая, просто лёжа в постели, могу управлять своей будущей судьбой. Кажется, что рай уже у меня в кармане. Теперь свернуть с пути накопления таким простым способом очков было, по сути, невозможно.

– Боже! Закрой мысли от черноты и горя, которые независимо от меня существуют на планете, – мне захотелось перейти на молитвенный стиль.

«Щёлк-щёлк», – сразу на два очка увеличилось моё преимущество в забавной игре, на кону которой стояло попадание в рай или в ад.

А может, не существует ничего и никого во Вселенной, кроме того, что находится сейчас в моей голове? А забавные умирающие нейроны – это те призывники, стоящие в очереди на распределение? И воробушки на дубе – это лишь плод моего воображения? И море? Море тоже? Всё создано там, где вживленный чип вонзает свои хоботки в мягкую массу, похожую на грецкий орех?

«Щёлк», – сухой счётчик вполне естественно минусовал мне единицу.

А как же тогда рай или ад? Их тоже не существует? Я, в угаре своих размышлений, пытался вклиниться в те области, которые человеческое сознание не в состоянии охватить и понять.

«Щёлк», – аппарат опять сработал. Не знаю, то ли сбросив, то ли добавив мне очки.

Я взглянул одним глазом на дисплей, который светился томным интимным светом. На экранчике стоял пузатый, загадочный ноль...

Сегодня я лечусь стихами...

Сегодня я лечусь стихами,
Рифмуя смыслы, дух и чистоту.
Слова мне кажутся врачами,

А музу принимаю за сестру.

В халатах белых вальс неспешный,
Гармония летящих в разум строк.
С небес спускаясь в мир наш грешный,
В поэтах вечности поёт пророк.

Не жизнь, не смерть он воспевает –
Незыблемость миров, что среди нас.
С меня в секунду страх спадает,
В душе бессмысленность стерев тотчас.

Я красотой упиваюсь
Сплетённых вместе абсолютном слов
И незаметно исцеляюсь,
Приняв бессмертие от образов.

Старушка

От любви до ненависти – один шаг.

*А вы когда-нибудь пробовали следовать в
обратном направлении,*

На время уподобившись Богу?

*Нет?.. Тогда испытайте себя, может, у вас
тоже получится...*

Прозрачная остановка, раскрыв, словно зонтик, полу-круглый козырёк, заботливо укрывала от морозящего дождя людей, ожидающих приезда 66-го троллейбуса. Прохожие вокруг стеклянной ширмы куда-то спешили, перебирая короткими ножками, размахивая портфелями и папками, на ходу разговаривая по сотовым телефонам. Грустная серая погода с кислым лицом не давала красному столбику на гра-

дуснике настроения подняться по шкале выше отметки уныния. Осень была на пике своей власти и, держа марку, пронзала мерзопакостными стрелами всё живое. Казалось, что лишь наша остановка осталась последним оплотом ушедшего лета.

Кроме меня на восьми квадратных метрах площади, подперев одну из стенок с какой-то вызывающей рекламой губной помады, ворковала молодая парочка, что-то шепча на ушки друг другу. Похоже, что они вообще не обращали никакого внимания на шумную муравьиную суету большого города, с радостью плескаясь в горячей ванне взаимного оболъщения. У девушки постоянно после слов друга вырывался весёлый смех, который со звоном падал на асфальт. Отряхнувшись, сгусток эмоций, несколько раз подпрыгнув, убежал прочь, в бесцветную обыденность рабочего дня.

Прямо посередине, на длинной, растянувшейся практически на всю остановку скамейке, сидела странного вида старушка. Она, по примеру парочки, тоже была не против уйти в себя, отгородившись от внешнего мира. Даже чересчур, очень глубоко в себя...

Держа в одной руке пластиковый контейнер, а в другой – беленькую одноразовую вилку, женщина уплетала что-то вроде салата. А может, это был и не салат? Не знаю... Очень много разноцветных кусочков, перемешавшись между собой, блестели внутри импровизированной посуды.

Я занял место на самом краю остановки, на границе

штрафной линии, которая разделяла сухой и мокрый миры. Видимо, сказалась давняя вратарская привычка, сохранившаяся с далёкой спортивной молодости – не терять рамку ворот, в которые моё подсознание на время превратило нашу скромную обитель. Выгнув голову влево и приняв позу хоть сейчас готового пуститься в лихой галоп страуса, я заглядывал за поворот в надежде первым увидеть долгожданный уса-тый общественный транспорт. Но он решил нас несколько промурыжить и всё никак не показывал своего носа.

– Вот помер недавно, туда ему и дорога... – раздался сзади скрипучий старческий голос, похожий на звук, издаваемый выдавшим виды несмазанным деревянным колесом телеги, которое помимо его воли сдвинули с места. Поржавевшие интонации абсолютно не вязались с широкой столичной дорогой, где куча современных автомашин иностранного производства гарцевали в разные стороны.

Я обернулся назад, решив зафиксировать глазами, что эта фраза произнесена именно старушкой, и одновременно понять, к кому же она обращается. Но объекта, с которым заговорила самая пожилая представительница нашей «дружной» компании, не было. По-видимому, она разговаривала с тем мифическим собеседником, который в любой момент готов слушать тебя, ни разу не пытаясь высказать собственного мнения.

Теперь, после этих непонятных фраз, мне пришлось по-лучше разглядеть женщину. Она была одета в две разного

цвета кофты, виднеющиеся одна из-под другой, и полосатую длинную юбку, перекрутившуюся на талии и потерявшую зад и перед. На ноги были надеты деревенские галоши, обильно осыпанные брызгами грязи. Из обуви смущённо вылезали носки. Нужно отметить, они были совершенно разными. На левой ноге – голубой, на правой – красный. Весь этот ансамбль поведения и одежды явно указывал, что пути адекватности и сидящей на скамейке старушки навсегда разбежались в противоположных направлениях. И малейшего шанса им снова сойтись, в силу возраста последней, категорически не было.

Но мои размышления и вообще отношение окружающих к её гардеробу пожилой даме, похоже, были до фонаря – растереть и выкинуть, что называется. Хлипкая вилка ходила туда-сюда между её вставной челюстью и миниатюрным копытцем, ни на мгновение не останавливаясь. Еда при такой интенсивности движения вроде бы должна была давно закончиться. Однако она волшебным образом не уменьшалась в объёме.

– Сколько мой старик за сорок лет у меня кровушки попил, ох, сколько попил... – продолжала делиться историческими переживаниями страстная любительница поедания салата на воздухе. Вилка в этот момент превратилась в холодное оружие, которое женщина с остервенением вонзала в пузатые бусины зелёного горошка.

Энергия палача явно превысила допустимые параметры и

вышла за границы, коснувшись ненароком парочки. Молодежь обернулась на старушку, перестав на время обниматься друг с другом. Всё-таки здесь и сейчас бесплатно выдавался какой-никакой опыт семейной жизни. Любовь любовью, но им хотелось узнать про все возможные и даже, на сегодняшний взгляд, немыслимые варианты развития их отношений в будущем.

– И с бабами гулял. И водку жрал. И толком не работал, – продолжала ушедшая в себя рассказчица.

Развернувшись, бабулька, выражая своё явное негодование, плюнула в сторону. А может быть, кто знает, ей попался в салате горький кусочек.

Время за наблюдением нашей эксцентричной соседки прошло незаметно. Мы не сразу обратили внимание, как бесшумно, крадучись, подъехал троллейбус. Дверь автоматически открылась, приглашая новых пассажиров войти в его чрево.

Городской трудяга был практически полупустым, и вся наша компания с явным удовольствием уселась на свободные места. Старушка, ни на минуту не прерывая поглощения пищи, заняла кресло напротив меня.

– И на могилу его не пойду, – выдала резюме пёстрая пассажирка.

Троллейбус, гудя, набирал ход... Минуты через три он приблизился к очередной остановке. Стеклопакеты по привычке разбежались в разные стороны, запустив в салон

свежий воздух, пахнувший дождём вперемешку с бензином.

– До Роснедр доеду? – послышался бодрый голос с улицы, и на ступеньках троллейбуса показался носок начищенного до блеска чёрного ботинка.

– Да, влезай! – с панибратским оттенком прозвучал ответ из кабины водителя.

В наш уютный мирок в отдельно взятом электротранспорте вбежал подтянутый, одетый с иголки пожилой мужчина. Не обращая внимания на свободные сидячие места, он, подняв руку, сразу уцепился за поручень, приготовившись, должно быть, ехать стоя.

– Мой Василёк вернулся! – вдруг вскрикнула старушка, оторвавшись от поедания салата и пронзающим взглядом уставившись на нового пассажира. Её глаза моментально налились слезами и заискрились всеми цветами радуги, словно кто-то, в мозгу женщины, включил воду. Вместе с живительной влагой усердные коммунальщики пустили и частицы разума, которые тут же принялись разглаживать морщины на лице нашей некогда неадекватной соседки.

Названный Васильком обернулся. Но вместо того чтобы просто проигнорировать фразу, он неожиданно улыбнулся, запустив в салон жёлтые воздушные шарики счастья. Затем, бережно взяв за руку ставшую вдруг очень миловидной для своего возраста мадам, крикнул водителю:

– Шеф, притормози, мы сойдём!

Троллейбус послушно остановился. Звонкий голос, вы-

рвавшийся из установленных в салоне динамиков, радостно объявил:

– Остановка «Любовь», следующая остановка «Покой»!

Пожилые голубки, создав из пальцев рук невообразимый замок, как молодые выскользнули из усатого перевозчика, оставив нас в недоумении.

Объяснение повисло в воздухе, беспомощно разведя руками. Мы так и не получили логичного ответа. То ли старушка решила вспомнить театральную юность и просто-напросто разыграла перед публикой спектакль, то ли в мироздании произошёл глюк, и оно на время изменило границы материального и невидимого миров, чтобы исправить ошибки прошлого и соединить два любящих сердца...

Слова я прячу за словами...

Слова я прячу за словами,
А мысли крашу в белый цвет.
Стихи стираю я стихами,

Ломая гордости хребет.

И, скрючившись, как старикашка,
На людях выпрямляю грудь.
Играю сам с собой в пятнашки,
Меняя глупости и суть.

И встав нагим перед стеною,
Залив молчанием огонь.
Звенящей жуткой тишиной
Я режу на куски гармонь.

Но иногда в ночи глубокой,
Закрыв глаза и зубы сжав,
Брожу я в правде одиноко,
Сам, наконец, собою став.

Начало

*Не бывает конца без начала.
Как не может быть начала без знания того,
Что когда-то наступит конец.
Так мыслим мы, смертные, думая, что мы
смертные.
На самом деле нет ни начала, ни конца,
Ибо в точке, в которой мы существуем, нет ни
того, ни другого...*

Бог создал Землю за семь дней. И это было началом той дороги, по которой мы топаем своими маленькими ножками до сих пор. Сказки? Не знаю. Но с чего-то всё это началось и, может быть, когда-то, в один из пасмурных дней, закончится. Опустятся флаги. Надувая щёки, вскинув подбородки вверх, протрубят в последний раз горнисты. Пройдут маршем по брусчатке человеческие полки. Матери уронят

слезинки, вытирая глаза узорчатыми платочками. С космодрома развернётся рой серебристых звездолётов. Они, сделав прощальный кружок вокруг кругленькой Земли, исчезнут в чёрном, как сажа, космосе, чтобы там, за много миллиардов парсеков, найти новый дом для людей.

И какими мы будем тогда, интересно? Сколько останется в нас живой материи по сравнению с искусственной? Будем мы любить, радоваться, восхищаться, или эмоции и чувства в нас просто исчезнут за ненужностью, как пережиток прошлых поколений?

Всей жизнью на Земле станут управлять алгоритмы и компьютерная логика, в конечном итоге сведённая только к двум значениям – нуля и единицы. Исчезнут взятки, ссоры, разводы и прочие негативные стороны жизни людей. Мы превратимся в правильных, строгих и подтянутых роботов, для которых ошибка по жизни будет считаться чрезвычайным сбоем в системе, а не обычным регулярно происходящим явлением.

Нет, не хочется туда. Хочется сюда и ещё подальше и поглубже. Окунуться с головой в миниатюрный мир уюта и спокойствия – туда, где в человеке скрывается человеческое. Где формулы не работают и в их замысловатых конструкциях может разобраться только Всевышний и то, наверное, с трудом. В этом мире деревянные разукрашенные домики кажутся притихшими и такими родными.

«Тс-с... Не шумите. Вы слышите, как скрипят половицы?»

Это к окну бодрой походкой подходит бабушка».

Она подвигает стул и садится рядом с окном. Возле него лучше видно. Берёт иголку с ниткой и начинает штопать маленькую дырочку на рубашке. Зачем пускать на тряпки почти новую вещь? Подумаешь, ну, зацепился ребёнок за гвоздь, починим, будет практически незаметно.

Через открытое окно дует приятный тёплый ветерок. Зелёные островки во дворе неспешно колышутся, приветствуя бегущую речку, которая выписывает игривые повороты. Журчит вода. Где-то вдалеке слышна мелодия. Она напоминает нам о далёком детстве.

«Не шумите, ещё тише-тише. Не нужно слов, давайте просто помолчим...»

И мы умолкаем, задумываемся, уходим в себя, погружаясь в иное измерение, где время и координаты не являются однозначными критериями нашего нахождения в мироздании.

– Пора ужинать, – раздаётся ласковый голос бабушки. Она зовёт меня домой.

А как не хочется отрываться от футбола! Мяч, ударяясь о землю, подпрыгивает выше моей головы. Он тоже не хочет прерывать игру. Повиснув в воздухе, кожаный шар на миг замирает, будто бы превратившись во второе солнце.

Я ловлю момент и нажимаю стоп-кадр. Всё, снято. Теперь память ни за что не потеряет снимок, краски на котором поблекнут с годами, но ощущение счастья, испытываемого в те секунды, останется со мной навсегда.

«Бац!» – звонко опустился мячик, а это значит, время опять побежало, набирая ход. Я захожу домой.

– Помой руки и за стол, – строго говорит бабушка. Но в её голосе абсолютно не чувствуется властности и сердитости. Так она разговаривает всегда. К ней надо просто привыкнуть.

Сегодня у нас на обед пельменный суп с пирожками. Папа сейчас на работе, поэтому я сажусь на его место.

– Бабушка, а можно мне деревянную ложку? Хочется попробовать, как ели в старину...

– Хорошо, внучек, возьми, – отвечает она.

На столе появляется ложка с чёрной блестящей ручкой, разукрашенная красно-синими цветами. С её помощью пельмешки, скользя по тарелке, прямиком попадают в деревянную люльку, а затем исчезают в моем желудке. Аппетит после игры зверский. Через несколько минут я съедаю всё. Насытившись, я развернулся, продолжив разговор:

– Бабушка, а ты действительно живьём видела Крупскую, жену Ленина?

– Да, внучек, я была на первом слёте пионеров в Москве, и там была Надежда Константинова.

За столом появляются красные галстуки, звонкие барабаны, детишки с горящими глазами, с поднятыми перед собой и согнутыми в локте правыми руками.

– Салют тебе, человек из будущего, передаём тебе пламенный пионерский привет, – обращаются они ко мне оттуда, из

начала девятнадцатого века.

«Там-тарарам, там-тарарам», – под барабанную дробь проходит строем молодая поросль, опьянённая идеей строительства коммунизма. Прямо по нашему обеденному столу, едва не цепляя пустую тарелку. Они направляются туда, в тридцать седьмой год и ещё дальше, в сорок первый и сорок пятый, в день Великой Победы. Ряды пионеров существенно поредеют, но «там-тарарам, там-тарарам» в их сердцах останется навсегда. Так говорит моя бабушка, живой пример из того времени, а я ей верю... Верил...

Бог создал Землю за семь дней. И я точно знаю, о чём он думал, когда творил им же самим нафантазированное межгалактическое чудо. Всевышний представлял именно такие минуты, когда бабушка и внучек, сидя за столом, ведут неспешную беседу. Черпая разноцветной деревянной ложкой прошлое, два родных человека будут считать, что будущее нисколько не изменится. Оно останется таким же тёплым и уютным. А может быть, так оно и есть, только мы об этом почему-то не догадываемся.

Чернота, подкравшись незаметно...

Чернота, подкравшись незаметно

И поначалу всех вокруг плена,
Заявляла так авторитетно:
«Нет ничего вокруг белей меня».

А толпа как мантры принимала
Водопады правильных, по сути, слов
И с прилавка всё за миг сметала,
Смерть как радуя искусных продавцов.

Мясники в пылу рубили мясо,
Отгоняя рой вопросов: «Для чего?»
Вся забрызганная кровью ряса
Не смущала абсолютно никого.

Но лишь скрипнули у рая ворота,
Спесь с плутовки разом вся сошла.
Как не пыжилась простая Чернота,
Стать белее так и не смогла.

Правда

Бог придумал нас разными.

Со своим мнением, мыслями и отношением к жизни.

Но зачем? Если всё в конечном итоге превратится в прах, в космическую пыль, развеянную над нашей могильной плитой?

Видимо, люди отличаются друг от друга, чтобы при жизни почувствовать собственную индивидуальность.

И в чём-то стать хоть немного похожими на Всевышнего.

Правда, похожая на гранёный горный хрусталь, играла на солнце многочисленными плоскостями. Подставляя под тёплые сверкающие лучи то один бок, то другой, она старалась не обделить вниманием ни одну часть своего миниатюрного грушевидного тельца.

Проникая внутрь самоцвета через разные входы, Свет пытался понять истину, которая однозначно раскрывала внут-

ренную сущность Правды. Но, несмотря на пронзительную, режущую зубы прозрачность камня, разложить всё по полочкам не удавалось. Прокрутившись несколько раз вокруг своей оси, Божественное свечение вылетало из горного хрустала, чтобы тут же заново проникнуть внутрь минерала, но уже через другую дверь.

– Тук-тук, тук-тук, – стучался Свет перед тем, как в очередной раз войти, потому что был по натуре вежливым и культурным гостем.

Ему открывали. Как можно было не открыть тому, кто пролетел полторы сотни миллионов километров в ужасном холодном чёрном космосе? По пути выбирая, где именно приземлиться, он среди бесчисленного множества аэродромов выбрал её – крошечную прозрачную капельку. Капельку, называемую Правдой. Капельку, служащую домом для демонов и ангелов, которые каким-то образом уживаются вместе.

– Вот вам мягкие тапочки, полосатый махровый халатик, – говорили они Свету, усаживая его в просторное и уютное кресло, принимающее форму тела. Пододвигали переносной столик с яствами, от одного вида которых слюни текли ручьями и заплетались, образуя горные реки.

– Пожалуйста, откушайте! Что угодно ещё? – раскланивались жители самоцвета, принимая облик в зависимости от двери, в которую вошёл Свет.

– Приятного аппетита-с, Ваша яркость, – подшёптывали ангелочки, стоя с правой стороны от кресла.

– Кушайте-с, кушайте-с, – ублажали гостя дьяволята с чёрными крыльями, кружась с левого бока.

Свет смутился, покраснел от обилия выливающегося на него внимания и опустил глаза. Он явно не ожидал такого приёма. Но, входя в хрустальный дом уже через третью дверь, быстро привыкал и начинал вести себя по-свойски.

Хозяева тем временем не давали отдохнуть солнечному представителю даже после обеда. Они садились возле него кружком и начинали делиться правдой. Ангелы и дьяволята перебивали друг друга, толкались локтями, рассказывали и рассказывали, выставя себя перед гостем в самом что ни на есть наилучшем свете.

– Если хотите знать правду, то её вы можете услышать только от нас. Никто там, где вы были и будете после, не сможет так объективно и достоверно раскрыть вам глаза на истинное положение вещей.

При этом голубые глаза ангелочков и смоляные дьяволят так округлялись, что возникающему между гостем и жителями самоцвета облаку Истины ну просто некуда было деваться. И оно погрузилось в мутноватый омут достоверности и однозначности.

– Привет! – кричала Истина из глубины.

– Верю, верю, – отвечал ей Свет, сидя в шикарном кресле.

Он в этот момент был чем-то похож на того самого Станиславского, поправляющего пенсне и с прищуром всматривающегося в игру актёров.

О-о! Как они старались перед ним, эти чёрные и белые летающие представители Божественной силы! Так старались, так старались, что в какой-то момент краски смешивались, и было уже не разобрать, кто из обитателей этого жилища из горного хрусталя ангел, а кто демон. Но у каждого спектакля есть начало и есть конец...

Занавес, актёры выходят кланяться, зрители хлопают. Кому-то от души понравилось, а некоторые рукоплещут, потому что так делают остальные. Народ, шепча что-то себе под нос, устало выходит из театра. Он получил свою порцию впечатлений, хватит, достаточно.

Вечерело, пора домой и в постель. Но нашему Свету такой сценарий не грозил. И после выхода гость стучался в следующую дверь. Ему нужно было разобраться, понять, где действительно жила Правда, а где – её уродливые копии.

Но кому нужно разбираться? Ему? Небесному свечению, посылаемому на Землю с великой миссией для того, чтобы жизнь не прекращала пульсировать на голубой планете? Или вечно спорящим и кривляющимся друг перед другом ангелочкам и дьяволятам внутри самоцвета? Непонятно. И Свет после выхода из очередной двери устало махнул рукой, ему просто надоело. Поэтому он не направился, как обычно, к другому входу, а вслед за уходящим за горизонт солнцем поплёлся на покой.

– Осторожно! Не у себя в деревне. Размахивай так, когда будешь мух ловить! – зло проговорила дама с пышными

формами, когда Свет, уходя, случайно задел рукой цепочку с кулоном из горного хрусталя.

Золотые колечки, сплетённые между собой, напряглись, поняв в последнее мгновение, что больше не придётся красоваться на в меру упитанной загорелой шее женщины.

«Щёлк», – и цепочка разорвалась, разжав золотистые пальцы.

– Лови, лови его! – закричали вслед падающему кулону множество колечек. Но горный хрусталик был неудержим.

– Блям! – И на плитки Приморского бульвара, где гуляла мадам, в разные стороны брызнули осколки некогда прекрасного украшения. Целое в один миг перестало существовать, разделившись на частности – никому не интересные хрустальные пылинки.

Кто куда разбежались ангелы, рванули в разные стороны демоны. Кулона Правды – их дома – больше не существовало. И только осенние жёлтые листья заботливо укрыли то место, где ранее были подмостки волшебного театра.

Гнев тётеньки с порывом первого холодного ветерка остыл. Вскоре она уехала к себе домой, оставив райский оазис скучать в одиночестве до следующего лета.

Заработав деньги в курортный сезон, продавцы кулонов свернули свои палатки. А Правда так и осталась не выясненной, но кому это было сейчас нужно?.. Ни-ко-му... И существовала ли она вообще, эта Правда? Неизвестно...

Пьяный

Не говорите мне, что я глупею пьяный,
Что я несу всё это время чушь.
Да просто грустью я по жизни обуянный

И становлюсь, похоже, неуклюж.

Я в точности похож на моряка при качке,

И брызги волн, как слёзы, на лице.

Я с регулярностью решаю по задачке:

А что в начале было, что – в конце?

Мне помнится: вначале был сосуд прозрачный –

В нём чистая вода из родника.

А взгляд на мир такой простой и однозначный,

И полная готовность для прыжка.

А что в конце? Сорокоградусная водка.

И огурец сиротский на столе.

Седая грустная облезлая борода,

Потухший взор, повисший на стекле.

Троица

*Мечтай! Никогда не забывай мечтать.
Как мечтал твой Бог, создавая тебя и всё вокруг
для тебя.*

Три закадычных друга лет двенадцати сидели на длинном бревне возле дома дяди Васи – местного фельдшера – и с хрустом уплетали чипсы, запивая их кока-колой. Треск от ломающихся под молодыми зубами тонких ломтиков высушенного картофеля стоял такой, что даже собаки из ближайших домов притихли, с тревогой поджав уши.

Коричневая шипучая жидкость иностранного производ-

ства с весело лопающимися пузырьками, проникая в желудки, растворяла всё на своём пути. Она напоминала горную речку, огибающую пороги и создающую водовороты, которые втягивали в себя скрытые от чужих глаз детские страхи.

Возникающие словно из-под земли водопады низвергающимися потоками выплёскивали наружу подростковые мечты о будущей счастливой жизни. Солнце, речка, летние каникулы не могли создать для друзей ничего другого, кроме как мираж прямой дороги с раскатанным зеркальным асфальтом, без колдобин и трещин. Будущее им представлялось увеселительной прогулкой по шоссе с односторонним движением, без регулировщиков, на один только зелёный свет.

«Катастрофически полезная» еда была куплена троицей в ближайшем сельском минимаркете, полки которого изобилием красочных упаковок напоминали скорее новогоднюю ёлку, чем магазин продуктов. Друзья не знали прошлого. Советский союз, перестройка, лихие девяностые смотрели на ребят лишь с фотографий старых пожелтевших газет, за чем-то связками хранимых на чердаках местных жителей. Может, их припрятали для розжига печки, да так и забыли, когда в деревню провели наконец-таки газ. А возможно, газеты хранили для сдачи в приёмные пункты, в надежде, что вернуться старые добрые времена обмена макулатуры на книги. Иногда брежневские годы на мгновение показывали нос в рассказах старших и тут же надолго прятались обратно в головы людей, живших в так называемый застойный период

спокойного советского прошлого и хорошо его помнивших.

Сейчас всё было по-другому, а молодым любителям быстрого перекуса казалось, что окружающий мир был таким всегда. Разнообразные гаджеты, интернет, Wi-Fi, для них являлись чем-то незыблемым, вечным столпом, существовавшим в том или ином виде и при Петре Великом, и при Горбачёве. Хотя в расстановке периодов правления первого и второго государственных деятелей в хронологической последовательности им иной раз случалось ошибаться. Ничего страшного. Для пацанов это было непринципиально.

– Петя, а кем ты станешь, когда закончишь школу? – спрашивал у друга белобрысый Игорь, беря в руки очередной хрустящий кусочек.

Пётр посерьёзnel. Сдвинув брови домиком, он посмотрел в голубое небо, будто там был написан ответ на этот вопрос. Безоблачное пространство счастливым куполом с отцовской нежностью укрывало ребят, создавая атмосферу значимости разговора.

– В Москву подамся, в университет, – отвечал не в меру взрослый с виду пацан.

В Петинном мозгу однажды увиденное по телевизору здание МГУ на Ленинских горах ассоциировалось с направлением, по которому должен идти уважающий себя молодой человек, тянущийся к знаниям.

– Нет, учёба – это не про меня, – со смекалистой искоркой в глазах рассуждал Игорёк, – я в бизнес метнусь. У кого

деньги, тот и на коне! – продолжал мечтать подросток, взбалтывая напиток и пытаясь выпустить из него наружу сотни беспокойных пузырьков, – фирму открою и буду торговать оптом вот такими же чипсами.

Пакетик в руках Игорька вдруг превратился в символ будущей безбедной жизни. Он поднял его кверху, словно флаг всех предпринимателей. Импровизированный штандарт был рассмотрен со всех сторон, начиная с полосочек штрихкода и заканчивая громким названием: «Хрустяшки со сметаной».

– Заработаю кучу денег, построю большой дом, куплю джип..., – задумчиво произнёс кандидат в местные олигархи, мысленно отдаляясь от друзей.

Упаковка чипсов, переливаясь под солнечными лучами, манила своим сверкающим образом, соблазняя ещё не окрепшую мальчишескую душу. Игорь, видимо, хотел бы и дальше продолжить перечислять блага, которые сулило общество потребления. Но белобрысая фантазия иссякла, закончившись на автомашине.

– А я с мамкой-папкой останусь, буду им по хозяйству помогать, – вклинился в разговор третий друг – Санёк. Он был ниже всех ростом, коренастый и почему-то всегда пребывающий в хорошем настроении. В этот момент звёзды, которые из-за дневного времени не были видны на небосводе, чуть успокоились. Третий решил всё же оставить их в целости. «Пусть другие хватают, я как-нибудь без них обойдусь», –

думал про себя Саня.

– Ты что, всегда будешь прятаться за родительской спиной? – удивлённо спросил Игорь у парнишки. Ему было не понять отсутствие амбиций у друга. Тот лишь улыбнулся и пожал плечами, не желая отвечать на вопросы, на которые он, по-видимому, не знал ответа.

Разговор троицы мог продолжаться ещё долго, но на небо, откуда ни возьмись, набежали тучи, похожие с виду на животастых ГИБДДешников, перегораживающих дорогу. Полил мелкий морозящий дождь.

– Тук-тук-тук, тук-тук-тук, – чеканили морзянку сущности из будущего. Капли падали на головы ребят, прогоняя мечтателей по домам в деревне, затерявшейся где-то на российских просторах.

– Тук-тук-тук, тук-тук-тук, – и вот уже нет никого на сером бревне с облезлой корой.

– Э-хе-хе, – послышался вздох из-за забора. Грубый, словно потрескавшийся от времени голос поднимался из-за деревянного частокола и таял, исчезая в водяных хрусталиках – слезах Бога, плачущего над прозаичностью жизни.

А за границей видимого мира, у себя в огороде на пеньке, сидел тот самый шестидесятилетний фельдшер Василий Петрович Спиридонов. Он слышал разговор троих молодых людей и думал о собственной судьбе. Рядом, на неказистом столике, сколоченном из досок, стоял стопарик самогона и лежал сочный солёный огурец. Капельки дождя изредка по-

падали в рюмку и понижали градус жгучего напитка. Но находящийся на пороге пенсии работник медицинского фронта не замечал смешивания жидкостей. Мужчина смотрел то ли на большой куст белой сирени, распустившейся перед самым Днём России – непонятным для него праздником, то ли глубоко в себя – в поисках перекрёстка, на котором он свернул куда-то в сторону от своих мальчишеских мечтаний.

Сирень напоминала ему полную женщину Стасю – бухгалтера из местного сельсовета, почему-то деловито крутившую ручку арифмометра – давно забытой механической настольной машины для вычислений. Вращая ручку то по часовой стрелке, то против неё, мадам производила статистический расчёт: каков процент вероятности стать Ломоносовым или Рокфеллером у тех пацанов, сидевших на бревне, и вообще, у всех, кто сейчас хоть одним глазком пытается заглянуть в своё будущее. Арифмометр, пыхтя и скрипя своими шестерёнками, упорно показывал одни нули...

Где-то после сотой попытки умножения и деления Василий Петрович вздохнул ещё раз:

– Э-хе-хе, – и стопочка была опрокинута.

Дождь заканчивался. Солнце выглядывало из-за туч, радостно подмигивая фельдшеру. Жизнь, секунду назад казавшаяся никчёмной, наливалась новыми яркими красками. Впереди было целое лето. Лето, которое дядя Вася должен был прожить с уверенностью, что он никогда не разлучится со своей мечтой... А после лета? А после лета – как пове-

зёт...

Я верую, во что я сам не верю...

Я верую, во что я сам не верю.
Молюсь, сомнения испив до дна,
Впустив в свой разум ненадолго зверя,

Чтоб Бога ощутить в душе сполна.

В конфликте сил мой разум заиграет,
Проснётся ангел и зажжёт свечу,
И чёрт грехи украдкой подсчитает.
А я в лицо им как захохочу!

Не верю в бред, придуманный иными,
Фантазий ярких глупый маскарад.
Я в рай иду дорогами кривыми,
Чтобы прийти на самом деле в ад.

И там, в краю далёком и спокойном,
Под ивами усевшись на пенёк,
Почти на равных, тихо и достойно
С Христом вести я буду диалог.

Что ещё надо людям?

*В каждом живут желания.
Они двигают и управляют нами.
Но действительно ли эти желания наши?
Ибо мы редко заглядываем внутрь своего Я,
Не ища себя в себе...*

Что ещё надо людям? Мне, тебе, вот тому парню, спешащему на работу? Той женщине, накрывающей семье на стол? Влюблённой парочке, которая сидит на скамейке в парке и держит друг друга за руки?

В небе проносится самолёт, гудя и сверкая крыльями. Он уносит пассажиров далеко-далеко, за много километров от места посадки. Скоростной поезд «Москва – Новороссийск»

несётся на всех парах на юг России, везя отдыхающих на море.

Что им всем нужно на этой Земле, в этот конкретный час и день? А ведь каждый думает – им что-то надо. Без этого «надо», невозможно, недопустимо, немыслимо. Жизнь, переполненная энергией, суетится, спешит, чтобы успеть, не опоздать, не дай Бог не пропустить. Она трепещет! У кого-то это есть, а у меня нет. Необходимо это обязательно купить, сделать, увидеть, оценить. Надо, очень надо...

Желания переполняют человека, выплескиваются наружу, рождаются буквально из ниоткуда, из ничего не значащего пустяка. И множатся-множатся стремительно, уплотняя воздух рядом с человеком так, что он перестаёт видеть мир и себя в этом мире...

Не знали? А ведь Бог создал мироздание только для одного-единственного. Не для других. Ведь других не существует. Зачем же тогда для них, кого нет, что-то создавать?

Плотный купол, состоящий из одних только желаний, накрывает индивида с головой.

– Ау! Я ничего не вижу!

– Дяденька, дяденька! Чего ты кричишь? – отвечает внутренний голос. Так спокойно, с достоинством.

– Ты кто? – спрашивает испуганно человек.

– Это я, то есть – ты, – улыбнувшись, голос пытается объяснить ситуацию и всё расставляет по полочкам.

– Не путай меня. Я есть Я, а ты есть Ты, – человек не хочет

сдаваться – ни за что, даже под страхом темноты, которая наступила как-то вдруг, будто в комнате выключили свет.

– Может, ты Бог? – желая во что бы то ни стало докопаться до истины, продолжает мужчина.

– Возможно, но я тебя и себя не разделяю, мы с тобой одно целое. Ты заблудился, вот я и пришёл, чтобы спасти тебя.

Голос, не прерывая разговора, достаёт из коробка спичку. Чиркнув, подносит её к восковой свечке. Язычок пламени радостно всколыхнулся, почувствовав, что он сейчас передаст себя во внешний мир. И даже когда через несколько секунд огонёк потухнет, его весёлый нрав и тёплая душа будут ещё долго существовать в другой ипостаси.

Зажжённая свеча осветила помещение, где находился человек. Желания, окружающие его куполом, стали настолько прозрачными, что потеряли какую-либо значимость.

Через них спокойно можно разглядеть, что находится вокруг. А вокруг ничего, ничего нет... Нет, есть Я. Только Я. И то, что, кажется, окружает меня, – тоже Я или придумано мной.

Прикольно! Значит, я могу делать что захочу, в том мире, где стол, стул, комната, квартира, море, солнце, космос – сплошное Я. А я думал, что там они. Ошибался... Только сейчас понял, как глубоко ошибался.

Мои желания? А теперь они стали мне неинтересны. Зачем они вообще нужны, если я могу всё заполучить в один миг. Подумал, представил, и вот оно...

Как в ресторане – на тарелочке с золотой каёмочкой. Официант подходит, словно плывёт. Нет, он действительно плывёт, не касаясь пола, с перекинутой через руку салфеткой, одетый во всё белое.

– Чего изволите-с?

А я так, откинувшись по-барски на кресле:

– Неси, что у вас есть, и подороже!

Вдруг понимаю – перед кем я выкаблучиваюсь... Перед собой? Ведь официант – тоже Я. Такой же Я, как и всё остальное. Становится страшно. Действительно страшно. Если сущее воспроизведено мною, тогда жизнь и смерть – лишь игра в крестики-нолики. Вот здесь ставится нолик, то есть такая круглая пузатая жизнь. А вот там ставится крестик. В этой клеточке будет значиться день моей смерти.

Фу! Лучше я передвину крест за игровое поле. Не желаю портить себе настроение. Ведь, может, то, что я здесь наплёл, – лишь выдумка моего фантазмагорического сознания...

В это время поезд «Москва – Новороссийск», выбравшись из тёмного каменного тоннеля, расположенного между станциями «Тоннельная» и «Верхнебаканская», замедляя ход, приближается к конечной. Пассажиры, высунув длинные носы из окон, пытаются поймать в редких потоках ветерка запах Чёрного моря. Они предвкушают, что уже скоро откроется панорама Новороссийского порта, с длинными цаплями-кранами, склонёнными перед грузовыми судами и ве-

реницами разноцветных товарных контейнеров, ожидающих погрузки. Главное, что граждане отпускники вот-вот увидят кусочки долгожданного моря, для встречи с которым целый год копили деньги.

Темнота тоннеля и затем яркий свет немного утихомиряют мои фантазии. Я чувствую, как обычное состояние возвращается ко мне. Быстрее из Новороссийска в Геленджик на такси. Уже через час брошу чемоданы в доме, и на набережную. Желания опять меня подхватят, уволочут в простой, понятный мир, и я разделюсь на «Я» и «Они».

– Ну что, тебя теперь можно оставить в одиночестве? – опять возникает мой внутренний голос.

– Да, сделай одолжение, – отвечаю с нетерпением. – Мне сейчас не до тебя.

Вдалеке раздаётся голос дикторши на вокзале:

– Скорый поезд «Москва – Новороссийск» прибывает на второй путь.

«Неужели эта тётенька с металлическими интонациями в объявлении – тоже плод моих мыслей?» – подумалось мне.

– Мужчина в пятом вагоне, в третьем купе, не отвлекайтесь, – произносит мадам откуда-то сверху.

Мужчина в пятом вагоне, в третьем купе, как вы поняли, – это я, а что для всего остального... Вам судить.

Космонавт

*Мы ищем настоящее вокруг,
Не понимая, что оно всегда было с нами.
И останется внутри нас, как здесь, так и там.*

Сдвинув на просторной солнечной кухне вместе две рыжие табуретки, Витька Феоктистов завершил подготовку к межпланетному полёту на Марс. Пацанчику было всего пять лет от роду, и этот факт абсолютно не являлся помехой, чтобы управлять деревянным кораблём в качестве командира и одновременно единственного пилота судна. Чёрная молчаливая бездна космоса нисколько не пугала новоявленного

космонавта, а даже, наоборот, манила и очаровывала Витьку, не создавая преград для его неуёмной фантазии.

Каждый раз, когда паровозик из передачи «Спокойной ночи, малыши!» убегал за границы телевизора и белобрысого выдумщика укладывали спать, наступало время чуда. Закрытые глаза Витьки превращались в пару генераторов внеземной энергии, которые молниеносно возводили парящую в пространстве сверкающую дорогу, устремляющуюся далеко в высь, в бескрайние просторы Вселенной.

Нескольких «сеансов» ночных грёз было достаточно, чтобы от мечтаний перейти к делу и уже наяву реализовать план космического путешествия. Наступившая дата была обведена на настенном календаре красным карандашом, обозначая, что именно на сегодня был намечен полёт к звёздам. Быстро позавтракав, не отказавшись даже от манной каши, Витька начал деловито реализовывать задуманное. При этом он старательно морщил лоб и задумчиво прищуривался, понимая, что в процессе запуска может произойти всё, что угодно.

Отбросив последние сомнения, воздухоплаватель, встав на четвереньки, начал протискиваться между ножками табуретки. Согнувшись в три погибели, Витька наконец добрался до заветного штурвала, роль которого в его корабле выполнял черенок от мусорного совка. Взявшись за него, космонавт моментально почувствовал вибрацию от работающих двигателей. Видимо, черенок всецело, и даже с некой гордостью, принял правила игры ребёнка. А как же! Когда ещё

простой предмет, предназначенный для тривиальной уборки квартиры, в один миг смог бы превратиться в самую значимую деталь в космическом корабле?

Тем временем стулья загудели, напряглись, из-под них во все стороны повалил с шипением белый дым, словно отгораживая игру от сторонних шумов, приговаривая: «Тишшше, не мешшшайте!» Так это представлялось мальчишке, с головой ушедшему в выдуманный мир.

– Ключ на старт! Приготовились! Три... Два... Один... Поехали! – закричал космонавт, резко потянув штурвал на себя.

Корабль, оторвавшись от площадки кухонного космодрома, начал медленно подниматься вверх. Замахали руками провожающие. Уронила слезинку мама, украдкой наблюдающая за игрой сына. Мысленно пожелал удачи путешественнику папа, лёжа на диване в соседней комнате и читая газету «Советский спорт».

– До свиданья, родители! – обернувшись, невозмутимо произнёс Витька.

В этот миг одна из ножек табуретки случайно задела пузырь времени, умиротворенно и незаметно для человеческого глаза летающий над головой ребенка. Возникший разлом в реальности перенёс малыша на два десятка лет вперёд. И вот теперь уже гвардии сержант Виктор Феоктистов, сидя на длинной деревянной скамейке в крытом грузовом военном «Урале», вспоминал, как совсем недавно попрощался с родны-

ми. «Скоро увидимся!» – обещал он, как и тогда, в пятилетнем возрасте. Рядом с парнем ехали его сослуживцы, такие же молодые ребята.

Сидели молча, в задумчивости, как будто уставившись в одну-единственную точку, находящуюся на деревянном полу кузова. Почему именно она притягивала взгляды бойцов, было неясно. Вероятно, в этой точке располагалась та заветная замочная скважина, в которую можно было заглянуть, не привлекая особого внимания, и увидеть себя маленькими мечтателями. В том наивном мире добро обязательно побеждало зло, а если даже оказывалось не так, то можно было вернуться обратно и всё переиграть заново. Казалось, что в эти секунды мысли солдат скручивались в один тугий канат, навечно связывая их детство и уже взрослую жизнь. По этим свитым воедино многочисленным пеньковым нитям мелких воспоминаний ребята спускались куда-то вниз, в пленительную субстанцию, где безоблачное небо укрывало мальчишек с головой, а зелёная трава приятно ласкала их розовые пятки.

– Витька, Витька, дай мне пас! – кричал друг Сенька, округляя сверкающие глаза.

– Антоха, ты на воротах! – голоса юных футболистов забивали рёв «Урала» и погружали пространство в яркие разноцветные краски неожиданно вспыхивающего вокруг всеобъемлющего счастья.

– Бум, бум! – стучающий о траву кожаный мяч, сшитый из

таких геометрически правильных и понятных чёрно-белых лоскутков, словно перепутав прошлое и настоящее, неожиданно приземлился прямо перед молодыми людьми в военной форме. Попрыгав немного по настилу кузова, он, успокоившись, устало закатился под скамейку. Грузовик вдруг остановился.

– Отделение, к машине! – раздался громкий приказ.

И тут же:

– Отделение, воздух!

Ещё мгновение, и тишина – звенящая, но почему-то совсем не пугающая и даже, наоборот, излучающая теплоту родительского дома.

Мама гладит брюки, напевая весёлую песенку. Папа включает телевизор, ведь сегодня играет его любимый «Спартак».

– Ты уже прилетел? – почти одновременно спрашивают они, обернувшись на Витьку.

– Да, полёт прошёл штатно, без происшествий, – отвечает он, жмурясь от солнечного света, по-прежнему беспардонно проникающего через окно.

И мироздание, такое большое, немного безобразное и местами жестокое, не имеющее ни начала, ни конца, сжимается в крохотульку, спокойно уместаясь в границах кухни. Кухни, которая превращается в Божий храм, в котором нет смерти и нет безумия, а среди представителей Всевышнего только папа с мамой. И посередине стоит космолёт, созданный из деревянных табуреток, – он оберегает Витьку Феоктистова от

космических бурь и межпланетных разборок. И именно это – настоящее, а всё остальное – никому не нужная иллюзия. Мираж, через который наша детская самодельная колесница совершает долгий путь до ядра непререкаемой первопричинности.

Дом

*Что есть для человека – Дом?
Территория, отгороженная забором из железа
или кирпича?
Или сущность, которой он доверил на хранение
свое сердце?
Горе тому, кто не может понять очевидного!
И счастье тому, кто пишет слово «Дом»
с большой буквы!*

Жил-был Дом. Маленький, солнечный, тёплый и, по мистическому стечению обстоятельств, почему-то наделённый разумом, как и любое живое существо на планете. Он сначала и знать не знал и ведать не ведал, что можно вот так, запросто, из сложенных друг на друга железобетонных плит, груды жёлтых облицовочных кирпичей и обычной оцинкованной крыши, стать счастливым обладателем собственного

«Я». Но это произошло не по хотению Дома, а по велению двух любящих душ, которые периодически приезжали в этот каменный «цыплёнок-переросток» из далёкого-предалёкого столичного города.

Очутись «птенчик» в том мегаполисе с бесчисленным количеством звёзд и орлов на погонах небоскрёбов, он давно был бы раздавлен, как ничего не значащая букашка, выпустив на тротуарную плитку остатки своей провинциальности.

Мужчина и женщина, отлёживая бока, животы и спины в поезде, предвкушали встречу с черноморским чудом домостроения. Когда солоноватый запах приборя беспардонно влетал в ноздри пассажиров, парочка незаметно для попутчиков надевала крылья ангелов и мысленно устремлялась в то место, в ту точку на карте, которое они называли между собой земным раем.

Состав подъезжал к станции, и для того, чтобы добраться до конечного пункта, двое брали такси. Бело-жёлтый скакун, сделав глубокий вдох, вмиг устремлялся к цели. Он будто бы совсем не ощущал дополнительной нагрузки. Ведь, как известно, вес ангелов равняется весу их граммук-душ, а то, что внутри железного коня сидели в это время Божьи посланники, было понятно без слов.

Путь пролегал через закрученную в спираль горную дорогу с пугающе крутыми обрывами и грозно возвышающимися скалами. Молчаливые каменные кавказские воины стро-

го следили взглядами за порядком на серпантине. Не дай Бог, шофёр-лихач, решив показать свою неразумную смелость, совершал обгон. Мергельские скалы, незаметно посылая суровые импульсы, одёргивали сорвиголову, призывая к порядку и подчинению правилам. В этом им помогали весёлые пузатые полицейские с настолько высоко задранными козырьками фуражек, что были очень хорошо видны их голубые честные глаза. В зрачках власти отражалось всё – и Чёрное море, и золотистые пляжи, и даже «Белая невестушка», ждущая молодцев с удачной охоты.

Когда машина с шашечками преодолевала перевал и через несколько километров заезжала на родную улицу, сердца столичных голубков, не спросясь, выпрыгивали из тел и вприпрыжку скакали впереди машины. Раскидистые тополя, расположенные по обочинам дороги в строгом порядке, склоняли головы, приветствуя давних знакомых. Зелёные встречающие, сплетаясь ветвями между собой, создавали мистическую арку. Проходя через неё, можно было очиститься от копоти и грязи, накопленных за время отсутствия в этом Богом отмеченном месте.

Калитка, дверь, поворот ключа, и замок открывался. Дом заждался хозяев и с радостью принимал их в свои дружеские объятия. Не снимая уличной обуви, парочка в ускоренном темпе обходила комнаты, словно здоровалась с каждым уголком жилища, разбрасывая флюиды непередаваемого счастья.

Затем, следуя неписаным правилам, он наливал себе чай, а она – кофе. Пара садилась за кухонный стол, а душа Дома была тут как тут. Они все втроём начинали неспешный разговор о вечности, которая позволила им собраться вместе в своих крошечных закоулках.

После беседы мужчина и женщина устремлялись поздороваться с морем, а Дом провожал их, махая платочком. Он не очень расстраивался, так как знал, что они через час-другой обязательно вернутся обратно...

Впереди были недели, а казалось, что годы – большие, толстые дяденьки, за широкими спинами которых абсолютно не было видно дня отъезда.

Время текло сначала медленно, затем быстрее, а когда дата расставания показывалась в полный рост, стрелки начинали крутиться на циферблате с бешеной скоростью. И вот наступала последняя ночь. Сборы, чемоданы, магнитики и подарки. Всё уже было приготовлено и терпеливо ожидало отъезжающих. Они опять садились за стол. Мужчина, как и в день приезда, наливал себе чай, а женщина – кофе. Но вместо беседы они писали письмо, обращаясь к себе в будущем.

«Привет вам, Ира и Гена, два влюблённых человека, которых навсегда связала судьба. Если вы читаете эти строки, значит, вы опять возвратились в Дом», – писал он, а она продолжала: «А это показывает, что судьба бережёт вас друг для друга. А наш Дом, залитый солнечным светом, безумно рад принять нас снова и подарить ещё много дней счастья и люб-

ви под своей доброй крышей».

А наутро пара со слезами на глазах уезжала из благословенного места. Проходил год, съедая месяцы и дни. Влюблённые опять возвращались. И наступал ещё один день разлуки. На кухонном столе появлялся, по закону драматизма, чистый лист.

«Домик, ура! Мы решили окончательно переселиться сюда. Жди нас! Мы скоро приедем! Мы любим тебя! Мы любим друг друга!»— писал он, а она продолжала: «Очень хочется, чтобы наши мечты сбылись, и мы оставались в твоих объятиях постоянно. Всё, что сможем, постараемся сделать. Разлука будет недолгой. Любим тебя и Геленджик!»

Они складывали листочек в несколько раз и засовывали под навесную полку в ванной комнате на первом этаже. Им казалось, что именно в этом укромном месте находился портал связи с Домом и с ними самими из будущего...

Прошло несколько лет. Он и она уже давно живут в родном Доме. Но влюблённые почему-то перестали писать ему записки. Обыденность и каждодневная суэта укутали толстым слоем пыли кусочки романтизма, придавив их для пущей убедительности старым чугунным утюгом.

Но, может быть, из этой кучи рваных бумаг недопонимания и семейных горюх на поверхность, разгребая локтями серость бытия, пролезут те прошлые записки. И Дом, заснувший на время под потухшими взглядами жильцов, опять окупётся в феерический театр. В нём, то в одном углу, то

в другом, как и прежде, будут загораться искорки счастья, а сердца неожиданно будут взлетать над оцинкованной крышей земного рая.

«Театра мне, театра!» – закричит Дом, проснувшись от зимней спячки, но это будет уже другая история...